

И
42

ФЕОКРИТ
МОСХ·БИОН
ИДИЛЛИИ
и
ЭПИГРАММЫ

ΘΕΟΚΡΙΤΟΥ
ΜΟΣΧΟΥ
ΒΙΩΝΟΣ

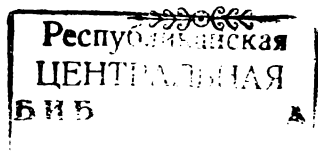
ΒΟΥΚΟΛΙΚΑ
ΚΑΙ
ΕΠΙΓΡΑΜΜΑΤΑ

ФЕОКРИТ
МОСХ
БИОН

ИДИЛЛИИ
И
1964 ЭПИГРАММЫ

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
М. Е. ГРАВАРЬ-ПАССЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М О С К В А

1 9 5 8

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

академики: *В. П. Волгин* (председатель), *В. В. Виноградов*,
И. А. Орбели, *М. Н. Тихомиров*, члены-корреспонденты АН СССР:
Д. Д. Благой, *В. М. Жирмунский*, *Н. И. Конрад* (зам. пред-
седателя), *Д. С. Лихачев*, *С. Д. Сказкин*, профессора:
И. И. Анисимов, *А. А. Елистратова*, *С. Л. Утченко*, кан-
дидат исторических наук, *Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Буколики, или идиллии — особый литературный жанр, возникший в Греции в III веке до н. э. Создателем его считается поэт Феокрит, продолжателями которого в Греции были Мосх и Бион, а в Риме Вергилий и другие позднейшие буколические поэты. В эпоху Возрождения буколическая поэзия с ее идеализацией сельской жизни воскресает в произведениях итальянских поэтов XVI века — Саннадзаро и Тассо в их «пасторалях» — «Аркадия» и «Аминта». Особенно широкое распространение идиллия получила в Западной Европе XVII—XVIII веков.

В России первые переводы греческих буколик появились в середине XVIII века (переводы Козицкого из Биона и Мосха, Приклонского из Феокрита). В конце XVIII и в начале XIX века, в период «сентиментализма» интерес к античной буколической поэзии значительно возрастает; появляются новые переводы — Мартынова, Львова, Кутузова, Востокова, Мерзлякова и, наконец, Гнедича, сделавшего превосходный перевод XV идиллии Феокрита. Первый полный перевод всех идиллий Феокрита сделан был А. Н. Сиротининым («Стихотворения Феокрита», СПб., 1890), но этот перевод нельзя назвать удовлетворительным.

Перевод М. Е. Грабарь-Пассек является первым полным переводом всех дошедших до нас произведений Феокрита, Мосха и Биона. М. Е. Грабарь-Пассек стремилась добиться в переводе максимальной точности и по возможности приблизиться к размерам подлинника.

ФЕОКРИТ

*Пастух. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала
III в. до н. э. Гос. Эрмитаж.*

Идиллия I

ТИРСИС ИЛИ ПЕСНЯ

Т и р с и с

Сладостным шелестом веток сосна свою песнь напевает,
Там, над ручьем наклоняясь; но сладко и ты на свирели
Песню ведешь, козопас; вторую за Паном награду
Ты б заслужил. Коль козла б длиннорогого взял он
в подарок,
Ты получил бы козу; если ж матку, то ты б однолетку-
Козочку взял; у козы недоившейся славное мясо.

К о з о п а с

Слаще напев твой, пастух, чем рокочущий говор потока
Там, где с высокой скалы низвергает он водные струи.
Если б овечку себе захотели взять Музы в подарок,
10 Взял бы ягненка ты в дар; но если бы им приглянулся
Жирный ягненок, тогда ты себе бы оставил овечку.

Т и р с и с

Друг козопас, ради нимф, не сыграешь ли мне на свирели?
Там на пригорке мы сядем, где клонятся вниз тамариски;
Ты мне сыграл бы, а я той порой присмотрел бы за стадом.

Козопас

В полдень не время, пастух, на свирели играть нам,
не время,

Пана боимся: с охоты вернувшись, об эту он пору
Ляжет в тени отдыхать; ведь знаешь — уж больно он
вспыльчив:

Едкою желчью налившись, раздуются ноздри от гнева.
Так не споешь ли мне, Тирсис, сказанье о Дафниса муках?

20 Ты высоко залетать научился за Музой пастушьей.
Против Приапа и нимф родниковых под вязом мы сядем;
Будто на троне сидим, на пастушьем, на этом пригорке
Между деревьев густых. И когда пропоешь ты мне песню,
Ту, что недавно ты пел, состязаясь с ливийцем Хромином,
Трижды удой я отдам от козы, родившей мне двойню:
Хоть и двоих она кормит, — я два получаю ведерка.
Кубок большой подарю, благовонным воском покрытый, —
Ручки с обеих сторон — он словно резцом еще пахнет!

Видишь, по краю вверху извивается плющ темно-
листый,
30 Вплелся бессмертник в него, на плюще же по нижнему
краю.

Густо украшены стебли гроздями плодов золотистых.
Женщина дивной красоты посредине изваяна кубка;
В пеплос одета она и в повязку. А рядом — мужчины,
Оба с кудрями густыми; они с раздраженьем взаимным
Спорят между собой, — ее же не трогает это.
То одному из них бросит, прельщая, и взгляд, и улыбку,
То вдруг отдаст предпочтенье другому; и оба, разжегшись,
С полными кровью глазами, упорно и тщетно ярятся.

Дальше на кубке — старик-рыболов; на утесы крутые,
40 Видишь, он тащит с трудом тяжелые сети для лова.
Бедный старик! Посмотри, мне кажется, сильно устал он.
Мышцы свои он напруг до натуги, что мочи хватило,
Так что с обеих сторон надуваются жилы на шее.
Волосы, правда, седые, но силой он юношам равен.

Дальше немного взгляни: за старцем, от ловли
уставшим,

В пышных синеющих гроздьях роскошный лежит
виноградник.

Там на терновой ограде уселся мальчик-малютка:
Сад сторожит он; за ним две лисицы меж лозами бродят.
Первая спелые гроздья ворует, а к брошенной сумке
50 Ловко подкралась другая, решив, что не раньше оставит
Завтрак мальчишки в покое, чем сумка не станет пустою.
Он же из тоненьких прутьев чудесную сетку сплетает,
Вяжет осокой ее; забыл он и думать о сумке,
Да позабыл и о лозах, одною лишь сеткой занявшись.

Всюду по кубку кругом завиваются ветки аканфа.
Кубок завидный, взгляни со вниманьем, — на диво
сработан.

Мне перевозчик его перепродал, как плыл я с Калидна.
Козочку дал я ему да круг белоснежного сыра.
Но никогда не касался я этого кубка губами.
60 Не был он мной обновлен; его уступлю я охотно,
Если споешь мне, мой друг, ты напев этой песни чудесной.
Право же, я не шучу, начинай! ты едва ли захочешь
Песнь для Аида сберечь, где ее навсегда позабудешь.

Т и р с и с

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Тирсис я, с Этны я родом, и сладок у Тирсиса голос.
Были вы где, когда Дафнис кончался, где были вы, нимфы?
Там, где струится Пеней? Иль, быть может, на Пиндских
высотах?

Вас в этот день не видали могучие струи Анапа,
Этны крутая скала и священные Акиса воды.

70 Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
Выли шакалы над ним, горевали и серые волки,
Лев из дремучего леса над гибнущим горько заплакал,
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
К самым ногам его жались волы и быки молодые,
Тесно столпившись вокруг, и коровы, и телки рыдали.
Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

Первым Гермес, с вершины спустившись, спросил его:

«Дафнис.

Что так терзает тебя? Кого ты так пламенно любишь?»

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

80 Все пастухи, что коров стерегут, или коз, иль овечек,

Все вопрошали его, от какого он горя страдает.

Следом явился Приап и промолвил: «Что, Дафнис ты

бедный.

Таешь? А дева твоя исходила и рощи, и реки, —

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы! —

Ищет тебя лишь, — а ты, неудачник, уж больно неловок.

Ты ведь погонщик быков, а страдаешь, как козий подпасок.

Он, увидав на лугу, как козы, с бляеньем, резвятся,

Глаз не спускает, грустя, что козлом он и сам не родился».

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

90 «Так же и ты, услышав, как звонко смеются красотки,

Их поедает глазами, вмешаться в их круг не умея».

Но не ответил ни слова пастух им на все эти речи.

Горькой исполнен любовью, до смерти был року покорен.

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

С нежной улыбкой к нему тогда появилась Киприда;

Сладко она улыбалась; но на сердце гнев затаила;

Молвила: «Хвастал ты, Дафнис: над Эросом ты

насмеешься.

Что же? Не ты ли осмеян безжалостным Эросом нынче?»

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

100 Гневно ей Дафнис сказал: «О жестокая, злая Киприда!

О ненавистная мне Киприда, враждебная смертным!

Думаешь, злоба моя отойдет с моим солнцем последним?

Дафнис, сошедший в Аид, — для Эроса злейшее горе».

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

Дафнис Киприде сказал: «Ступай поскорее на Иду,

Прямо к Анхису беги; под дубами там травы душисты.

Там над поляной цветущей гудят неумолчные пчелы».

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

«Да и Адонис красив — он пасет свое стадо барашков,

110 Зайцев он мастер ловить и за зверем по лесу гоняться».

*Голова Пана. Мрамор. Рижская копия с греческого оригинала
III в. до н. э. Гос. Эрмитаж.*

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Может, еще Диомеду навстречу пойдешь с похвальбою:
«Дафнис-пастух побежден, — не сразишься ль со мною
ты снова?»

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Волки, шакалы, медведи, живущие в горных пещерах!
Дафнис, пастух ваш, отныне бродить уж не будет по рощам,
Ни по дремучим лесам, ни по чащам. Прости, Аретуса!
Светлые реки, простите, бегущие с высей Тимбрийских!»

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
120 «Да, это я, это Дафнис, быков своих здесь
стороживший,
Дафнис, гонявший волов и коров своих здесь к водопою».

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!
«Пана, Пана зову я. Живешь ты на скалах Ликейских
Иль на Майнале крутом. Приди же на брег Сицилийский!
К нам ты явись, покинув могильную насыпь Гелики,
Ликаонида курган, богам возведенный на зависть».

Песни пастушьей запев допевайте вы, милые Музы!
«О, появись, властелин! Возьми ты свирель; прилегают
Плотно к губам ее трубки, облитые воском душистым.
130 Эрос меня увлекает, я чувствую, в бездну Аида».

Песни пастушьей запев допевайте вы, милые Музы!
«Пусть же аканф и колючий терновник рождает фиалку.
Пусть в можжевеловых ветках нарциссы красуются гордо.
Будет пусть все по-иному, пусть груши на соснах рождаются,
Псов пусть загонит олень, пускай с соловьями сравнится
Филин пещерный в напевах, лишь только Дафнис
погибнет».

Песни пастушьей запев допевайте вы, милые Музы!
Вымолвив это, он смолк; и тщетно его Афродита
К жизни пыталась вернуть: перерезали нить его Мойры.
140 Волны умчали его, и темная скрыла пучина
Дафниса, милого Нимфам, любимого Музами мужа.

Песни пастушьей запев допевайте вы, милые Музы!

Ну, приведи мне козу, да кстати уж дай и подойник.

Музам обряд совершу. Многократный привет вам, о Музы!
Буду напевы и впредь вам слагать я, и лучше, чем этот.

К о з о п а с

Медом хотелось бы мне уста твои, Тирсис, наполнить!
Сладостным медом из сот, виноградом от лоз на Айгиле.
Право, куда же искусней поешь ты, чем звонкий кузнечик.
Вот тебе кубок; понюхай, мой друг, как он пахнет чудесно.
150 Словно его в роднике сполоснули рукой своей Оры.
Эй, Киссайта, сюда! Подои ее сам; да постоите,
Козы, козла берегитесь! Не прыгайте — мигом пристанет.

И д и л л и я II

КОЛДУНЬИ

Где ж это лавр у меня? Фестилида! А где ж мои зелья?
Кубок теперь обмотай поплотнее ты шерстью пурпурной.
Так же связать я б хотела жестокого милого друга:
Суток двенадцать прошло, а все он ко мне не приходит.
Даже не хочет узнать, умерла иль живу я на свете;
В двери, злодей, и не стукнет. Ах, Эрос, и ты, Афродита,
Снова, наверно, к другой увлекли вы легкое сердце.
Завтра его повидать я пойду к Тимагету в палестру;
Горько его упрекну за все, что он сделал со мною.
10 Нынче ж заклятем и жертвой свяжу я его; ты, Селена,
Ярче сияй! И к тебе обращаюсь я, дух молчаливый,
К мрачной Гекате глубин, лишь заслышавши поступь
которой
В черной крови меж могил дрожат от страха собаки.
Страшной Гекате привет! До конца будь мне верной
подмогой,
Зелье мне сделай страшней, чем яды напитков Цирцеи,
Ядов Меден страшней, Перимеды отрав златокудрой.
Вновь привлекли, вертишейка, под кров мой милого друга!
Раньше всего пусть ячмень загорится! Да сыпь же скорее!
Что ж, Фестилида? Злодейка! Куда твои мысли умчались?
20 Или, негодная, ты надо мною не прочь насмеяться?
Сыпь же скорее и молви: «Я Дельфиса косточки сыплю».

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Дельфис меня оскорбил — для Дельфиса лавр я сжигаю.
Так же, как ветка в огне разгорается с треском вначале,
Вспыхнет внезапно потом, даже пепла нам не оставив, —
Так же пусть в прах на огне рассыпается Дельфиса тело.

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Так же, как воск этот мягкий с мольбою я здесь
растопляю
Так пусть от страсти растает немедленно Дельфис-
миндиец.

30 Как под рукой Афродиты кольцо это быстро вертится, —
Так же пускай повернется к дверям моим Дельфис
тотчас же.

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Отруби в жертву несую. Артемида, ты силою своею
Твердость алмаза смягчаешь, смягчи же ты то, что упорно...
Слушай, как там, Фестилида, по городу псы завывают:
Там, на трехпутье богиня — да бей же ты в медную чашу!

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Бездна морская молчит, успокоились ветра порывы,
Только в груди у меня ни на миг не умолкнет страданье.
40 Вся я сгораю о том, кто презренной несчастную сделал,
Чести жены мне не дав и девической чести лишивши.

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Трижды лью я вино и к могучей я трижды взываю:
Женщина ль возле него, или юноша, — пусть он забудет
Так же о них навсегда, как когда-то на острове Дии
Разом Тесей, говорят, о кудрявой забыл Ариадне.

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого друга!
Травка аркадская эта сжигает коней быстролётных
Страсти безумным огнем и пыл в кобылицах рождает.
50 Если б могла увидеть я, как в дом этот Дельфис ворвется

Геката. Мрамор. Греческая работа конца V начала IV в до н. э. Гос. Эрмитаж.

В страстном безумье любви, из палестры блестящей
вернувшись!
Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Кисть от плаща своего обронил эту Дельфис когда-то;
Мелко ее расщипав, я в жгучее пламя бросаю.
Эрос жестокий! Зачем, присосавшись болотной пиявкой,
Выссал черную кровь из груди моей ты без остатка?

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Я разотру саламандру, и завтра же выпьет он зелье.
Травы теперь, Фестилида, возьми. К его двери порогу.
60 Сверху прижавши, дави, но смотри — пока ночь не минула!
Плюнувши после, ты молви: «Давлю я здесь Дельфиса
кости!»

Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого
друга!

Вот я осталась одна, — но как же любовь мне оплакать?
Как мне, откуда начать? Кто меня этой мукой карает?
Эвбула дочь, Анаксо, меж девушек, несших корзины,
В храм Артемиды пошла; в честь богини в тот день
привели к нам

Множество диких зверей — была даже львица меж ними.

Как моя страсть рздилась, послушай, царица Селена.

Вдруг Тевхаридова нянька, фракиянка, — жили мы
рядом, —

70 Та, что на днях умерла, приходит — и молит и просит
Вместе пойти поглядеть, а я — ах, мой жребий
злосчастный! —

С нею идти согласилась. Хитон мой нарядный из бисса
Быстро накинула я и закуталась в плащ Клеаристы.

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Я половину дороги прбшла, но у дома Ликопа
Дельфиса встретила я; с Эвдамиппом он шел мне навстречу.
Вился пушок их бород, золотистой цветка златоцвета.
Блеском их грудь отливала; он ярче тебя был, Селена.
Шли из гимнасия оба, покончив со славной работой.

225219

80 Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Глянула, — дух занялся, будто в сердце мне что-то
вонзилось,
Краска сбежала с лица, — я о празднестве больше
не помню;
Даже не помню, когда я и как в свой дом воротилась.
Знаю одно, что меня пожирала болезнь огневая,
Десять ночей на постели и десять я дней пролежала.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Кожу на теле как будто покрасили в желтую краску,
Падал мой волос густой, и скоро остались от тела
Кожа да кости одни. И как я в ту пору лечилась!
90 Скольких старух я звала, что лечили от глаза шептаньем!
Легче не стало ничуть мне, а время все дальше летело.
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Молвить служанке моей я правдивое слово решила:
«Средство скорее достань, Фестилида, от тяжелой болезни.
Всей мной, несчастной, владеет миндиец; и ты поскорее
Стань, карауля его, у ворот Тимагета палестры.
Часто заходит туда; там бывать ему, видно, приятно».
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Выждешь, чтоб был он один, и, кивнув головой
потихоньку,
100 Скажешь: «Симайта зовет» и ко мне его тотчас проводишь.
Так я велела; служанка, послушавшись, в дом мой
приводит
Дельфиса с белою кожей; а я-то, лишь только заслышав,
Как он к порогу дверному притронулся легкой ногою, —
Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Вся я застыла, как снег, и холодные капельки пота
Лоб мой покрыли внезапно, подобные влажным росинкам.
Рта я открыть не могла и ответить хоть лепетом слабым,
Даже таким, что малютка к родимой во сне обращает;
Тело застыло мое, я лежала, как кукла из воска.
110 Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Он на меня поглядел, и, безжалостный, очи потупив,
Тихо на ложе присев, он молвил мне слово такое:

«Да, сознаюсь, забежала вперед ты немного, Симайта,
Так же, как давеча я обогнала молодого Филина:
В дом свой меня пригласила ты раньше, чем я собирался».

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Да, я и сам бы пришел, в том клянусь я Эросом сладким!
Трое иль четверо нас; мы сегодня же ночью пришли бы,
Яблоки, дар Диониса, припрятавши в складках накидок,
120 В светлых венках тополевых; священные листья Геракла
Мы бы украсили пышно, пурпурною лентой обвивши».

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Коли б меня приняла, то и ладно бы; ловким красавцем.
Право, меж юношей всех меня почитают недаром.
Только б коснулся тогда поцелуем я губок прекрасных.
Если б меня оттолкнула, засовами дверь заложивши.
С факелом, с острой секирой тогда бы я в дом твой
ворвался».

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Первое дело теперь — я Киприде воздам благодарность.
130 Ну, а потом — и тебе. Ты спасаешь от огненной пытки,
Милая, тем, что меня пригласила сегодня на ложе;
Я ведь почти что сожжен; ах, губительно Эроса пламя!
Жарче палить он умеет, чем даже Гефест на Липаре».

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
«Девушек чарами злыми он манит из девичьей спальни,
Жен новобрачных влечет с неостывшего мужнего ложа».

Как моя страсть родилась, послушай, царица Селена.
Вот что он мне говорил, и впивала я все легковерно.
За руку взявши его, я на ложе к себе привлекала.
Тело прикинуло к телу, и щеки от счастья горели
140 Жарче и жарче, и сладко друг с другом мы тихо
шептались.

Многих я слов не хотела б терять, о Селена благая,
Как до предела дошел он, и вместе мы страсть разделили.
Вплоть до вчерашнего дня он не мог бы мне сделать
упрека,

Также и я б не могла. Вдруг знакомая нынче приходит —

Мать Меликсó и Филисты, искусной флейтистки
самийской, —

Рано, едва рассвело, и чуть на небо кони взбежали,
Что розоперстую Эос несут из глубин Океана.
Много она наболтала, и кстати, как Дельфис влюбился:
Снова он страстью пылает, но к девушке или к мужчине.
150 Точно не знает она; во имя любви своей новой
Чистым вином возлиянье свершив и не кончив пирушки,
Он поспешил убежать, чтобы двери венками украсить.
Вот что сказала мне гостя, и знаю я — все это правда.
Прежде ко мне приходил он на дню по три раза и чаще,
В склянке дорийскую мазь оставлял он, как дома, нередко;
Нынче двенадцатый день, как я его больше не вижу.
Видно, нашел себе радость иную, меня позабывши.
Нынче его волшебством я свяжу, но Мойрой клянусь я:
Коль оскорбит он опять — стучать ему в двери Аида!
160 В этом вот ларчике здесь сохраняются страшные зелья.
Мне ассириец-пришелец поведал, что делают с ними.
Нынче прощай же, царица, коней поверни к Океану!
Я же олять понесу, как несла, мое горе доньше.
Светлой Селене привет! И привет вам, светлые звезды,
Вслед за небес колесницей плывете вы, спутники ночи!

И д и л л и я III

КОЗОПАС, ИЛИ АМАРИЛЛИС

Песню сейчас я спою Амариллис, а козы покамест
Бродят пускай по горам! Сторожит их мой Титир,
подпасок.

Титир, послушай, дружок дорогой, ты за стадом
присмотришь

И к водопою сведешь; да построже за тем пригляди-ка
Старым ливийским козлом: он бодается, будь осторожен!

Прелесть моя, Амариллис, ну, что же ты в сумрак

пещеры

Милого друга к себе не поманишь? Иль стал я немилым?

Иль я, красotka, вблизи показался уж очень курносым
Иль длиннолицым тебе? Вот увидишь, я, право, повешусь!

10 Яблок десяток принес я с собою, и там, где велела,
Их постарался набрать; да и завтра я столько ж добуду.

Видишь ты муки мои. Как хотелось бы мне обернуться
Пчелкою, звонко жужжащей! Проникнуть я мог бы

в пещеру,

Плющ раздвинув густой, за которым от глаз ты укрылась.

Эроса нынче узнал я: жесток он. Как видно, недаром
Львиным вспоён молоком и воспитан он в чашах дремучих;
Пламенем жжет он меня и до мозга костей пробирает.

Глянь же, краса-чернобровка! Ах! Вся ты — как свежее
сало!

К сердцу прижми ты меня, козопаса, — уж как расцелую!
20 В деле пустом — в поцелуях — а сколько же радости
сладкой!

Видно, заставишь сейчас разорвать ты на мелкие
клячья

Этот венок, Амариллис моя, для тебя принесенный:
Плющ обвивает бутоны, и с ним — сельдерей ароматный.
Горе мне! Что я терплю! И слушать, злодейка, не хочешь?
Сброшу я шкуру с плеча и в пучину с берега прыгну.
С места, где Ольпис-рыбак на тунцов свои сети
раскинул.

Если я там утону, тебе это будет на радость.
Давеча вспомнил тебя и подумал, что больше
не любишь.

Маковым хлопнул листом и увидел, что лист,
не порвавшись,

30 К локтю прилип моему и тотчас же без силы свернулся.

Правду недавно Гройб мне сказала, на сите гадая.
Молвила то ж Парабайтис, которой все травы знакомы:
Полон тобою я весь, ты ж со мной не считаешься вовсе.

Козочку белую я воспитал тебе с двойней козляток.
Знаешь служанку Мермнона? Просила не раз уж,
смуглянка.

Ей подарить. И отдам, коли ты меня так презираешь.

Правый мой глаз замигал; это значит — ее я увижу.

К этой сосне прислонясь, запою-ка я новую песню;
Может быть, взглянет она — неужель ее сердце стальное?

40 «Как захотел Гиппомен получить себе девушку
в жены.

Яблоки взял он с собой; Аталанта же, с ним состязаясь,
Глянув, лишилась ума, да и прыгнула к Эросу в бездну.

Пригнано стадо Мелампом-кудесником с Отриса
в Пилос.

И в награждение за это в объятья попала к Бианту
Дева, что матерью стала разумнейшей Альфесибои.

Что же? Адонис-пастух, свое стадо по высям гонявший.
Разве не смог он разжечь Киферею до страстного пыла.

Так что от трупа его она оторваться не может?

Эндимиону завидую я, уснувшему крепко,
50 И к Язиону я чувствую зависть, моя дорогая,
Знавшему много такого, чему даже трудно поверить».

Ах, как болит голова! Что тебе до того? Вот не стану
Петь я, в траву упаду — пусть съедят меня волки на месте!
Слаще, наверно, чем мед. тебе моя будет погибель!

И д и л л и я IV

**ПАСТУХИ, ИЛИ БАТТ
И КОРИДОН**

Б а т т

Чьих же коров ты пасешь, Коридон? Это стадо Филонда?

К о р и д о н

Стадо Айгоново это; пасти его мне он оставил.

Б а т т

То-то, должно быть, тайком ты их под вечер всех
передоишь!

К о р и д о н

Что ты? Старик к ним приводит телят и за мной
наблюдает.

Б а т т

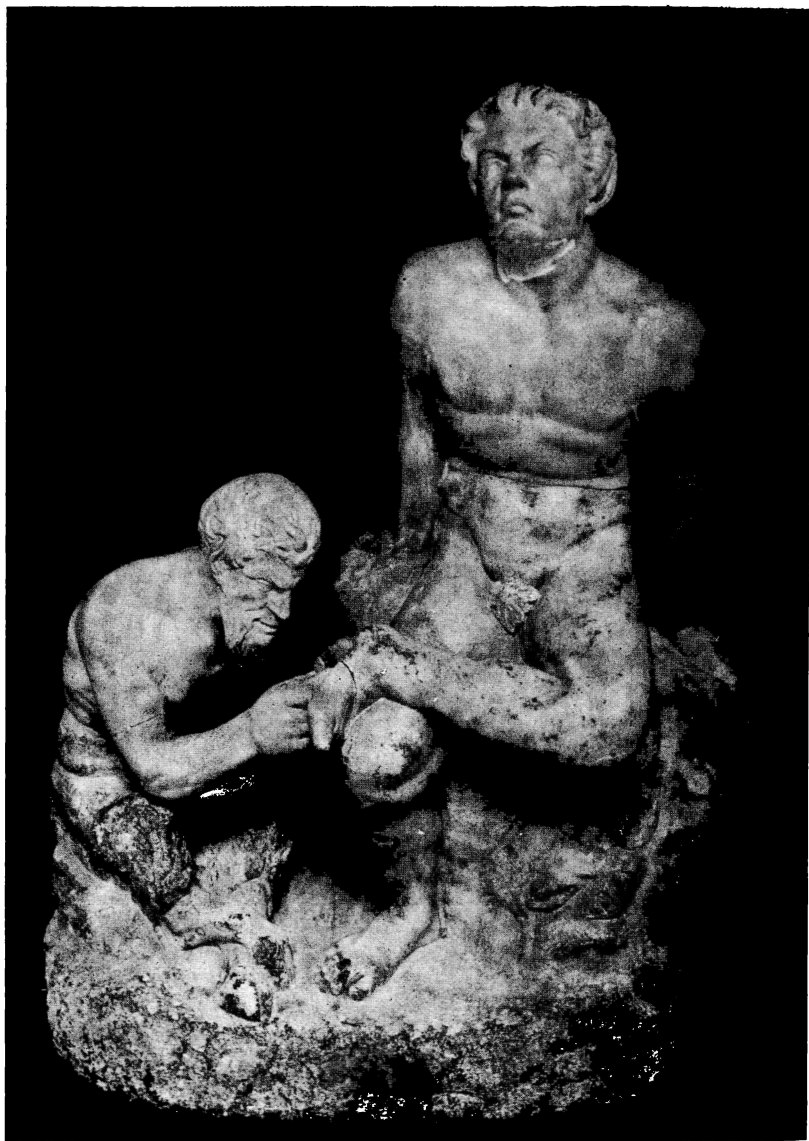
Ну, а пастух-то пропащий, не знаешь, куда же он делся?

К о р и д о н

Ты не слышал? На Алфей взял Милон его вместе с собою.

Б а т т

Что же, хоть глазом единым видал он, как мажутся
маслом?

*Пан и сатир. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала
II—I вв. до н. э. Гос. Эрмитаж.*

К о р и д о н

Он, говорят, хоть с Гераклом проворством и силой
сравнится.

Б а т т

Мне ж моя мать говорит: Полидевка он много слабее.

К о р и д о н

10 Взял он лопату с собой да еще два десятка баранов.

Б а т т

Должен он был и волков пригласить, чтобы стадо
прибрали!

К о р и д о н

Грустным мычаньем о нем надрываются эти телушки.

Б а т т

Бедные, жалко мне их! Ведь пастух-то их больно неважен

К о р и д о н

Правда, уж так-то печальны, что даже и траву не щиплют.

Б а т т

Да, у коровки вон той остаются лишь кожа да кости.
Верно, рососою она насыщается, словно кузнечик.

К о р и д о н

Зевсом клянусь, это ложь! Когда угощу на Айсаре
И поднесу ей особо вязанку душистого сена,
То-то запрыгает, глянь, на Латимне по склонам тенистым.

Б а т т

20 Тоже и этот бычок рыжеватый не слишком-то жирен.
Дем Ламприадов, пожалуй, охотно б для жертвы богине
Гере его приобрел: ведь у дема пусто в кармане.

Коридон

Нет, к Стомалимну гоняю его и на выгоны Фиска,
Также к затонам Неайта; а там-то уж выгон на славу —
Козья мука, сухостебель и много душистой медвянки!

Батт

Жалко мне, жалко коров! Ведь придется, Айгон
злополучный.

Им отправляться в Аид. За пустой ты победой погнался!
Плесень покрыла свирель, которую славно ты сладил.

Коридон

Нимфой клянусь я, — ну, как не надумал он, в Пису
собраться.

30 Хоть бы ее подарить мне? Играть-то я больно охотник.
Главки напевы я славно играю и песенки Пирра.
В песнях пою про красивый Кротон, про Закинф поминаю
И про Лакиний восточный пою, где Айгон наш могучий
Восемь десятков лепешек один проглотить ухитрился.
Раз он, бычину большого стащив там с гор за копыта,
В дар Амариллис поднес; с перепугу все женщины разом
Подняли гомон и крик, а пастух только громко смеялся.

Батт

Прелесть моя, Амариллис! Хоть нет уж тебя меж живыми.
Помню тебя лишь одну; милей ты всех коз — и угасла!
40 Горе! Какой это бог поразил меня так беспощадно?

Коридон

Батт, приободришь, дружок! Вдруг завтрашний день
улыбнется:

В жизни надежда не гаснет, одни мертвецы — без
надежды.

Зевс лучезарен подчас, подчас же и дождь посылает.

Батт

Правда твоя. Но телят прогони-ка ты! Вот негодяи!
Вон они — гложут побегу маслины. Ну, серый, смотри ты!

Коридон

Ну-ка, Кимайта, поближе к пригорку! Как? Слушать не
хочешь?
Паном клянусь, доберусь я — тогда тебе плохо придется,
Коли назад не вернешься оттуда. Смотри-ка ты, снова
туда же!
Где ж это посох с крюком запропал мой? Отдую на славу!

Батт

50 Слушай, взгляни, Коридон, ради Зевса! Мне, верно,
колючка
Только что в пятку впила; до чего ж они входят
глубоко!
Что за противный терновник! Подохнуть бы этой корове!
Я на нее зазевался. Ну, что же, ты видишь занозу?

Коридон

Да, ухватился уже я ногтями. А вот она — глянть-ка!

Батт

Ранка-то чуть лишь заметна, а сладила с таким парнем!

Коридон

Батт, коли в горы пойдешь, так идти ты не вздумай
разутым:
Есть держи-дерево там, и боярышник пышно разросся.

Батт

Кстати, скажи, Коридон, к Эротиде-то твой старикашка
Все еще льнет, к чернобровой? Он здорово ею разжегся.

Коридон

60 Страсть как пылает, бедняжка! К примеру, — то давеча
было —
В хлев я случайно вошел и застал его прямо за делом.

Батт

Ах, старикашка бесстыжий! Ну, впрямь бы он мог
поравняться
С родом веселых сатиров и с Пана родней козлоногой.

И д и л л и я V

КОМАТ И ЛАКОН

К о м а т

Козы мои, вон того пастуха, что при стаде Сибирта,
Вы избегайте, Лакона! Вчера мою шкуру украл он.

Л а к о н

Овцы, живей от ручья! Вы не видите разве Комата?
Давеча он поживился моею прекрасной свирелью!

К о м а т

Я поживился свирелью? Когда ж это, раб ты Сибиртов,
Ты-то свирелью разжился? Неужто уж больше не хочешь
Ты с Коридоном своим на свистулке пицать
тростниковой?

Л а к о н

Эту свирель подарил мне Лакон; у тебя, вот, любезный,
Шкуру навряд ли украсть бы я мог! У Комата — и шкура!
10 Должен лежать без подстилки и сам Эвмарид, твой
хозяин.

К о м а т

Крокил недавно отдал мне ее, эту пеструю шкурку,
Нимфам козленка зарезав; тогда уже, верно, негодный,
Таял от зависти ты, а теперь меня голым оставил.

Л а к о н

Паном прибрежным клянусь: я, Лакон, Калайта наследник,
Шкуры твоей не украл! Коли лгу я, то, ум потерявши.
С этих утесов тотчас же мне броситься в Кратиса воду!

К о м а т

Что ж до меня, дорогой мой, то Нимфами этих заливов
Я поклянусь — навсегда пусть ко мне благосклонны
пребудут —
Верь, потихоньку свирелью твою Комат не разжился.

Л а к о н

20 Нет! Чем поверить тебе, лучше вынести Дафниса муки!
Хочешь козленка поставить? Хотя уж не больно он
важен.
В пенье тебя одолею я так, что пойдешь на попятный.

К о м а т

Спорит с Афиной свинья. Но согласен я, ладно, вот
козлик;
Ставь пожирнее барашка, смотри ты, да выбери с толком.

Л а к о н

Это, ты скажешь, мошенник, считается равной наградой?
Конский ты волос возьмешь вместо шерсти? И кто же,
имея
Козочку с первым козленком, доить станет скверную
суку?

•К о м а т

Тот, кто надсется зря на победу, со мною тягаясь,
Тот, кто жужжит, как оса, а с кузнечиком спорить затеял.
30 Козлик не нравится — можно козла тебе дать; начинай же!

Л а к о н

Ты не спеши, не в огне ты сидишь. Нам же будет приятней
Петь под маслиною там, посмотри-ка, в той роще усевшись;
Там, где холодный журчит ручеек, где нам мягкой
подстилкой
Свежая будет трава, где немолчно болтают цикады.

К о м а т

Я-то ничуть не спешу. Но я, право же, диву даюся,
Как еще смеешь ты прямо в глаза поглядеть мне?
Ведь я же
Тот, кто учил тебя, крошку! И вот мне за ласку награда.
Вскармливай, видно, волчатили псов, чтобы съели тебя же.

Л а к о н

Доброе что я слышал от тебя и чему научился?
40 Я не припомню! Ты сам, человечиска, грязный завистник.

К о м а т

Если тебя пробирал я, ревел ты от боли нередко;
Блеяли козы вокруг, козел же за ними гонялся.

Л а к о н

Да, вот за эти проборки тебе бы ни дна, ни покрышки,
Скверный горбун! Но пойдем же, начнем, наконец,
состязанье.

К о м а т

Нет, не пойду я туда. Здесь разросся чебрец под дубами,
Пчелы жужжат так чудесно, с добычей вкруг ульев
кружась,
Здесь же с водой ледяной два источника; здесь на
деревьях
Разные птицы щебечут; местечка, чем это, тенистей
Нет здесь иного, а сверху сосна свои шишки роняет.

Л а к о н

50 Мягкую шерсть ты себе там подстелешь и шкурки
барашков,
Грезы нежнее они; у тебя же от шкур от козлиных
Запах прескверный идет, да не лучше и сам ты воняешь.
Кубок я Нимфам поставлю большой с молоком
белоснежным,
Чашу другую я дам с благовонным оливковым маслом.

К о м а т

Если останешься здесь, ты подстелешь здесь мягкую
травку,
Мяты цветущей нарвешь. Под себя же ты шкурки
подложишь
Юных козлят годовалых, что вчетверо мягче бараньих;
Восемь подойников полных я Пану поставлю сейчас же,
Восемь лоханок больших, что наполнены сотовым медом.

Л а к о н

60 Ладно, со мной состязайся ты здесь и пой, где угодно;
К травам своим и дубам хоть прилипни; но кто ж нас
рассудит.
Кто же, скажи мне? Когда б подвернулся Ликоп нам
со стадом!

К о м а т

Вот уж нимало я в ком не нуждаюсь: но если ты хочешь,
Можем позвать мы сюда дровосека, что рубит кустарник
Там вон, вблизи от тебя; а зовут его, знаю, Морсоном.

Л а к о н

Что ж, позовем.

К о м а т

Ну, покликай!

Л а к о н

Поди-ка сюда на минутку!
Ближе еще подойди! Мы задумали с ним потягаться,
Кто из нас лучше поет: свое мнение, Морсон мой
любезный,
Мне без пристрастья скажи, и ему не давай перевеса.

К о м а т

70 Просьба моя — ради Нимф — дорогой ты Морсон мой,
Комата
Сторону ты не держи, но смотри — и ему не потворствуй.
Видишь ли, стадо вон то — это овцы фурийца Сибирта,
Козам же этим хозяин, дружок мой, Эвмар Сибаритский.

Л а к о н

Кто, ради Зевса, тебя здесь расспрашивал, стадо Сибирта
Или мое? Из людей ты подлейший! И зря все болтаешь!

К о м а т

Да, благороднейший мой, отвечаю я всюду по правде,
Хвастаться я не люблю; ну, а ты уж и рад побраниться.

Л а к о н

Все уж скажи до конца! Не вернуться, наверно, Морсону
В город до смерти. О Пан! Ты, Комат, больно много
болтаешь.

К о м а т

80 Больше, чем к Дафнису, Музы сегодня ко мне
благосклонны.
Двух годовалых козлят я зарезал им давеча в жертву.

Л а к о н

Так же ко мне Аполлон расположен — и славный барашек
Будет ему припасен: ведь Карнейские дни недалеко.

К о м а т

Доятся все, кроме двух, мои козы, по двойне родивши.
Глянув, красotka сказала: «Один ты их доишь,
бедняжка?».

Л а к о н

Эй, поглядите! Лакон, наполнивши двадцать корзинок
Сыром, теперь меж цветами балуется с юным мальчишкой.

К о м а т

Только лишь выгоню коз, в козопаса сейчас Клеариста
Яблоки метко бросает и сладкую песню мурлычет.

Л а к о н

90 Что ж до меня, безбородный Кратид пастуха,
повстречавшись.
Сводит с ума. Как вдоль шеи струятся блестящие кудри!

К о м а т

Дикий шиповник из леса иль простенький цвет анемона
Могут ли с розой сравниться, растущей в садах вдоль
ограды?

Л а к о н

Также не может вступать в состязание жолудь с каштаном:
Первый дубовой корою покрыт, а этот — как сладок!

К о м а т

Скоро красотке моей принесу я голубку в подарок;
Я в можжевельник залезу: там голуби часто гнездятся.

Л а к о н

Я же на новенький плащ настригу скоро мягкую шерстку
С этой вот бурой овцы, и отдам ее сам я Кратиду.

К о м а т

100 Козочки, прочь от маслин отойдите вы! Смирно паситесь
Там, где на склоне холма наклоняются вниз тамариски.

Л а к о н

Прочь от дубов убирайтесь живее, Конар и Кинайга!
Там, где пасется Фалар, на лужайке восточной бродите.

К о м а т

Славный подойничек мой кипарисный и кубок не хуже,
Сделал Пракситель его: берегу их для девушки милой.

Л а к о н

Псом я владею, на волка похожим, приятелем стада;
Дам его другу в подарок затравливать дикого зверя.

К о м а т

Слушай-ка ты, саранча, перепрыгнуть ты хочешь ограду?
Лоз виноградных не порти; и так они вовсе засохли.

Л а к о н

110 Как разозлил козопаса я здорово, гляньте, стрекозы!
Так же, пожалуй, жнецов раздражаете вы своим треском.

К о м а т

Я ненавижу лисиц длиннохвостых, что к лозам Микона
Под вечер тихо крадутся обглаживать спелые гроздья.

Л а к о н

Мне же противны жуки, что кружатся вокруг сада
Филонда;
Гложут созревшие смоквы, и носит их ветер повсюду.

К о м а т

Помнишь, как вздул я тебя? Ты же, зубы со злобой
оскалив,
Весь извивался червем и за дуб всюю силой хватался.

Л а к о н

Этого — что-то не помню; но то, как тебя, привязавши,
Твой Эвмарид обработал, — вот это я помню отлично.

К о м а т

120 Кто-то уж больно сердит; неужели, Морсон, ты не видишь?
Ты на могилах старух набери ему сциллы цветочков.

Л а к о н

Да, я кого-то задел! Это, верно, Морсон, — ты заметил?
Живо, сорви цикламен, что у вод расцветает Галентских.

К о м а т

Пусть Гимерийский поток обратится в молочную реку,
Кратиса струи — в вино, а камыш станет садом плодовым.

Л а к о н

Пусть Сибарис обратится в медовую реку, чтоб утром
Девушка вместо воды принесла себе меда ведерко.

К о м а т

Клевером кормятся козы и козьей травкой душистой,
Лазят в фисташковых чащах, лежат меж кустов земляники.

Л а к о н

130 Сладкий цветок медуницы в обилии щиплют барашки,
Вкусен и цвет полевой, распустившейся розы пышнее.

К о м а т

Я на Алкиппу сердит; не хотела мне дать поцелуя,
За уши взявши покрепче, когда я ей отдал голубку.

Л а к о н

Как Эвмедея люблю я! Свирель ему дал я недавно;
Он же меня наградил поцелуем и крепким, и сладким.

К о м а т

Нет, неповадно, Лакон, с соловьями сражаться сорокам,
Ни с лебедями удодам. Напрасно ты ссоры заводишь!

М о р с о н

Больше, пастух, ты не пой, так велю я. Комат от Лакона
В дар пусть получит овцу; ну, а после, когда ты зарежешь
140 Нимфам овечку, пришли-ка Морсону кусочек получше.

К о м а т

Паном клянуся, пришло. Ликуй, мое стадо козляток!
Скоро увидите все вы, как буду теперь над Лаконом
Каждый я раз издеваться при встрече, за то, что сегодня
Мне перепала овечка. Готов я до неба подпрыгнуть!
Козы мои, веселее, рогатые! Завтра зарею
Вас в Сибаритский залив погоню я и всех искупаю.
Ты же, бодливый Левкипп, попытайся лишь козочку
тронуть.

Мне хоть одну ты, пока не зарезал я Нимфам овечку, —
Вмиг отлуплю! Как, ты снова? Ну, коли тебя не прикончу,
150 Пусть называюсь отныне Мелантием вместо Комата!

И д и л л и я VI

ПАСТУХИ-ПЕВЦЫ ДАФНИС
И ДАМОЙТ

Раз так случилось, Арат, что стада свои Дафнис
с Дамойтом
Вместе пустили пастись. Был один из них мужем
цветущим.

Юным подростком другой. У ручья они, вместе усевшись,
Песни пропели такие в полдневную летнюю пору.

Дафнису — первый черед: состязаться он первый затеял.

«Глянь, Полифем! Галатея кидает ведь яблоки в стадо.
Ты — неудачник в любви, неловкий, как козий подпасок!
Что ж ты, бедняга, не видишь? Уселся и, знай, на
свирели

Сладко свистишь. Посмотри, вон опять она в пса
запустила!

- 10 Пес же, овец сторожа, отвечает ей лаем сердитым;
В море глядит он, но там, где тихие плещутся волны,
Бегая вдоль по откосу, свое отраженье лишь видит.
Только смотри, как бы пес не вцепился красавице в икры!
Пусть только на берег выйдет она, он прокусит ей кожу.
Как она дразнит тебя, извиваясь, — как будто терновник
Стебель колеблет сухой под дыханием знойного ветра!
Прежде любил — убегала, не любишь — бежит за тобою,
Ставку последнюю ставит она; да, влюбленным нередко
Знаешь ты сам, Полифем, уродство казалось красою».

- 20 Тотчас Дамойт подхватил и в ответ спел он песню такую:
«Видел я, Паном клянусь, как яблоки в стадо метала;
Все это вижу насквозь я любезнейшим глазом единым.
Пусть же Телем-прорицатель, суливший не раз мне
невзгоды,
Сам их в свой дом забирает иль детям оставит
в наследство.
Но чтоб ее рассердить, я теперь ее будто не вижу,
Будто нашел я другую; она, видно, знает об этом.
Ну, и ревнует, ей-ей. От ревности тает, из моря
В бешенстве взгляды бросает к пещере и в сторону стада.
Пса-то ведь я же науськал. А прежде, как был
я влюбленным,
30 С радостным визгом он мчался и тыкался мордой ей
в бедра
Видя мое обращенье, я думаю, станет наверно
Скоро за мной присылать, но захлопну я двери, покуда
Клятвы не даст, что сама мне на острове ложе постелет.
Вовсе не так уж лицом я уродлив, как люди болтают;
Давеча в воду я глянул, как на море было затишье, —
Право, бородка на славу, и глаз мой единый не хуже.
Так показалось мне; ну, а что до зубов отраженья,
Блеском затмило оно белоснежные Пароса камни.
Только не сглазил бы кто! Но я трижды на пазуху
плюнул:
40 Так Котитарис меня научила, старуха-знахарка».
С Дафнисом, песню допев, обменялся Дамойт
поцелуем;
Давши в подарок свирель, награжден был он флейтой
чудесной.
Дафнис-пастух на свирели, на флейте Дамойт начинает.
Тотчас же все их коровы на мягкой траве заплясали.
Кто ж победитель? Никто. Не остался никто
побежденным.

Идиллия VII

ПРАЗДНИК ЖАТВЫ

Помню, однажды направил из города путь я к Галенту,
Вместе с Эвкритом я шел, был Аминт нашим спутником
третьим.

Там, в благодарность Деб, созывали на жатвенный
праздник

Всех Фрасидам с Антигеном; их двое — сынов Ликопея,
Отпрысков славной семьи: от Клитии род их ведется
И от Халкона — того, что вызвал источник Бурину,
Крепко ударив о скалы коленом; теперь близ потока
Вязы промеж тополей разрослися тенистою рощей,
Зеленью пышных вершин соткав густолистые своды.

10 Мы полпути не прошли, и могильная насыпь Брасила
Даже вдали не виднелась, как добрые Музы послали
Спутника славного нам — одного кидонийского мужа.
Имя Ликида носил он и был козопасом; навряд ли
Кто усомнился бы в этом: глядел он и впрямь козопасом.
Шкурой косматой с козла густошерстного, белого с желтым,
Плечи свои он покрыл, сычугом еще пахнущей крепко.
В плащ был потертый одет, пояском подпоясан плетеным;
Крепкий изогнутый посох из дерева дикой маслины
В правой держал он руке. И спокойно, ко мне
обратившись,

20 Молвил с улыбкой в глазах — усмешка чуть морщила
губы:
«Ах, Симирид, ну, куда же ты тащишься в знойную
пору?»
Даже и ящерики спят в этот час, забираясь в терновник.
Жавронки — гости могил — и те в этот час не порхают.
Может, идешь ты к обеду незванный? И к чьей же ты
бочке
С прытью такою бежишь? Шагаешь ты поступью бойкой,
Даже и камешки все под твоим сапожком распевают».
Я же ответил: «Ликид мой любезнейший, все говорили
Мне пастухи и жнецы, что чудесной игрой на свирели
Славишься ты между ними; и это мне радует сердце.
30 Все же надеюсь, что мог бы, пожалуй, померяться силой
В пенье с тобою. Дорога лежит нам на жатвенный
праздник.
Пышно одетой Деметре друзья мои в жертву приносят
Первых плодов урожай; богатою, щедрою мерой
Им в это лето богиня наполнила хлебом амбары.
Знаешь ли, путь наш один, и одна нас заря провожала;
Песни, давай, мы споем — это будет на пользу обоим.
Музам глашатай я звонкий, и часто меня называют
Все наилучшим певцом; но, клянусь, я не так легковерен!
Думаю я, что навряд удалось победить в состязаньи
40 Славного мне б Сикелида Самосского, также — Филета.
Пел как лягушка бы я, состязаясь с кузнечиком в пенье».
Так я нарочно сказал. Козопас, улыбнувшись мне с лаской:
«Посох тебе подарю, — промолвил, — за то, что, как вижу
Выкован весь ты из правды, как следует отпрыску Зевса.
Мне тот строитель противен, что лезет из кожи с натугой,
Думая выстроить дом вышиною с огромную гору.
Жалки мне птенчики Муз, что, за старцем Хиосским
гоняясь,
Тщетно стараются петь, а выходит одно кукованье.
Но запоем, Симирид, поскорее мы песни пастушьи,
50 Я начинаю — послушай, придется ль, мой милый, по
сердцу

Женская статуя. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала V—начала IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж

Песенка эта; в горах я сложил ее вовсе недавно:
«Агеанакт пусть закончит удачно свой путь в Митилену,
Даже коль южная буря к Козлятам на запад погонит
Влажные волны и к ним Орион прикоснется ногою.
Если к Ликиду, чье сердце сжигает огонь Афродиты,
Будет он добр, — к нему пламенею я жаркою страстью, —
Чайки пригладят прибой для него, успокоят и море,
Южную бурю и ветер восточный, что тину вздымает.
Чайки, любимые птицы морских Нереид синеоких,
60 Всех вы пернатых милее, из волн добывающих пищу.
Агеанакта желанье — скорее доплыть в Митилену;
Пусть же он будет удачлив и пристани мирной достигнет.
Я же в тот день соберу цветущие розы, аниса
Или левкоев нарву и венок этот пышный надену.
Я зачерпну из кратера вина птелеатского, лягу
Ближе в огню, и бобы кто-нибудь на огне мне поджарит.
Ложе мое из травы, вышиною до целого локтя;
Есть асфодел, сухостебель и выющийся цвет сельдерея.
Агеанакта припомнив, вином услаждаться я буду,
70 Кубки до дна осушая, губами касаясь осадка.
Будут на флейте мне двое играть пастухов: из Ахарны
Родом один, а другой — ликопеец; и Титир поет нам
Песню о том, как когда-то о Ксении Дафнис томился;
Горы с ним вместе страдали, вздыхали с ним вместе
дубравы
Те, что растут на обрывах крутых над потоком Гимерским;
Дафнис же таял как снег, лежащий на Гема вершинах
Иль на Афоне крутом, на Родопе, на дальнем Кавказе.
Также поет и о том, как однажды в сундук преогромный
80 Был козопас замурован велением злого владыки;
Пчелы, с лугов возвращаясь и сладостный запах кедровый
Чуя, к нему проникали и соком питали цветочным,
Так как в уста его Музы сладчайший свой нектар излили.
О всеблаженный Комат! Ты сам пережил это чудо,
Ты был в ларец замурован, питался ты медом пчелиным;
Так ты дожил до поры, когда все плоды созревают.
Ах, если был бы теперь ты в живых и жил бы со мною!

Коз твоих мог бы прекрасных гонять я на пастбище
в горы,
Голос твой слушал бы я; под сосной иль под дубом
прилегши,
Ты б, о божественный, пел мне, Комат, свои сладкие
песни».

90 Так он, окончивши песню, умолк; на это сейчас же
«Милый Ликид, — я ответил, — напевам и многим, и
славным

Нимфы меня обучили в горах, где быков стерегу я,
Песням таким, что их слава домчалась до Зевсова трона.
Та, что спою — лучше всех; начну я, тебе в уваженье
Тотчас ее; ты ж послушай, ты с Музами издавна дружен.
«Да, Симихиду на счастье чихнули Эроты; ах, бедный!
Так же влюблен он в Мирто, как влюбляются козы
весною.

Что ж до Арата, который из всех — его друг наилучший,
Сердце свое раздирает он к мальчику страстью; Аристис
00 Знает про это, почтеннейший муж; ему Феб разрешенье
Дал бы, чтоб спел под формингу он возле треножника
песню

И рассказал, как Арат пламенеет, охваченный страстью:
«Пан, получивший на долю прелестной Гомолы долину,
Мальчика этого ты в его милые ввергни объятья
Раньше, чем сам позовет, будь Филин это или другой кто.
Если услышишь нас, Пан дорогой, то аркадцы-мальчишки
Пусть по бокам и плечам тебя сциллы стеблем не посмеют
Больно хлестать, рассердившись за то, что еды
нехватает.

Если ж иначе решишь, то будешь всю ночь ты чесаться,
110 Ногтем укусы скребя, уснув на крапивной постели,
Будешь зимою ты жить на холодных эдонских вершинах.
Возле Геброна реки обитая, к Медведице близко;
В летний же зной тебе жить на границах страны эфиопов.
Возле Блемийской скалы, где и Нила истоков не видно!

Вы же, Эроты, покиньте Библида любимого волны,
Свой Гиетид и Ойкунт, где алтарь белокурой Дионы
Ввысь вознесен; вы, Эроты, чьи щечки румянее яблоч,
Нынче в красавца Филина метните вы острые стрелы,
Крепче метните! Зачем беспощаден он к милому гостю?
120 Сам же — как плод перезрелый; недаром красотки

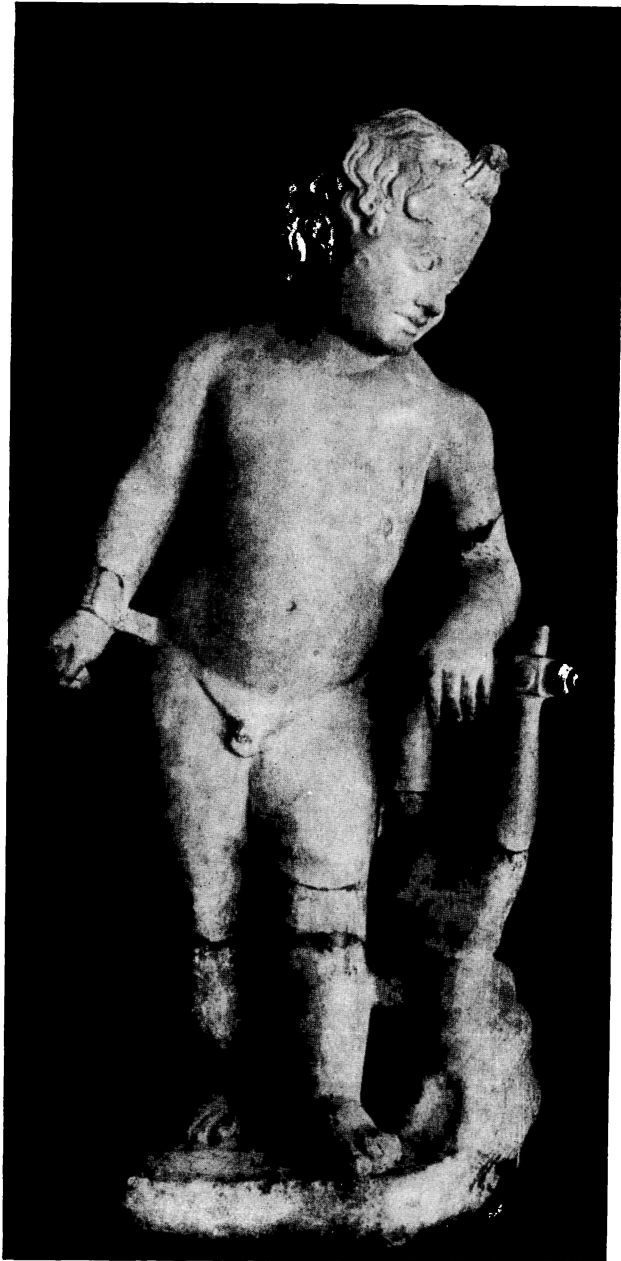
смеются:

«Горе, ах горе, Филин! тебе красоваться недолго!».
Больше не станем, Арат, у дверей до утра мы томиться,
Ноги себе обивать. Петухов предрассветные крики
Пусть повергают других, а не нас, в огорчения злые.
Пусть-ка отныне Молон отличается в этой палестре.
С нами ж да будет покой, и пусть знахарка-старуха,
Плюнувши, впредь заклянет навсегда нас от бедствий
подобных».

Вот что я спел, а пастух, улыбнувшись приветливо снова,
Мне, как подарок от Муз, подарил свой изогнутый посох.
130 После, налево свернув, пошел он дорогой на Пиксу,
Я же пошел к Фрасидаму; туда же Эвкрит направлялся,
Также красавец Аминт. Ожидало нас мягкое ложе;
Был нам постелен камыш и засыпан листвой виноградной,
Только что срезанной с веток. И весело мы отдыхали.
Много вверху колыхалось, над нашей склонясь головою,
Вязов густых, тополей. Под ними священный источник,
Звонко журча, выбегал из пещеры, где Нимфы скрывались.
В тень забираясь ветвей, опаленные солнца лучами,
Звонко болтали цикады, древесный кричал лягушонок,
140 Криком своим оглашая терновник густой и колючий.
Жавронки пели, щеглы щебетали, стонала голубка,
Желтые пчелы летали, кружась над водной струей —
Все это летом богатым дышало и осенью пышной.
Падали груши к ногам, и сыпались яблоки щедро
Прямо нам в руки, и гнулся сливняк, отягченный плодами.
Тяжесть не в силах нести и к земле приклоняясь
верхушкой.

Сняли мы с винных кувшинов печать от четвертого года.
Нимфы кастальских ключей, живущие в скалах Парнаса,
Был ли таким тот напиток, который из погреба Фола
150 Старец Хирон для Геракла поставил на стол в угощенье?
Нектар такой, может быть, опьянив пастуха на Анапе
Встарь, силача Полифема, швырявшего скалами в лодки,
В буйную пляску заставил пуститься в темной пещере?
Правда ль, подобным напитком нас Нимфы тогда угостили
Там, где Деметры алтарь? Если б мог я ей снова на кучу
Полной лопатою ссыпать зерно! И смеясь благосклонно,
Той и другою рукой обняла б она мак и колосья.

*Мальчик с лирой. Мрамор. Римская работа I в. н. э.
Гос. Эрмитаж*

Д а ф н и с

Дам я телка, ты — ягненка, такого, чтоб ростом был
с матку.

М е н а л к

Нет, не поставлю ягненка, отец-то мой больно уж строгий,
Также и мать; что ни вечер, овец загоняют по счету.

Д а ф н и с

Что ж ты поставить бы мог? Что же в дар победитель
получит?

М е н а л к

Вырезал сам я свирель — хороша, с девятью голосами!
Воском она белоснежным покрыта от верха до низа.
20 Вот что отдать я могу, а отцовского — нет уж, не надо!

Д а ф н и с

И у меня есть свирель, что поет девятью голосами;
Воском она белоснежным покрыта от верха до низа.
Срезал недавно ее; погляди, еще палец не зажил,
Тот, что тогда я поранил себе, тростники расщепляя.

М е н а л к

Кто же нам будет судьей? И прослушает кто наши песни?

Д а ф н и с

Нам не позвать ли к себе козопаса, гляди-ка, оттуда,
Где на козлят разбрехалась собака в подпалинах белых?
Мальчики кликнули громко. Пастух подошел, услыхавши.
Мальчики начали песни: пастух был над ними судьей.
30 Бросили жребий; Меналку досталось начать состязанье;
Должен был Дафнис ему отвечать, в свою очередь, тотчас
Песней пастушьей. И вот свою песню Меналк начинает.

М е н а л к

Долы и реки, потомки богов, если здесь между вами
Пел я, Меналк, иногда песни, угодные вам,
Дайте овечкам моим вы обильную траву; но если
Дафнис пригонит коров, дайте не меньше и им.

Д а ф н и с

Вы, о источники вод, и цветы, и сладчайшие травы,
Если здесь Дафнис меж вас сладостней пел соловья,
Пусть мое стадо коров разжиреет, но если Меналка
40 Овцы сюда прибудут, весело пусть их пасет.

М е н а л к

Здесь и овечки, и козы с козлятами; здесь же и пчелы
Ульи наполнить спешат; здесь вековые дубы.
Здесь и красавец Милон мой бывает; когда же уйдет он,
Вянет вся зелень травы.— с нею увяну и я.

Д а ф н и с

Всюду весна, и повсюду стада, и повсюду налѣлись
Сладким сосцы молоком, юных питая телят.
Девушка мимо проходит красотка; когда же исчезнет,
Чахнут, тоскуя, быки — с ними зачахну и я.

М е н а л к

Козлик мой, козочек белых супруг, там, где чаща дремуча.
50 Там, где сбегает к воде стадо курносых козлят,
Там он. Пойди же, рогатый, скажи: «О Милон мой
прекрасный!
Даже Протей — хоть он бог — стадо тюленей пасет».

Д а ф н и с

[Четверостишие утеряно]

М е н а л к

Я не хочу ни угодий Пелопса, ни Креза сокровищ,
Вовсе бы я не хотел вихрь обгонять на бегу.
Песни хотел бы я петь на скалах, тебя к сердцу прижавши,
Глядя за стадом моим, близ сицилийской волны.

Д а ф н и с

Гибнут деревья от стужи, от засухи гибнут потоки,
Птицам погибель — силки, сеть и капканы — зверям.
Гибель мужчине — от нежной красавицы. Зевс, наш
родитель!

60 Я не один влюблен — женщин любил ведь и ты.
Так состязались подростки, черед меж собой соблюдая.
Вот уже начал Меналк в состязанье последнюю песню.

М е н а л к

Ах, пощади моих коз, пощади моих, волк, ты козляток.
Право, не трогай меня. Сам я мал, но о многих забочусь.
Что ж это, пес мой Лампур, разоспался ты больно уж
крепко?
Это не дело — так спать, коль с мальчонкой пасти ты
обязан.

Овцы, щиплите смелей зеленую свежую травку:
Прежде чем кончите вы, подрасти успеет другая.
Живо! Паситесь, паситесь; наполните вымя полнее.

70 Пусть будут сыты ягнята; остаток заквасим в корзинах.
Дафнис, тотчас подхватив, отвечал своей песнею звонкой.

Д а ф н и с

Раз густобровая дева, увидевши возле пещеры,
Как своих телок я гнал, закричала: «Красавец, красавец!»
Я ж ни словечка в ответ не сказал ей, ни шутки
забавной;

В землю потупив глаза, пошел я своею дорогой.

Сладок мне голос коровы, и сладко ее мне дыханье,
Сладко мне летом дремать близ потока под небом

открытым.

Жолуди — дуба краса, для яблони плод — украшение,
Матка гордится теленком, пастух же — своими стадами.

80 Кончили мальчишки песни, и так козопас им промолвил:

«Дафнис, уста твои сладки, на диво твой голос приятен,
Сладостней пеньем твоим наслаждаться, чем сотовым

медом.

Вот — получи же свирель. Добился ты в пенье победы.

Если б меня, козопаса, ты мог научить этим песням,

Козочкой я за ученье тебя наградил бы безрогой,

Той, что своим молоком через край наполняет подойник».

Мальчик так рад был победе, что громко в ладоши

захлопал,

В воздух подпрыгнул, как юный олень, свою матку

завидев.

Грустно поникши, другой отвернулся с печалью на сердце,

90 Громко рыдая, как будто невеста пред свадьбою близкой.

Первым меж всех пастухов стал с поры этой славиться

Дафнис,

Скоро, совсем молодым, он женился на нимфе Наиде.

И д и л л и я IX
**ПАСТУХИ-ПЕВЦЫ ДАФНИС
И МЕНАЛК**

Дафнис, пастушьи напевы пропой мне и будь запевалой,
Будь запевалой ты, Дафнис, Меналк твою песню

подхватит.

К маткам телят мы подпустим, быков — к нерожавшим
телушкам.

Пусть они вместе пасутся, бродя под зеленой листвою;
Им разбрестись не удастся. С какой-нибудь песни
пастушьей

Первым ты, Дафнис, начни, и Меналк тебе тотчас ответит.

Д а ф н и с

Сладостен голос телят и сладко мычанье коровы.

Сладко играет свирель, сладка моя песня пастушья.

Здесь близ холодных ключей положил я на слой

камышевый

10 Шкуры всех белых коров, что погибли от южного ветра:

Сбросил он их со скалы, где куст земляничный глодали.

Здесь меня знойное лето настолько же мало тревожит,

Сколько влюбленного парня родителей трогают речи.

Это вот Дафнис пропел мне; Меналк ему вот как ответил:

М е н а л к

Этна — родная мне мать; обитаю я в гроте чудесном,

В глубях скалистых утесов. Иному во сне не приснится

Все, чем владею я там: овечьи там шкуры и козьи;
Часть их к ногам я кладу, остальную же часть —

к изголовью.

Потрох варю на огне, на огне себе жолуди жарю.

- 20 Столько ж о службе тревожусь я, сколько о твердых орехах
Мыслит беззубый старик, пирогом раздобывшийся мягким.
Звонко в ладоши захлопав, обоим я роздал подарки:
Дафнису я подарил из отцовского леса дубинку —
Выросла так из ствола, что искусней не выточит мастер;
Другу второму отдал я прекрасную видом ракушку —
Эту улитку поймавши в утесах Гикары, насытил
Ей пятерых я; ракушка Меналку послужит трубою.
Музам пастушьим привет! Быть может, вы снова споете
Песни, что пел я в то время на пастбищах между

друзьями.

- 30 Как для цикады цикада, как сокол для сокола дорог,
Так муравей муравью; мне ж милы только песни и Музы.
Песнями пусть мой наполнится дом; ни весны пробужденье,
Ни луговые цветы не милее для пчел, чем песня для
сердца.

Так вы мне дороги, Музы. Кому вы хоть раз улыбнулись,
Тех и Цирцея не сможет сгубить ядовитым напитком.

И д и л л и я X

РАБОТНИКИ ИЛИ ЖНЕЦЫ

М и л о н

Эй ты, дружище Букай, что с тобой приключилось,
злосчастный?
Полосу прямо вести ты, как вел ее прежде, не можешь,
Вровень с соседом идти разучился и сзади плетешься,
Словно за стадом овца, уколотившая ногу о кактус.
Что же ты думаешь делать, бедняжка, и в полдень
и к ночи,
Если уже по началу не режешь ты колос под корень?

Б у к а й

Жнец неустанный Милон, упорный, как камня обломок;
Ты никогда не томился о ком-нибудь, кто недоступен?

М и л о н

Очень они мне нужны! И на что это людям рабочим?

Б у к а й

10 Ночи без сна проводить никогда от любви не случалось?

М и л о н

Пусть не случится вовек! Пусть собака не пробует мяса!

Букай

Я же, Милон, ты подумай, одиннадцать дней, как
влюбился!

Милон

Хлещешь вино ты из бочки, а мне и на уксус не хватит.

Букай

Но уж зато от работы на поле отбился я вовсе.

Милон

Что ж за девчонка тебя так замучила?

Букай

Дочь Полибота:

Гиппокиона жнецам она песни на флейте играет.

Милон

Бог наказал дурака! Вот нашел-то, так долго искавши!
Будет об тело тебе саранча эта ночью тереться.

Букай

Вот уже начал смеяться! Но слеп не только ведь Плутос.
20 Также и Эрос безумен; поэтому зря не болтай ты.

Милон

Я не стану болтать. Но вяжи-ка ты сноп поживее,
Спой нам любовный напев о красотке, и тотчас работа
Станет спориться у нас; ты прежде ведь в пении смыслил.

Букай

Стройную девушку вместе со мною вы, Музы, воспойте;
Если за что вы беретесь, богини, то все удастся.

Ах, моя прелесть, Бомбика! Тебя сирийской прозвали.
Солнцем сожженной, сухой, и я лишь один — медоцветной.

Темен цветочек фиалки и цвет расписной гиацинта,
Первой красую венков их, однако же, каждый признает.
30 Козочка ищет травы, и гоняется волк за козую,
Плуг провожает журавль, а я — на тебе помешался!
Эх, кабы мог обладать я неслыханным Креза
богатством!
Я Афродите бы в дар нас обоих из золота отлил.
Яблоко дал бы тебе или розу и флейту я в руки,
Мне самому новый плащ с амиклейскою парой сандалий.
Ах, моя прелесть, Бомбика! Точеная кость — твои
ножки.
Голос — пьянящий, как трихн; описать тебя всю
я не в силах.

М и л о н

Вот уж не знал никогда, что Букай-то наш этакий мастер!
Здорово как подогнал, рассчитавши, он слово к напеву!
40 Жаль мне себя! Бородою оброс я, а проку в ней мало.
Ты же послушай теперь Литиерса блаженного песню:
«Многоколосная ты, многоплодная мать Деметра,
Пусть будет жатва легка, урожай наш пусть будет
побольше!
Крепче вяжите снопы вы, жнецы, чтобы кто проходящий
Нам не сказал: «Эх, чурбаны! Задаром вам платятся
деньги».
После к Борею лицом положите вы срезанный колос
Иль на Зефир поверните — скорее так зерна дозреют.
Вы, что молотите хлеб, пусть глаза ваши днем не
сомкнутся!
В эти часы от зерна отпадет всего легче мякина.
50 Жавронок только проснется, жнецы, принимайтесь
за дело.
Только уснет он — конец. Да немного лишь в зной
подремлите.
Что, не завидная ль жизнь у лягушки, неправда ль,
ребята?
Нет о питье ей заботы, кругом его всюду обилье.

Ну-ка, надсмотрщик-жадюга, ты лучше б варил
чечевицу;
Надвое тмин не расколешь, лишь зря себе руки порежешь».
Вот что нам надобно петь, нам, люду рабочему, в поле.
Ну, а тебе бы, Букай, свой напев про любовь с голодухи
Матушке спеть на заре, как станет будить на работу.

И д и л л и я XI

КИКЛОП

Против любви никакого нет, Никий, на свете лекарства;
Нет ни в присыпках, ни в мазях, поверь мне, ни мало го
прока.

В силах одни Пиериды помочь; но это лечение,
Людям хотя и приятно, найти его — труд не из легких.
Ты его, может, и знаешь, — ты врач, да к тому ж, мне
известно,

Издавна были все Музы особо к тебе благосклонны.
Только от этого средства полегчало, будто, Киклопу;
Старый наш друг Полифем в ту пору был влюблен
в Галатею,

Только лишь первый пушок у него на щеках появился.
10 Он выражал свою страсть не в яблоках, локонах, розах —
Вовсе лишился ума; все же прочее счел пустяками.
Стадо овечек в загон возвращалось с тех пор без призора
Часто с зеленых лугов. Собираясь воспеть Галатею,
Там, где морская трава колыхалась, усевшись, он таял —
Только лишь солнце зайдет — страдая от раны под
сердцем,

Мощной Киприды стрела ему в самую печень вонзилась.
Средство нашел он, однако; взобравшись высоко на скалы,
Вот что пропел он, свой взгляд направляя на волны
морские.

«Белая ты Галатея, за что ты влюбленного гонишь?»

Даже единый мой глаз, что всего мне милее на свете.

Горе, увы! С плавниками зачем меня мать не родила?
Как бы нырнул я к тебе, поцелуями руку осыпал,
Коль бы ты губ не дала! Белоснежных лилий принес бы,
Нежных я б маков нарвал с лепестками пурпурного цвета.
Лилии в стужу цветут, а в зной распускаются маки,
Так что не мог бы, пожалуй, я все это вместе доставить.
60 Все ж, моя крошка, теперь ты увидишь, я выучусь плавать.
Эх, кабы только сюда чужеземец на лодке явился!
Сразу бы я разузнал, зачем вам в пучинах селиться.

Если б ты на берег вышла! Забыла б ты все, Галатея,
Так же, как я позабыл, здесь усевшись, про час
возвращенья.

Ах, захотеть бы тебе пасти мое стадо со мною,
Вкусный заквашивать сыр, разложив сычуги по корзинам!

Мать виновата во всем, на нее я в ужасной обиде:
Разве не может она про меня тебе слово замолвить?
Видит, как день ото дня я худею и чахну все больше.
70 Ей я скажу: на висках у меня будто жилы надулись,
Также в обеих ногах; пусть страдает, когда я страдаю.

Эх ты, Киклоп, ты Киклоп! Ну, куда твои мысли
умчались?

Живо корзину, ступай, заплети, да зеленые стебли
Овцам снеси поживей — самому тебе время очнуться!
Ту подои, что под носом стоит, — не гонись за бегущей.
Право, найдешь Галатею, а может, кого и получше.
Много красоток меня зазывает на игры ночные;
Так и хихикают все, как только на зов их откликнусь;
Ясно, что в нашем краю я считаюсь не самым последним».

80 Так успокоил любовь Полифем, слагая напевы.
Стоило это дешевле, чем если б лечился за плату.

И д и л л и я XII

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Юноша милый, пришел ты, пришел ты с третьей зарею.
Кто ожиданьем томится, состариться может и за день.
Так, как с зимою весна не сравнима, как яблоко слаще
Сливы лесной, как овечки руно гуще шерсти ягненка,
Так же, как девушка чище жены после третьего мужа,
Так, как легче олень, чем теленок, и так, как прекрасней
Птиц всех крылатых поет соловей своим голосом

звонким, —

Так же мне счастье дает твой приход; я к тебе порываюсь,
Словно как странник, жарой истомленный, к тенистому
дубу.

10 Если б дыханьем одним нас обоих коснулись Эроты!

Так что об нас у потомков такая бы песня сложилась:

«Двое мужей несравненных родились в старинное

время;

Первый «поклонником» был — так его бы назвали

в Амиклах;

А фессалиец другого «любимцем» прозвал бы, наверно.

Равною мерой друг друга любили, как будто бы снова

Жили в тот век золотой, где любовь на любовь отвечала».

Если б, отец наш Кронид и бессмертные боги,

случиться

Это могло! И принес бы после двухсот поколений

Кто-нибудь эту мне весть на безвыходный брег Ахеронта:
20 «Нежная ваша любовь меж тобой и прелестным
любителем

Нынче у всех на устах, особливо в устах молодежи».

Впрочем, пусть жители неба об этом решат как угодно.
Я же, красавец, тебя восхваляю без всякой опаски,
Что на носу у меня сядет прыщ, уличая в обмане.
Если подчас и обидишь, сейчас же загладишь обиду,
Вдвое меня наградив, и уйду я, наш счет уравнивши.

О вы, мегарцы из Нисы, искусные в весельной гребле!
Счастливы будьте за то, что из всех вы народов воздали
Честь чужестранцу Диоклу из Аттики, нежному другу.
30 Возле могилы его собираются ранней весною
Юноши шумной гурьбой и выходят на бой поцелуев.
Тот, кто устами умеет с устами всех слаще сливаться,
Тот, отягченный венками, идет к материнскому дому.
Счастлив же тот, кто бывает меж юношей избран
судьею.

Верно, на помощь зовет Ганимеда с сияющим взором,
Чтобы уста его стали лидийскому камню подобны,
Камню, которым менялы поддельный металл различают.

И диллия XIII

ГИЛАС

Был не для нас лишь одних, как мы думали, Никий,
с тобою,
Эрос рожден — кто б ни был тот бог, что родил это чадо.
Вовсе впервые не нам красивое мнится красивым.
Отпрыск Амфитриона, чье сердце из кованой меди,
Дикого льва одолевший, к прелестному Гиласу тоже,
К мальчику в длинных кудрях, был жаркою страстью
охвачен.

Сам он его обучал, как родитель любимого сына,
Чтоб, научившись, он мог за доблесть прославиться
в песнях.

Вместе всегда они были: в часы, когда полдень был близок,
10 В час, когда к Зевсову дому летит белокопная Эос,
В час, когда с писком птенцы на покой к своим гнездам
стремятся,
К матери, бьющей крылом в закопченных стропилах под
крышей.

Делал он все для того, чтобы по сердцу был ему мальчик,
Силы к трудам набирал и сделался истинным мужем.

Плыть за руном золотым Язон в эту пору решился,
Отпрыск Эзона; к нему собралось мужей наилучших
Много из всех городов; были выбраны все, кто пригодны.
В битвах герой неустанный направился к Иолк изобильный.

Отпрыск Алкмены царицы, которой гордится Мидея.
20 Вместе с ним Гилас спустился к скамьям крепкозданного
Арго —
Славного судна, что мимо сходящихся скал Кианийских
Быстро промчалось (они же стоят с этих пор недвижимо),
Словно орел, на простор и к глубокого Фасиса устью.

Стали Плеяды всходить, и паслись от маток отдельно
Юных ягнятот отары, и к лету весна повернула.
Этой порою к отплытью божественных мужей собрались
Цвет и краса и, поднявшись на Арго, корабль крутобокий,
Плывши три дня, Геллеспонта достигли при ветре попутном
И к берегам Пропонтиды причалили, где кианийцев
30 Плуг натирают быки о широкие борозды пашен.
Начали, выйдя на берег, по парам, как были гребцами,
К вечеру ужин варить, совместное ложе готовить
И на лужайке, манившей их пышной и мягкой травой,
Резать камыш остролистый и заросли чабра густые.

Гилас хотел белокурый, чтоб вечером ужин сготовить.
Воду себе и Гераклу добыть, и бойцу Теламону,
Вместе с которым всегда они трапезу оба делили.
Медный кувшин захватил и увидел он скоро источник,
В русле глубоком текущий; вокруг него разные травы:
40 «Ласточкин цвет» темнолистый, зеленые «женские кудри»,
С пышной листвою сельдерей, ломоноса ползучего стебли.
В глуби ручья хоровод недреманные Нимфы водили,
Нимфы — богини ручьев, устрашение сельского люда,
Нимфы Эвника, Малида, Нихея со взором весенним.
Только лишь мальчик успел опустить свой кувшин
многоемкий,

Только воды зачерпнул — они его руку схватили:
Всех их внезапно сердца распалились любовною страстью
К мальчику, Аргоса сыну. И падает в темную воду
Прямо стремглав он. Так ночью звезда вдруг с небес,
запылавши,
50 Прямо в пучину летит, и моряк своим спутникам молвит:
«Легче канаты, ребята! Задует нам ветер попутный».

Голову мальчика Нимфы к себе положив на колени,

Слезы его отирали, шептали слова утешенья.
Амфитриона был сын той порою за друга испуган.
Взял он изогнутый лук, меотийской прекрасной работы,
Также и палицу взял, что имел всегда под рукою.
Трижды он Гиласа кликнул всей силой могучего горла,
Трижды и мальчик ответил, но голос из водной пучины
Замер, слабея, и близкий, казался он очень далеким.

60 Словно как лев благородный, почуявший свежее мясо,
Голос слышав оленя, бродящего в чащах нагорных,
С логова мягкого вскочит и к пище несется готовой,
Так же носился Геракл, раздвигая упрямый терновник,
В страстной о мальчике муке бежал, поглощая

пространство.

О как несчастен, кто любит! Как много он вынес,

блуждая

Там между гор и лесов, про Язоново дело забывши!
Все на корабль остальные взошли уже, снасти приладив;
Но когда полночь пришла, полубоги вновь парус спустили:
Все поджидали Геракла. А он, сколько ноги терпели,
70 Мчался в безумии вдаль. Поразил его бог беспощадный.

Вот как был Гилас прекрасный блаженным богам

сопричислен.

В шутку герои Геракла с тех пор беглецом называли,
Помня, как, бросивши Арго, корабль в тридцать парных
уключин,
К колхам пешком он пришел на неласковый Фасиса берег.

И д и л л и я XIV

ЭСХИН И ТИОНИХ, ИЛИ ЛЮБОВЬ КИНИСКИ

Э с х и н

Другу Тионику здравствовать долго!

Т и о н и х

Того же Эсхину.

Э с х и н

Где это ты пропадал?

Т и о н и х

Пропадал? А что же случилось?

Э с х и н

Плохи, Тионих, дела мои.

Т и о н и х

То-то уж больно ты чахлый.

Вон как усы запустил, и кудри не прибраны вовсе.

Давеча точно такой приходил ученик Пифагора —

Желтый какой-то, босой. Говорят, он афинянин родом.

Тоже любовью томился, но думаю — к свежему хлебу.

*Краснофигурный психтер с изображением гетер. Аттический мастер
Эвфроний. Начало V в. до н. э. Гос. Эрмитаж.*

Эсхин

Шутишь, дружище, ты все. А я вот прелестной Киниской
Так оскорблен, что бываю лишь на волос я от безумья.

Тионих

10 Вечно уж ты, мой Эсхин дорогой, через край перехватишь.
Все тебе вынь да положь. Расскажи, в чем дело, однако.

Эсхин

Раз аргивянин один, из Фессалии Апис-наездник,
Я и Клебник-солдат — все мы вместе, чтоб выпить,
собрались.

Были они у меня. Двух телят молодых заколол я
И поросенка зарезал. Откупорил флягу из Библа;
Года четыре хранил, а по запаху — будто с точила.
Устриц купил и бобов — и премилая вышла попойка.
Было уж поздно, когда мы решили, вина не мешая,
Выпить здоровье — кого кто захочет, лишь имя назвавши.
20 Все мы, назвав имена, тут же выпили так, как сказали.
Только она промолчала — при мне-то! Ну что мне

подумать?

Кто-то ей в шутку: «Молчишь ты? Иль волка увидела?»

Вспыхнув

Так, что и факел зажегся б, — «Ах, как ты умен!» —

отвечала.

Знаю я, кто этот волк: это Ликос, сын Лабы-соседа,
Нежен и ростом высок, красавчиком кажется многим.
Вот она тает по ком, изнывая от страсти великой!
Правда, уже кое-что до ушей мне подчас доходило,
Но не придал я значенья — дурак, бородою обросший!

После, как четверо были мы пьяны, по правде, изрядно,
30 Вдруг ларисянин противный оячь свою песню заводит:
«Ликос да Ликос» — напев фессалийский, и тотчас

Киниска

Вдруг как заплачет навзрыд! Шестилетняя девочка, право,

Горше б рыдать не могла, если б к матери рвалась
в объятия.

Знаешь, Тионих, каков я: вскочил, оплеухою славной
Раз и еще наградил. Она, подобравши свой пеплос,
Быстро к дверям побежала. «Проклятье! Не нравлюсь
тебе я?»

Слаще другие объятия? Ну ладно! Иди же к другому!
Грей на груди, негодяйка, того, о ком ты рыдаешь!»
Словно как ласточка, быстро к малюткам под крышу
юркнувши,

40 Пищу для них принесет и немедленно мчится обратно,
Так же мгновенно она побежала от мягкого ложа
Прямо сквозь сени к дверям — как ее только ноги помчали.
Есть поговорка у нас: «Пошел наш бычок по трущобам».
Двадцать уж дней протекло, еще восемь, и девять, и десять,
Нынче одиннадцать; два лишь прибавь, и два месяца
минет,

Как разлучились мы с нею. Будь я, как фракиец, нечесан,
Даже не знала б она — а ему отпирает и на ночь.

Что тут об нас говорить? Нас уже за людей не считают,
Мы, как мегарцы-бедняги, обижены горькой судьбиной.

60 Если б ее разлюбил, пошло бы на лад мое дело.
Как это сделать, Тионих? Прилип я, как мышка на дегте.
Знать я не знаю, какое лекарство от страсти несчастной.
Слышал я, правда, что Сим, в Эпихалкову дочку
влюбленный,

За морем был и здоровым вернулся, а он — мой ровесник.

За море мне не поплыть ли? Там худшим я, верно,
не буду,

Хоть и не первым. Но все ж, как и всякий, я воином стану.

Т и о н и х

Очень хочу я, Эсхин, чтоб пошло на лад твое дело.
Если же все-таки вдруг порешил бы ты плыть на чужбину.
Лучший из всех Птолемей повелитель для вольного мужа.

Э с х и н

60 Да? Расскажи мне, каков он.

Т и о н и х

Для вольного — лучший владыка:

Добр и приветлив, разумен, искусен в любви,

в стихотворстве,

Знает и ценит друзей, но и недругов знает не хуже.

Многое многим дает; просящему редко откажет,

Как подобает царю. Но просить слишком часто не надо,

Знаешь, Эсхин. Ну, так вот, если вправду, почуяв охоту

Плащ на плече заколоть и, ногами о землю упершись,

Выдержать смело решишься отважный напор щитоносцев,

Право, плыви ты в Египет. А то ведь пометит и старость

Наши виски; а потом подберется, поди, и к бородке

70 Время, что всех убеляет. Живи же, пока ты в расцвете!

И д и л л и я XV

**СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ
НА ПРАЗДНИКЕ АДОНИСА**

Горго

Что, у себя Праксиноя?

Праксиноя

Горго! Где пропала? Войди же!
Диво, как ты добралась. Ну, подвинь-ка ей кресло, Эвноя,
Брось и подушку.

Горго

Спасибо, чудесно и так.

Праксиноя

Да присядь же!

Горго

Ну, не безумная я? Как спаслась — сама я не знаю.
Вот, Праксиноя, толпа! Колесницы без счета, четверкой!
Ах, от солдатских сапог, от хламид — ни пройти, ни
проехать.
Прямо конца нет пути — нашли же вы, где поселиться!

Женщины Глина III в. до н. э. Гос. Эрмитаж.

Праксиноя

Все мой болван виноват: отыскал на окраине света
Прямо дыру, а не дом — чтоб с тобой мне не жить по
соседству.

10 Назло, негодный, придумал: всегда вот такой он
зловредный.

Горго

Ты муженька бы, Динона, бранить погодила, голубка:
Крошка ведь здесь, погляди, — с тебя же он глаз не
спускает.

Зопирион, дорогой мой, она не про папу — не думай!

Праксиноя

Все понимает мальчишка, клянусь.

Горго

Ах, папочка милый!

Праксиноя

Давеча папочка этот (для нас-то все «давеча», впрочем)
Соды и трав для приправы пошел мне купить на базаре,
Соли принес! А верзила — тринадцать локтей вышиною!

Горго

То же у нас. Диоклид мой — деньгам перевод, да и только:
Взял он овчинок пяток за семь драхм — словно шкуры
собачьи

20 Или обрывки мешков. Сколько ж будет над ними работы!
Плащ ты теперь надевай поскорее и с пряжками платье,
Вместе пойдем мы с тобою в палаты царя Птолемея,
Праздник Адониса там. Говорят, что по воле царицы
Все там разубрано пышно.

Праксиноя

Ну да, у богатых — богато!

Боги, какая толпа! Ах, когда бы и как протесниться
Нам через весь этот ужас! Без счета — ну впрямь
муравейник!

Много ты сделал добра, Птолемей, с той поры, как
родитель

Твой меж богами живет. Никакой негодяй не пугает
Путника мирного нынче по скверной привычке египтян.
Прежде ж недобрые шутки обманщики здесь учиняли;

50 Все на один были лад — негодяи, нахалы, прохвосты.

Что же нам делать, Горго, дорогая? Смотри, перед нами
Конницы царской отряд. Любезный, меня ты раздавишь!
Рыжий-то конь — на дыбы! Погляди, что за дикий! Эвноя!
Словно дворняжка смела! Не бежишь? Он же конюха
топчет.

Как же я рада, что дома спокойно малютка остался!

Горго

Ах, Праксиноя, смелей! Гляди, мы уж выбились. Кони
Стали на место свое.

Праксиноя

Ну вот, я опять отдышалась.
С детства я страсть как боюсь лошадей, да от кожи
змеиной
Дрожь пробирает. Но живо! Толпа нам уж валит
навстречу.

Горго

60 Матушка, ты из дворца?

Старуха

• Из дворца, мои детки!

Горго

Можно туда?

Пробраться

Старуха

Пробрались лишь терпеньем ахеяне в Трою.
Так-то, красотка. Терпеньем свершается всякое дело.

Горго

Вишь, изрекла, как оракул, старуха! Отправилась дальше!

Праксиноя

Все-то нам, бабам, известно — как Гера и Зевс поженились.

Горго

Глянь, Праксиноя, — в дверях! Смотри, какая толкучка!

Праксиноя

Ужас! Дай руку, Горго. Ты, Эвноя, возьми Эвтихиду,
За руку крепче держи. Берегись, не отбейся! Все вместе
Мы протеснимся. Держись покрепче за нас ты, Эвноя.
Ах, злополучная я! Мое летнее надвое платье
70 Разорвалось. Ах, дружок, ради Зевса, коль хочешь ты
счастья,
Можешь ли ты последить, как бы мне и плаща не порвали?

Зритель 1-й

Хоть не в моей это власти, но я постараюсь.

Праксиноя

Ну, давка!

Словно как свиньи, толпятся.

Зритель 1-й

Смелее! Ну вот и пробились.

Праксиноя

Быть же тебе, мой голубчик, счастливым теперь и навеки!
Нас охранил ты. Не правда ль, прекрасный, любезный
мужчина?
Где же Эвноя? Пропала? Несчастливая, крепче толкайся!

«Наши вошли», — молвит сват, запирающий дверь
новобрачных.

Горго

Ну же, вперед, Праксиноя! Гляди, что ковров
разноцветных!
Ах, как легки, как прелестны! Как будто богини их
ткали!

Праксиноя

80 Мощная дева Афина! Каких же ткачей это дело?
Кто они, те мастера, что узоры для них начертили?
Люди стоят, как живые, и кружатся, будто бы живы,
Словно не вытканы. Ах, до чего ж человек хитроумен!
Там — вот так диво для глаз — возлежит на серебряном
ложе
Он, у кого на губах чуть первый пушок золотится,
Трижды любимый Адонис, любимый и в тьме Ахеронта.

Зритель 2-й

Да перестаньте трепать языком бесконечно, сороки!
Что за несчастье! Убить они могут — разинули глотки!

Праксиноя

Что это? Кто ты такой? Что тебе-то, что мы
разболтались?
90 Слуг заведи и учи. Ты учить сиракузянок вздумал!
Да, чтоб ты знал: из Коринфа мы родом, а знаешь, оттуда
Беллерофонт был; и мы говорим по-пелопоннесски.
Мы, полагаю, дорийки, дорийская речь нам пристала.
Нет, не родился никто, кто бы нас пересилил, клянусь я,
Разве что царь. Очень нужен ты мне! Не болтай попустому.

Горго

Тише, молчи, Праксиноя. Во славу Адониса песню
Хочет пропеть уроженка Аргóса, искусная в пенье,
Та, что и в прошлом году погребальную песню всех лучше
Спела, и нынче, наверно, споет. Она уж готова.

Пев и ца

100 О госпожа, ты, что любишь душою и Голг, и Идалий,
Эрика горный обрыв, Афродита, венчанная златом!
Друга Адониса снова из вечных глубин Ахеронта
После двенадцати лун привели легконогие Оры.
Медленней движетесь, Оры благие, вы прочих
бессмертных;

Людям желанны вы все же за то, что дары им несете.

О Дионея Киприда! Из тленного тела к бессмертью
Ты возвала Беренику, как нам повествует сказанье,
Каплю за каплей вливая амброзии сладкой ей в сердце.
Ныне ж во славу тебя, многохрамной и многоименной,
110 Дочь Береники сама, Арсиноя, Елене подобна,
Пышно Адониса чтит и его осыпает дарами.

Вот золотые плоды, что деревьев вершины приносят;
Вот словно сад расцветает в серебряной пышной корзине;
С мирром душистым сирийским сосуды стоят золотые;
Кушаний много на блюдах — их стряпали женщины долго,
Сладкие соки цветов с белоснежной мешая мукою;
Эти — на сладком меду, а иные — на масле душистом.
Все здесь животные есть, и все здесь крылатые птицы.
Вот и зеленая сень, занавешена нежным анисом,
120 Ввысь вознеслась; а над нею летают малютки Эроты,
Словно птенцы соловьев, что, порхая от веточки к ветке,
В кущах высоких дерев упражняют некрепкие крылья.
Золота сколько, резьбы! Из слоновой точеные кости
Мощные Зевса орлы виночерпия юного держат.
Сверху пурпурный покров, что зовется «нежней
сновиденья», —

Так их в Милете зовут, и самосцы зовут скотоводы.
Рядом с престолом твоим красавца Адониса место:
Это — Киприды престол, здесь сидит Адонис румяный.
Он девятнадцати лет иль осмьнадцати, твой новобрачный.
130 Нежен его поцелуй — пушком обросли его губы.

Ныне, Киприда, ликуй, обладай своим мужем любимым!
Завтра же ранней зарей, по росе мы, все вместе
сбравшись,

К волнам его понесем, заливающим пеною берег.
Волосы с плачем размечем и, с плеч одеянья спустивши,
Груди свои обнажив, зальемся пронзительной песней.

Ты лишь один, полубог, что являешься к нам

и нисходишь

В мрак Ахеронта опять, ты один, — даже сам Агамемнон
Доли такой не стяжал, ни Аянт, что во гневе был страшен,
Также ни старший из тех двадцати, что родила Гекуба,
140 Или Патрокл, или Пирр, что домой из-под Трои вернулся,
В древнюю пору лапифы иль Девкалиона потомки,
Иль Пелопидов семья, иль Аргоса сила — пеласги.

Милостив будь к нам, Адонис, в грядущем году

благодарен.

Дорог приход твой нам был, будет дорог, когда ты

вернешься.

Горго

Ах, Праксиноя, подумай, не диво ли женщина эта?
Знает, счастливица, много и голосом сладким владеет.
Время, однако, домой. Диоклид мой не завтракал нынче.
Он и всегда-то, как укус, а голоден — лучше не трогать!
Радуйся, милый Адонис, и к нам возвращайся на радость!

И д и л л и я XVI

ХАРИТЫ, ИЛИ ГИЕРОН

Издавна дочери Зевса, и с ними певцы, восхваляли
В песнях бессмертных богов и деянья мужей знаменитых.
Музы и сами — богини, богини — богов воспевают.
Мы только смертные люди, и, смертные, смертных мы
славим.

Кто же из тех, кто живет под лазурными сводами Эос,
Примет Харит моих в дом, распахнувши им двери радушно,
Не отошлет их обратно, даров никаких им не давши?
Снова вернуться домой не обуты и, жалуясь горько,
Будут опять издеваться за то, что напрасно бродили.
10 Спрячутся снова потом недовольно в ларце опустелом,
Голову грустно склоняя к озябшим от стужи коленям.
Там их обычное место, когда без успеха вернуться.

Кто нынче любит того, что прекрасною речью владеет?
Нет, я такого не знаю. Теперь своим подвигам славным
Люди не ищут хвалы, побежденные страстью к наживе.
Каждый, за пазухой руки припрятавши, ищет, откуда
Денег он мог бы побольше сгрести, а другому — ни крошки,
Разве что краткий ответ: «Мне ближе колени, чем икры.
Мне б что-нибудь перепало! Пусть боги певцов
награждают!

20 Стоит ли слушать других? Право, хватит для нас и Гомера.
Тот для нас лучший певец, кто денег от нас не увидит».

Бедные, что вам за радость от золота, скрытого втайне?
 Польза богатств состоит не в этом для тех, кто разумен:
 В том, чтоб себя самого ублажить, с певцом поделиться,
 Многим из близких по крови оказывать добрую помощь,
 Также и людям другим; класть на жертвенник частые
 жертвы,
 Быть к чужестранцам радушным; едой усладив их
 обильной,
 Снова домой отпустить, коль будет на то их желание;
 Более ж всех почитать провозвестников Муз вдохновенных,
 30 Чтобы, в Аиде сокрывшись, хорошую славу оставить
 И не скитаться в слезах на холодном берегу Ахеронта,
 словно бедняк, чья рука от кирки загубела тяжелой,
 Кто свою горькую бедность оплакивал с раннего детства.
 Да, в Антиоха палатах и в доме владыки Алева
 Пищу на месяц свою получало немало пенестов;
 И пригоняли немало к хлевам у Скопадов к кормушкам
 Юных мычащих телят с круторогими рядом быками;
 И на равнине Краннионской паслись под небом открытым
 Тысячи жирных овец, достоянье радушных Креондов.
 40 Но что за радость им в том, если сладкая жизнь и дыханье
 Скрылись в широкой ладе на мрачных волнах Ахеронта?
 С этим богатством несчетным и с благами всеми
 расставшись,
 Много веков пролежали б они средь печальных умерших,
 Если б великий кеосский певец, искусный в напевах,
 Лирой своей многострунной не передал имя потомкам.
 Выпала слава на долю и даже коням быстроногим,
 К ним, со священных бегов в венках возвращавшихся
 к дому.
 Кто б о ликийских вождях вспоминал, о чадах Приама
 В длинных кудрях и о Кикне, что женственной славен
 красю,
 50 Если бы древле певцы не воспели их распри и войны?
 Сам Одиссей, что скитался меж многих людей
 чужестранных
 Месяцев сотню и двадцать, что самой границы Аида

Смерти не зная, достиг, что бежал из пещеры

Киклопа, —

Долгой бы славы не ведал, покрывшись навеки молчаньем.
Так же Эвмей-свинопас, Филойтий, быков стороживший;
Было б забвеньем покрыто и мощное сердце Лаэрта,
Коль ионийского мужа напевы им честь не воздали б.

Людам от Муз лишь одних посылается добрая слава,
Все же богатства умерших развеют по ветру живые.
60 Было б, однако, напрасным трудом — успокаивать волны,
Ветром гонимые бурным на сушу из синего моря,
Или стараться отмыть добела угрюмые камни.
Как человека пронять, пораженного страстью к наживе.
Пусть остается он счастлив, пусть будут несметны

богатства,

Пусть к умножению их его вечная алчность снедает!
Что до меня, предпочту уваженье и дружбу людскую
Многим я сотням коней и великому множеству мулов.

Нынче меж смертных ищу, у кого бы я с Музами

вместе

Встречен приветливо был. Тяжелы для певцов их дороги,
70 Если покинут их дочери Зевса, судеб властелина.

Но неустанно на небе сменяются луны и годы,
Кони небесные будут колеса вращать колесницы,
Некий появится муж, кто в моей будет песне нуждаться,
Доблестью равный с Ахиллом великим и с грозным

Аянтом,

На Симоэнта равнине, близ насыпи Ила-фригийца.
Нынче уже финикийцы в стране, где скрывается солнце
В крайних пределах ливийских, от грозного дрогнули

страха.

Вот сиракузян войска за древки хватаются копий,
Крепко плетенным щитом отягчив свои мощные руки.
80 Сам Гиерон опоясан мечом, как бывшие герои,
Носит он шлем на главе, осеняемый конскою гривой.

Зевс, наш славнейший отец, и владычица наша Афина,
Также и ты, что владеешь с великою матерью вместе
Городом мощным эфирцев близ славных вод Лисимелы!

О, если б с острова снова враги наши изгнаны были
Вновь на сардинские волны, чтоб дома и женам и детям
Гибель друзей возвестить! Пусть немного их станет из
многих!

Прежние граждане вновь города свои пусть населяют,
Те города, что дотла сметены были мощью враждебной.
90 Пусть они вспашут поля плодородные, снова без счета
Множество тысяч овец пусть на пастбищах пышных
тучнея,

Воздух бляньем наполнят; пусть снова свой шаг ускоряет
В сумерках путник, завидев, как в хлев возвращается
стадо;

Борозды примут посев в ту пору, как звонкий кузнечик
Дремлющих днем пастухов сторожит и с древесной
верхушки

Песню свою распевает; и пусть паутиною легкой
Латы затянет паук, и слово «война» да умолкнет.
Пусть возвещают певцы Гиерона великую славу.
Даже и за морем Скифским и в странах, где крепкой
стеною

100 Семирамида царица себя окружила отсюда.

Только один я из них; ведь многих певцов возлюбили
Дочери Зевса; и пусть Аретусу, поток сицилийский,
Тех, кто живет близ нее, и бойца Гиерона восхвалят.

О Этеокла богини, Хариты, издревле Минийский
Любите вы Орхомен, что когда-то был Фивам враждебен.
Если меня не зовут, я на месте останусь. Но смело
С Музами к тем я пойду, кто нас вместе позвать пожелает.
С вами же я не расстанусь — что может быть людям
приятно,

Если Харит с ними нет? Всегда я с Харитами буду.

И д и л л и я XVII

ЭНКОМИЙ ПТОЛЕМЕЮ

Песню, от Зевса начав, окончим мы Зевсом, о Музы,
Если хотим мы прославить того, кто бессмертных всех
выше.

Между людей Птолемея назвать я хотел бы вначале,
Также в конце и в середине. Он прочих людей превосходит.
Всех тех героев, которых нам встарь полубоги родили,
Подвигов много свершивших, певцы воспевали искусно.
Я же хочу Птолемея, владея искусством словесным,
Нынче воспеть. Восхваленья и сердцу бессмертных
угодны

Если идет дровосек на лесах богатую Иду,
10 Ищет сперва он, где труд свой начать, изобильем
смущенный,
Мне что сначала сказать? Лишь несметным числом
измеримы

Все те дары, что послали царю наилучшему боги.

Был от рожденья заране к свершенью великого дела
Избран Лагид Птолемей, столь великую мысль зародивший
В сердце своем, что иному вовек не удастся замыслить.
Равную долю отец приготовил ему средь бессмертных,
В Зевса чертогах ему был трон позлащенный воздвигнут,
Рядом же с ним — Александра любезного образ
прекрасный,

Грозным явившийся богом для персов в цветистых тиарах.
20 Потив него для Геракла, кентавров разившего смертью,
Мощный поставлен престол, из крепкой построенный стали.
Меж небожителей там на пирах возлежит он веселых,
Радость нашедши большую в потомках далеких потомков;
Тела его, по велению Кронида, не тронула старость;
Отпрысков рода его называют бессмертными ныне.
Предком обоих их был Гераклид, своей силою славный,
А прародителем первым они почитают Геракла.

В час, когда кончится пир и, насыщенный нектаром
сладким,

Встанет Геракл и домой отправляется к милой супруге,
30 Лук одному он дает и колчан, что висит под рукою;
Палицу в крепких узлах из железа второму дает он.
И в благовонный покой они к Гебе ведут белостопной
Оба, доспехи неся, бородатого Зевсова сына.

Всюду меж женщин разумных известна была Береника.
Всех превзошедшая их, для родителей — счастье большое.
Чадо богини Дионы, владычица мощного Кипра,
Груди ее благовонной рукой своей нежной коснулась.
И ни одна, говорят, средь женщин не нравилась мужу
Так, насколько супруга любима была Птолемеем.

40 Но и ему отвечала она еще большей любовью.
Там только детям спокойно отец может дом свой оставить,
Где он с любимой женою, любя, разделял свое ложе.
Если ж не любит жена и к другому влечет ее сердце,
Хоть и рождает детей, но они на отца не похожи.
Всех превзошедшая ты красотой, Афродита царица,
Ты ей защитой была. Не дала Беренике прекрасной
Ты Ахеронт перейти, где печальные слышатся стоны,
Раньше ее ты, похитив, спасла, чем пред черной ладьею
И пред угрюмым предстала она перевозчиком мертвых.
50 В храм ты ее вознесла и славою с ней поделилась.
К смертным ты будь благосклонна, дохни на них нежной
любовью,

Тем, кто желаньем томится, смягчи их любовные муки.
О чернобровая ты аргивянка, Тидея женою

Ставши, ему родила Диомеда с убийственной дланью.
Пышная нимфа Фетида стрелка породила Ахилла
Сыну Эака Пелею. Тебя, бойца Птолемя,
Дивной красоты Береника бойцу родила Птолемяю.
Коос тебя воспитал, когда был ты малюткой-ребенком,
Принял тебя он из рук материнских с зарей твоей первой.
60 Болями мук родовых отягченная, дочь Антигона
Там Илифию звала, разрешенье дающую женам.
И благосклонно богиня явилась и муки смягчила,
Вливши покой в утомленное тело; и милое чадо
В первый же миг на отца походило; а Коос, увидев,
Нежной рукой коснувшись ребенка, воскликнул, ликуя:
«Будь же ты счастлив, малютка! Воздать ты мне почести
должен.

Делос с повязкою темной так чтим исконно Аполлоном.
В равном почете со мной пусть холмы пребывают Триопа,
Также дорийцев, живущих вокруг, не оставь ты наградой.
70 Так же Ренею всегда почитал Аполлон-повелитель».
Остров умолк. И тотчас три раза из тучи высокой
Мощный орел прокричал, возвещающий судьбы благие.
Знаменья Зевса — тот крик. Ведь Кронийона Зевса забота
Всех окружает владык благородных. Но прочих милее
Тот, кто им избран с рожденья. Сопутствовать счастье
повсюду

Будет ему, и владыкой он станет над сушей и морем.

Много несметных числом на земле племен и народов
Свой урожай собирают под Зевса дождем благотворным,
Но не рождает страна ни одна, как Египта долина,
80 Где разрыхляются глыбы разливами водными Нила.
Нет городов, где бы люди так были искусны в ремеслах,
Сотня воздвигнута здесь городов и умножена на три;
Столько же тысяч и трижды опять взять тысяч десятков,
После две тройки прибавь, потом еще девять три раза,
Все Птолемяю-владыке, могучему в битвах, подвластны.
Часть Финикии ему подчинилась, земель Аравийских,
Сирии, Ливии часть, темнолицых страны эфиопов.
И повеленья свои памфилийцам, бойцам киликийским,

Он посылает, ликийцам, карийцам, отважным в сраженьях,
90 Также Киклад островам. Для него чрез пучину морскую
Лучшие в мире плывут корабли. Широкие земли,
Море и шумные реки царю Птолемею покорны.
Всадников много при нем, полки щитоносцев несметных
Грозно теснятся вокруг, отягченных сверкающей медью.

Прочих владык превосходит своим он несчетным
богатством,

Столько сокровищ отвсюду к нему, что ни день, притекает.
Мирным занятиям своим предаются без страха народы.
Ныне никто из врагов, перейдя через Нил многорыбный.
С криком военным не смеет в чужие селенья вторгаться.
100 И не решится никто, с корабля быстроходного спрыгнув.
Дерзко с оружием напасть, чтоб похитить стада у египтян.
Вот что за муж здесь царит, над равниною этой широкой,
В светлых кудрях Птолемея, кто искусен в метании копий,
Кто с неустанной заботой отцов охраняет наследье,
Так, как царю подобает, и сам прибавляет немало.
Но не хранит он без пользы сокровищ в богатых палатах.
Так, как запас муравьи в бесконечном труде накаплиют.
Многое в дар получают богов знаменитые храмы,
Где он, как первый, всегда подношенья и жертвы
приносит.

110 Многое в дар посылает иным государям достойным,
Много дает городам, немало товарищам храбрым.
Также на играх священных, на празднествах в честь
Диониса
Кто-нибудь вряд ли найдет, кто, в пении звонком
искусный.

Не был бы им за уменье почтен равноценным подарком.
Все провозвестники Муз воспевают царя Птолемея,
Щедрость его восхваляя. А что для богатого мужа
Может прекраснее быть, чем стяжать себе добрую славу?
Что же иное Атридам осталось? А груды сокровищ,
Тех, что они захватили, разрушив Приама палаты,
120 Где-то исчезли во мраке. откуда им нет возвращенья.

Он лишь один из людей — и ушедших, и тех, кто
доныне

Пыльной дорогой идя, свой след оставляет горячий, —
Матери милой, отцу посвятил благовонные храмы;
Золотом пышно украсив и костью слоновой, поставил
Образы их в утешенье и помощь для всех земнородных.
В день, когда месячный круг совершится, быков

разжиревших

Много он им возлагает на жертвенник, кровью залитый.

Сам со своею женой благородной; она превосходит

Всех, кто в дому у себя заключает супруга в объятья;

130 Всею душою она его любит: и брата, и мужа.

Так священный свой брак заключили владыки Олимпа,

Чада, рожденные Реей могучей, бессмертные боги.

Так готовила встарь в благовоньях омытой рукою

Ложу для Зевса и Геры Ириды, тогда еще дева.

Счастливы будь, царь Птолемей! Наравне я с полубогами

Славу твою помяну. Мое не забудется слово

Меж поколений грядущих. А Зевс твою доблесть

умножит.

И д и л л и я XVIII

ЭПИТАЛАМИЙ ЕЛЕНЫ

Некогда в Спарте, придя к белокурому в дом Менелаю,
Девушки, кудри украсив свои гиацинтом цветущим,
Стали, сомкнувши свой круг, перед новой расписанной
спальней —

Лучшие девушки края Лаконского, счетом двенадцать.
В день этот в спальню вошел с Тиндареевой дочерью
милой

Взявший Елену женою юнейший Атрея наследник.
Девушки в общий напев голоса свои слили, по счету
В пол ударяя, и вторил весь дом этой свадебной песне.

«Что ж ты так рано улегся, любезный наш
новобрачный?»

10 Может быть, ты лежебок? Иль, быть может, ты соней
родился?»

Может быть, лишнее выпил, когда повалился на ложе?
Коли так рано ты спать захотел, мог бы спать в одиночку.
Девушке с матерью милой и между подруг веселиться
Дал бы до ранней зари — отныне и завтра, и после,
Из года в год, Менелай, она будет женою твоею.

Счастливы ты, муж молодой! Кто-то добрый чихнул
тебе в пользу

В час, когда в Спарту ты прибыл, как много других,
но удачней.

Тестем один только ты называть будешь Зевса Кронида,
Зевсова дочь возлежит под одним покрывалом с тобою.
20 Нет меж ахейнок всех, попирающих землю, ей равной.
Чудо родится на свет, если будет дитя ей подобно.
Все мы ровесницы ей; мы в беге с ней состязались,
Возле эвротских купален, как юноши, маслом натершись,
Нас шестьдесят на четыре — мы юная женская поросль, —
Нет ни одной безупречной меж нас по сравненью
с Еленой.

Словно сияющий лик всемогущей владычицы-ночи,
Словно приход лучезарной весны, что зиму прогоняет,
Так же меж всех нас подруг золотая сияла Елена.
Пышный хлебов урожай — украшенье полей плодородных.
30 Гордость садов — кипарис, колесниц — фессалийские
кони;

Слава же Лакедемона — с румяною кожей Елена.
Нет никого, кто б наполнил таким рукодельем корзины.
И не снимает никто из натянутых нитей основы
Ткани плотнее, челнок пропустив по сложным узорам,
Так, как Елена, в очах у которой все чары таятся.
Лучше никто не споет, ударяя искусно по струнам,
Ни Артемиде хвалу, ни Афине с могучею грудью.

Стала, прелестная дева, теперь ты женой и хозяйкой;
Мы ж на ристалище вновь, в цветущие пышно долины
40 Вместе пойдем и венки заплетать ароматные будем,
Часто тебя вспоминая, Елена; так крошки-ягнята,
Жалуясь, рвутся к сосцам своей матки, на свет их
родившей.

Первой тебе мы венок из клевера стеблей ползучих
Там заплетем и его на тенистом повесим платане;
Первой тебе мы из фляжки серебряной сладкое масло
Каплю за каплей нальем под тенистою сенью платана.
Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб
путник,

Мимо идя, прочитал: «Поклонись мне, я древо Елены».

Счастлива будь, молодая! Будь счастлив ты, муж
новобрачный!

И д и л л и я XIX

ВОРИШКА МЕДА

Эрос однажды, воришка, сердитой был пчелкой ужален.
Соты из улья таскал, а она ему кончики пальцев
Больно ужалила вдруг. Дул себе он на ручку от боли,
Топал ногами об землю и прыгал; потом Афродите
Ранки свои показал и, жалуясь, — «вот, мол, какая
Крошка-пчелка, — говорил, — нанесла мне ужасные раны!»
Мать же его засмеялась: «А разве ты сам-то не пчелка?
Тоже ведь крошка совсем, а какие ты раны наносишь!».

И д и л л и я ХХ

ПАСТУШОК

Как надо мной насмеялась Эвника, когда с поцелуем
Сладким хотел подойти; с насмешкой: «Уйди! — мне
сказала. —

Вздумал, несчастный пастух, целоваться! На лад
деревенский,

Я целовать не умею, я губ горожан лишь касаюсь.

Ты и во сне целовать бы не смог мой хорошенький ротик.

Как ты глядишь! Что болтаешь! И шутки твои грубоваты!

Как меня «нежно» зовешь! До чего твои речи изящны!

Больно мягка борода, какие чудесные кудри!

Губы твои — как зараза; смотри, как черны твои руки.

10 Как ты воняешь ужасно! Уйди, чтоб меня не запачкать!»

Это сказав и себе троекратно за пазуху плюнув,

Взглядом окинув меня от земли и до самой макушки,

Губки поджала с презреньем и искоса взором метнула.

После, красую своею гордясь, надо мною с насмешкой

Вдруг рассмеялась надменно. Вся кровь у меня закипела.

Вспыхнул я весь от обиды, как алая роза в росинках.

Так я остался, она же ушла. Теперь я рассержен,

Что надо мной, над красавцем, смеялась какая-то девка!

Ну, пастухи, мне по правде скажите: ну, чем

не красавец?»

Разве что волею бога лицо мое вдруг изменилось.
Прежде ж, клянусь, все прелестней моя красота
становилась.
Словно как плющ на стволах, у меня на лице расцветая.
Кудри спускались с висков, завиты, как побег сельдерея,
И белизною лицо под бровями густыми сияло.
Ярко сверкали глаза — синеокой Афины прекрасней;
Рот был нежнее, чем свежий творог; из уст изливался
Голос, которого сладость поспорила б с сотовым медом;
Сладко играть я умею, возьмусь ли когда на свирели,
Иль тростнике, иль на флейте, иль дудке играть
поперечной,
Да, почитаюсь в горах я всегда между женщин красавцем.
Часто целуют меня они все; а вот та, горожанка,
Только за то, что пастух — убежала, не стала и слушать.
Сам Дионис ведь прекрасный корову пасет по ущельям.
Разве не знала она, что рассудка лишила Киприду
Страсть к пастуху, что сама с ним пасла во Фригии стада,
В дебрях его полюбив, по Адонису плакала в дебрях?
Эндимион кто такой? Не пастух ли? А вот и Селена
В пасшего стадо влюбилась. Олимп для него покидая,
В лес приходила на Латмий и с юношей сон разделяла.
Рея, тобой был оплакан пастух. И по воздуху птицей
Разве не мчался Кронид, пастушка молодого увидев?
Только Эвника одна пастуху не дала поцелуя;
Думает — лучше Кибелы она и Киприды с Селеной,
К этой Киприде пускай ни один Арес не пристанет,
Ни городской, ни с деревни. Одна проводи свои ночи!

РЫБАКИ

Только лишь бедность одна, Диофант, порождает
искусства,
Бедность — учитель работы, и людям, трудом отягченным,
Даже спокойно заснуть не дают огорчения злые.
Если ж кто ночью хоть малость вздремнет, так лихие
заботы

Явятся мигом к нему и дремоту его прерывают.

Два рыбака, старики, сообща один раз отдыхали,
Высохший мох водяной в шалаше расстеливши плетеном,
К кучам засохшей листвы прислонясь. Возле них под
рукою

Все рыболовные снасти лежали: корзины для рыбы,
10 Тут же тростник, и крючки, и приманки, покрытые тиной,
Лески, ловушки и верши, из тонких сплетенные прутьев,
Здесь же веревки, и весла, и старый челнок на подпорках.
Шапки, одежда, цыновка для них изголовьем служили.
Здесь был весь труд рыбаков, и здесь же все их
богатство.

Был без запоров шалаш и без двери; казались излишни
Им эти вещи: служила надежной им бедность охраной.
Не было близко соседей у них, и близ бедной лачуги,
Берег лаская морской, разбивались лишь с ропотом волны.
Был колесницей Селены не пройден и путь половинный.

Будто на скалы уселся и, сидя, слежу я за рыбой;
Сел и тихоньку качаю приманку на удочке длинной.
Клюнула жирная рыба внезапно. В ночных сновиденьях
Грезит о хлебе собака, а мы — о рыбах, конечно.
Вижу, она за крючок зацепилась, вот кровь показалась,
Вот от движения рыбы согнулось удилище сильно.
Руки вперед протянув, сомневался я в ловли исходе:
Как таким слабым крючком подтянуть мне рыбину эту?
50 Дернул и кончил борьбу: золотую я вытащил рыбу,
Золотом цельным повсюду покрытую. Стало мне страшно:
Ну, как окажется вдруг Посейдона любимую рыбой
Иль чем-нибудь из сокровищ самой Амфитриты лазурной?
Я потихонечку рыбу с крючка отцепить постарался,
Золота чтоб ненароком крючок ей со рта не сцарапал.
Чуть успокоившись сам, опустил я на берег добычу.
Тут же поклялся: на море ноги моей больше не будет!
70 Буду на суше сидеть, над золотом буду владыкой.
Это меня разбудило. Теперь пораскинь-ка, приятель,
Крепко мозгами; меня принесенная клятва пугает.

О л ь п и с

Нечего вовсе бояться. Не клялся ты. Рыбу ты видел
Только во сне, не поймал. Сновидение схоже с обманом.
Коли теперь наяву ты искать будешь в местностях здешних
Снов исполненья, ищи-ка ты рыбу с костями и мясом,
Чтоб с твоим сном золотым не умер ты смертью голодной.

И д и л л и я ХХII

ДИОСКУРЫ

Леды и Зевса, громов властелина, сынов восхваляем.
Кастора иль Полидевка прославить мне следует первым.
Если он руки до локтя ремнями из кожи обвяжет?
Дочери Тестия чад возвеличим мы дважды и трижды.
Отпрысков пола мужского, лаконских братьев обоих,
Людям спасенье дающих, когда угрожает гибель:
Помощь дающих коням, уstraшенным в кровавом
сраженьи.
Также и тем кораблям, что, напрасно презреть
попытавшись
Звездный восход и заход, натолкнулись на страшную
бурю.

- 10 Ветры, шумя за кормой, поднимают могучие волны,
Рушатся разом на нос корабля иль куда им придется,
Бурно врываются в трюм, ломают борты боковые —
Парус изорван в клочки, и снасти висят в беспорядке.
Хлынули с темного неба потоки дождя ледяного.
Ночь надвигается быстро. Бушует широкое море,
Ветром бичуемо буйным и хлещущим градом суровым.
Но извлекаете вы корабли из ужасной пучины
В час, когда все моряки к неизбежной готовятся смерти.
Ветры внезапно стихают, ложится на волны затишье,
20 А в высоте облака разбегаются вправо и влево.

Вот показались Медведи, а вот средь Ослов появились
Бледно светящие Ясли, что путь предвещают удачный.

О вы, помощники смертных любимые, оба искусны
В конном ристанье и в лирной игре, в сраженьях

и в песнях.

Кастора иль Полидевка прославить мне следует первым?
Вас воспую я обоих, но песню начну с Полидевка.

Арго-корабль, пронесшись меж скал, что друг с другом
сходились,

И сквозь суровый пролив, ко снежному Понту ведущий,
В бerrickов край приплыл с дорогими сынами бессмертных.

- 30 Сбросили сходню одну, и с обоих бортов, чередуясь,
Стали гребцы все на сушу с Язонова судна спускаться.
Там на глубоком песке полосы, защищенной от ветра,
Ложе себе разостлали, из дерева выбили пламя.
Кастор, коней укротитель, и с ним Полидевк смуглолицый,
В лес углубились вдвоем, удаляясь от спутников прочих,
Долго бродили в горах, средь зарослей разных деревьев,
Быстрый источник нашли, вытекавший из ровных утесов,
Полный прозрачной водой; на дне его мелкие камни
Были игрою своей серебру и кристаллу подобны.
- 40 Близо к нему возвышались высокие, стройные сосны,
Белых платанов стволы, кипарисы с кудрявой вершиной,
Много душистых цветов, где трудились мохнатые пчелки,
Много цветов, что в лугах расцветают к весны окончанью.
Подле источника муж восседал, неприступно заносчив,
Видом ужасен — с ушами, разбитыми в битве кулачной,
С грудью округлой, могучей, с широкой и плоской спиною,
С мясом как будто железным, гигант, будто молотом
сбитый.

- И на руках его твердых, пониже плеча начинаясь,
Мускулы вздулись — что камни, которые в пору разлива,
60 Мчит в своем беге река и точит в могучих стремнинах.
Спину и шею его покрывала огромная шкура,
Снятая с целого льва; на груди были связаны лапы.
Первый к нему обратился боец Полидевк-победитель.

Полидевк

«Счастлив будь, кто бы ты ни был! Какой здесь народ
обитает?»

Амик

Счастлив и вправду я, видя людей, мной не виданных
раньше.

Полидевк

Нас не страшись: справедливы всегда мы, сыны
справедливых.

Амик

Я не страшусь. От тебя поучений ничуть мне не надо.

Полидевк

«Что ж ты так дик и надменен и все понимаешь превратно?»

Амик

Да, я таков уж как есть. Но в страну твою я же не лезу.

Полидевк

60 Если б пришел ты туда! Ты б с подарками прибыл
обратно.

Амик

Мне их не надо. А здесь для тебя ничего не готово.

Полидевк

Что ж, мне, мой милый, ты даже воды не предложишь
напиться?»

Амик

«Это узнаешь и сам, коли губы от жажды засохли.

Полидевк

«Что же, деньгами иль платой иной убедить тебя можно?»

А м и к

Руки подняв, выходи ты один на один побороться.

По л и д е в к

Только в кулачном бою? Или также ногами о бедра?

А м и к

Нет, кулаки ты сожми, да, смотри, собери свои силы.

По л и д е в к

Кто ж ты? И против кого поднимаю кулак я с ремнями?

А м и к

Видишь меня ты вблизи, и поверь мне, я бабой
не звался.

По л и д е в к

70 Что ж, за какую награду с тобою мы будем бороться?

А м и к

Буду твоим я, моим назовешься ты, если осилю.

По л и д е в к

Только одни петухи так дерутся, надув свои гребни.

А м и к

Что ж? С петухами ли будем, иль, может быть с львами
мы схожи —

Только за эту награду с тобою я драться согласен.

Это промолвил Амик и, поднявши ракушку пустую,
Громко в нее заревел. И собралась к платанам тенистым
Бebritов рать пышнокудых, ракушки призыв услышавши.
Также пошел к кораблю, что сюда из Магнесии прибыл,
Всех созывая героев, в сраженьях прославленный Кастор.

80 Силу придавши рукам канатом, сплетенным из кожи,

Оба бойца обтянули суставы ремнями большими.
Став в середине лужайки, дышали погибелью оба.
Вспыхнула тотчас меж ними борьба за удобное место —
Кто из них станет спиной к сиянию яркому солнца.
Ловко тогда, Полидевк, ты сумел обойти великана,
Так что прямые лучи в лицо попадали Амику.
Бросился разом Амик с распаленным от ярости сердцем
И кулаком замахнулся — тотчас же его в подбородок
Ловко сразил Тиндарид; тот, еще рассердившись сильнее,
90 Правильный бой нарушая, напрягшись, ударами сыпал,
Низко склоняясь к земле. Воинственным бебрики кликом
Все подбодряли его, а герои — бойца Полидевка;
Страшно казалось им, что его, навалившись, осилит
Здесь, на стесненном лужке, похожий на Тития воин.
Зевсов же сын, то с одной стороны, то с другой нападая,
Бил по лицу то одною рукой, то другою, и этим
Буйный напор унимал Посейдонова дерзкого сына.
Тот, опьянев от ударов, плевался алою кровью.
Громко воскликнула вместе героев дружина, увидев,
100 Как ему страшные раны осыпали челюсть и губы,
Как заплывали глаза в разможенных, опухших орбитах.
С толку сбивая его, кулаками будто без цели
Начал махать Полидевк и, увидя, что тот растерялся,
Разом попал кулаком в переносицу, между бровями,
Все до костей разможивши лицо. Под ударом ужасным
Навзничь свалился Амик, растянувшись на травах
цветущих.

Но когда снова он встал, страшней еще вспыхнула битва.
Твердым ремнем ударяя, друг другу готовили гибель.
Бебриков вождь беспощадно удары на грудь и под шею
110 Метил свои. Но ему нанося жесточайшие раны,
Прямо в лицо его бил боец Полидевк несравненный.
Пóтом Амик истекал, и казалось, что он становился
Ростом все меньше как будто. Другого же члены, казалось,
Все становились сильнее и свежее, чем дольше он бился.

Как же сын Зевса добился победы над этим обжорой?
Ты Расскажи мне, богиня, ты знаешь, а я провозвестник

Только того, что поведать угодным тебе показалось.

Славным ударом Амику хотелось теперь отличиться.

120 Левою рукой он схватил Полидевк за левую руку,
В бок отогнулся и разом, с другой стороны нападая,
Мощную правую руку занес и готов был к удару.
Если б попал он, то плохо б царю амиклейскому было.
Но, наклонясь головой, своею рукою тяжелой
Метким ударом он слева в висок и в плечо его ранил.
Черная кровь потекла по виску из зияющей раны,
И от удара во рту затрещали могучие зубы.
Чаще все бил Полидевк, все лицо раздробляя и щеки
Мясо в клочки превратив. И на землю, сознание теряя,
Рухнул всем телом Амик, и в знак прекращения боя
130 Обе он поднял руки: ведь на волос был он от смерти.
Мощный боец Полидевк, ты его победил, но жестокой
Карой не стал унижать; лишь поклясться великою клятвой
Должен он был, призывая отца Посейдона в лучине,
Что никогда он пришельцам не станет вредить

добровольно

Так я воспел тебя, царь. Воспою тебя ныне я, Кастор!
Ты, Тиндарид быстроконный, копья меднобранный

метатель!

Двух дочерей у Левкиппа похитив, два отпрыска Зевса
Их в колеснице умчали, но тотчас в погоню за ними
Двое сынов Афарейя поспешно пустились по следу,
140 Именем Ид и Линкей, женихи, ожидавшие брака.
Возле кургана догнав, где был Афарей похоронен,
Спешились все с колесниц и сейчас же друг с другом
столкнулись.

Выпуклый выставив щит и схвативши тяжелые копья.
К братьям Линкей обратился и громко кричал из-под

шлема:

«В бой вы, злосчастные, рветесь. Зачем же уловкой

жестокой

Взяли чужих вы невест и в руках у вас меч обнаженный?

Нам ведь Левкипп обещал дочерей и снабдил их

приданым.

Нам он их первым отдал и связал этот брак своей
клятвой.

Вы же, нарушив обычай, презираете ложе чужое;
150 Мулов пригнали сюда и быков, и дары принесли вы.
Сердце отца изменивши, подарками брак вы украли —
Вам говорил я нередко обоим открыто об этом.
Вот что я вам говорил, хоть до длинных речей

не охотник:

«Что вы затеяли, други? Не след для мужей благородных
Жен себе сватать из тех, кому женихи уж готовы.
Спарта совсем не мала; есть Элида, где конские игры;
Много в Аркадии стад, городами обильна Ахайя;
Есть и Мессена и Аргос, поблизости берег Сизифов.
В семьях немало родных возрастает там девушек юных,
160 Тысячи их; и умом и красою своей безупречных.
Там без труда вы возьмете любую, кто по сердцу будет:
Тестем мужей благородных любой называться захочет.
Вы меж героями всеми всегда отличались особо,
Славны ваши отцы, знаменит весь род ваш отцовский;
Нам же, друзья, предоставьте, достигнувши цели

желанной,

Брак наш свершить. А потом и о вашем подумаем
вместе».

Так я не раз говорил, но слова мои канули в море,
Вместе с дыханием ветра — вы их не хотели послушать.
Вы непреклонно суровы. Послушайтесь нас хоть сегодня.
170 Все мы друг другу родня; отцы наши — братья родные.
Если же сердцем своим вы стремитесь к сраженью
и распрю

Нашу хотите решить, наши копыя в крови омывая,
Пусть тогда старший мой, Ид, и твой брат, Полидевк
знаменитый,

Руки на брань не поднимут, воздержатся оба от битвы.
Мы же с тобою, мы оба, которые позже родились,
Выйдем на тяжбу Ареса. Не слишком пусть тяжкой
печалью

Нашу сразим мы родню. Пусть один будет в доме убитый!

Радость друзьям пусть доставят другие, пускай

возвратятся

В дом женихи, а не трупы — и женами девушек этих
180 Сделают. Меньшей бедою мы кончим великую распрю». Так он сказал, и пред богом слова его не были тщетны. Старшие оба бойца положили на землю оружие, С плеч опустивши его. А Линкей, выходя на средину, Мощным копьем потрясал, об окружность щита ударяя. Также и Кастор концом заостренным копья размахнулся. А у обоих на шлемах качались конские гривы. Оба пытались сначала, нацеливши копья искусно, Метко попасть острием в обнаженное место на теле. Но наконечники копий, еще никого не задевши,
190 Оба с размаху сломались, воткнувшись в щиты боевые. Вырвав из ножен мечи, друг на друга бойцы налетели, Гибель друг другу готова, и бой все сильней

разгорался.

Много ударов на щит, на шлем с развевавшейся гривой
Кастор обрушил; не меньше ударов Линкей быстроглазый
Дал по щиту, но мечом прикасался лишь к самой

верхушке.

Острый свой меч он занес, задумав над левым коленом
Кастора им поразить; тот, отдернув ногу, тотчас же
Руку ему отрубил. Упал его меч тут, и в бегство
Он обратился к могиле отцовской, где брат его мощный,
200 Лежа, за битвой следил меж бойцами, по крови родными.
Мигом догнав, Тиндарид пронзил острием его сбоку.
Вышло в живот острие, и, во внутренность тела

проникнув.

Медь растерзала его; Линкей повалился на землю
Прямо лицом, и тяжелой смежились очи дремотой.

Мать Лаокоса в родимом доме не узрела обоих,
И не пришлось ей дожидаться желанного брака свершенья.
Тотчас схватившись за камень надгробный отца Афарея,
Ид его вырвал мессенский, и, руку подняв для удара,
Бросить собрался он стэлу в убийцу родимого брата,
210 Зевс удержал его длань и точеный из мрамора камень

Вырвал из рук, самого же свалил он стрелою громовой.

Так с Тиндаридами в бой человеку вступать

невозможно —

Сами могучи они и от мощного бога родились.

Радуйтесь, Леды сыны! Пошлите вы добрую славу
Всем песнопениям нашим! Издревле певцы были милы
Вам, Тиндариды, Елене, а также прочим героям,
Всем, что разрушили Трою, на помощь придя к Менелаю.
Вашу же славу, владыки, Хиосский певец возвеличил,
Город Приама воспев, корабли боевые ахеян,

220 Битвы вокруг Илиона, Ахилла, в сраженьях опору.

Также и я приношу вам от Муз звонкогласных напевы!

То, что они мне дают и что дом мой родной мне приносит,

То вам несусь. Для богов всех подарков приятнее песни.

20 Юноша с каменным сердцем, любви недостойный! Сегодня
Дар приношу я последний — петлю для себя; не хочу я
Больше тебя огорчать и гневить и туда отправляюсь
Я, куда ты обрекаешь меня, где целебные средства
Все обретут от страданий любви, где дается забвенье.
Но даже если, губами прикинув, я выпью до капли
Это лекарство, то страсть не угаснет. Теперь

я проститься

С дверью твоей прихожу. Я предвижу, что будет с тобою.
Роза бывает прекрасна, но время красу ее портит;
Также весною красива фиалка, но старится скоро;
30 Лилий цветок снежно-бел, но гибнет и он, осыпаясь;
Снег белизною блестит, но падая, тотчас же тает.
Дивно прекрасна краса молодая, но срок ей недолог.
Время придет и тебе познакомиться тоже с любовью,
Лить будешь горькие слезы в ту пору ты, сердцем

сгорая.

Все-таки, юноша, мне окажи ты последнюю милость:
В час, как увидишь меня, злополучного, в петле висящим
Прямо у двери твоей, не пройди с равнодушием мимо.
Возле меня задержись и заплачь хоть на миг; и проливши
Слезы, петлю распусти и, в свои завернувши одежды,
40 После меня схорони. Поцелуй ты меня напоследок,
Мертвому губы свои подари. И меня ты не бойся:
Вновь я ожить не могу, даже если меня поцелуешь.
Холм мне могильный насыпь, чтоб любовь мою мог

в нем сокрыть я,

После трижды скажи на прощанье: «Покойся же, милый».
Если захочешь, прибавь: «Потерял я доброго друга».
Надпись, что здесь на стене написал я, спиши ты

на камень.

«Страсть погубила его. Не пройди равнодушно, прохожий.
Шаг удержи и прочти: имел он жестокого друга».

Это промолвив, камень он взял, и, к стене подкативши,
50 Он посредине порога его прислонил и, веревку
Тонкую свесивши сверху, набросил петлю он на шею.
После упор оттолкнул он ногой и повис, умирая.

Мальчик же двери открыл, но, в свой двор заглянув
и увидев
Мертвое тело, остался, как прежде, душой непреклонен.
Он не заплакал о смерти недавней; пройдя мимо трупа,
Он прикоснулся к нему, тем себя осквернив, но спокойно
Дальше в гимнасий прошел и, направлясь к любимой
купальне,
Стал возле статуи бога, того, чью силу презрел.
И с подножья
Мраморной статуи сделал прыжок. Но за ним,
покачнувшись,
60 Рухнула статуя вниз и злого подростка убила.
Алою стала вода, и послышался мальчика голос:
«Счастливы будьте, кто любит. Убит, кто хотел
ненавидеть.
Те ж, кто любимы, любите. Карает судом своим Эрос».

ГЕРАКЛ-МЛАДЕНЕЦ

Раз мидеянка Алкмена Геракла, — он месяцев десять
Сроду имел — и Ификла, что на день его был моложе,
Выкупав вместе обоих и грудью их накормивши,
Спать уложила в щите. Он прекрасной был медью

окован —

Взял его Амфитрион, поразивши царя Птерелая.
Молвила с ласкою мать, коснувшись ребячьих головок:
«Спите, младенцы мои, спите сладко, а после проснитесь.
Спите вы, сердце мое, двое братьев, чудесные дети,
Счастливо нынче засните и счастливо встаньте с зарею».

10 Это сказав, она щит закачала, и крошки заснули.

Позднюю ночью, когда наклонялась Медведица низко
И на нее Орион поднимал свои мощные плечи,
Геры злокозненный ум в этот час двух чудовищ
ужасных —

Змей ядовитых — послал, свивавшихся в черные кольца,
Прямо к порогу дверному, туда, где косяк отклонялся,
Клятвою их заклиня, чтоб сгубили младенца Геракла.
Змеи, развив свои кольца, влача кровожадное брюхо,
В дом поползли, и в глазах их светилосся злобное пламя,
Брызгали обе из пастей тяжелой слюной ядовитой.

20 Только лишь, к детям приблизясь, они языком их

лизнувш.

Тотчас внезапно проснулись — ведь Зевсу все ведомо
было —

Милые дети Алкмены, и светом весь дом озарился.
Вскрикнул в испуге внезапно, увидевши гадких чудовищ
В вогнутом крае щита и узрев их страшные зубы,
Громко Ификл, и, свой плащ шерстяной разметавши
ногами,

Он попытался бежать. Но, не дрогнув, Геракл их обеих
Крепко руками схватил и сдавил их жестокою хваткой,
Сжавши под горлом их, там, где хранится у губительных
гадов

Их отвратительный яд, ненавистный и роду бессмертных.
30 Змеи то в кольца свивались, грудного ребенка схвативши.
Поздно рожденное чадо, с рожденья не знавшее плача,
То, развернувшись опять, утомившись от боли
в суставах,

Выход пытались найти из зажимов, их горло сдавивших.

Крик услышала Алкмена и первую тотчас проснулась:
«Амфитрион, поднимись! От ужаса встать я не в силах.
Встань же, скорее беги, не надевши на ноги сандалий!
Разве не слышишь ты, как раскричался наш младший
малютка?»

Разве не видишь, что ночь на дворе, но как будто все
стены

Отблеском ярким горят, как при светлой зари
пробужденье.

40 Что-то неладное в доме случилось, любимый супруг
мой», —

Так она молвила; он же послушался тотчас супруги,
Ложе покинув, рукой схватился за меч свой узорный,
Что наготове висел в головах над кедровой кроватью,
Перевязь новой работы схватил он одною рукою,
Поднял другою рукой из точеного дерева ножны.
Снова большая палата наполнилась черною тьмою.
Громко он кликнул рабов, погруженных в глубокую
дрему:

«Встаньте, подайте огонь с очага мне как можно скорее!»

Встаньте, рабы, и с дверей отодвиньте засов мне
тяжелый!»

50 «Встаньте вы, стойкие слуги, вы слышите — кличет
хозяин», —

Крикнула женщина им, финикиянка, спавшая возле.
Тотчас сбежались рабы, загорелся факелов пламя,
И торопливой толпой наполнились мигом палаты.
Но как увидели вдруг грудного малютку Геракла,
Крепко ужасных чудовищ державшего в нежных ручонках,
Ахнувши, вскрикнули все, а ребенок Амфитриону
Гадов хотел показать, и, подпрыгнув, с радостью детской
Весело он засмеялся, к отцовским ногам опуская
Страшных чудовищ обоих, застывших в объятиях смерти.

60 На руки вмиг подхватила и к сердцу прижала Алкмена
Бледного, в страхе ужасном застывшего сына Ификла.
Амфитрион же другого овечьим одеялом покрывалом,
После на ложе возлег и опять об отдыхе вспомнил.

Третьи уже петухи воспевали зари окончанье.
Тотчас Тиресия, старца, всегда возвещавшего правду,
В дом позвала свой Алкмена, про новое чудо сказала
И повелела ему раскрыть его смысл и значенье.

«Даже, — сказала, — коль боги замыслили что-нибудь
злое,

Ты не смущайся, не скрой от меня. Отвратить невозможно
70 Людям того, что им Мойра на прялке своей изготовит.

Я же тебя, Эврейд, за мужа разумного знаю».

Так вопрошала царица. И вот что ей старец ответил:
«Счастье жене благородной, Персеевой крови рожденью!
Счастье! Благуя надежду храни на грядущие годы.

Сладостным светом клянусь, что давно мои очи покинул;

Много ахейнок, знаю, рукою своей на коленях

Мягкую пряжу крутя и под вечер напев запевая,

Вспомнят, Алкмена, тебя, ты славою Аргоса будешь.

Мужем таким, кто достигнет до неба, несущего звезды,

80 Выросши, станет твой сын и героем с могучею грудью.

Между людей и зверей с ним никто не посмеет

равняться.

*Геракл-младенец. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала
III—II вв. до н. э. Гос. Эрмитаж.*

Подвигов славных двенадцать свершив, он в Зевсовом
Жить будет; смертное ж тело костер трахинийский
доме
поглотит.

Будет он зятем бессмертных, которые сами послали
Этих чудовищ пещерных ребенку на злую погибель.

Некогда будет тот день, как, младого оленя на поле
Волк острозубый увидев, его погубить не захочет.
Но у тебя, госпожа, наготове пусть пламя под пеплом
Тлеет, и пусть принесут в изобилие насушенный хворост,
90 Ветки увядшего терна, от ветра засохшую грушу.
В пламени диких растений сожги ты обоих чудовищ
В полночь глухую, в тот час, как убить твое чадо
пытались.

Утром же, ранней зарею, пусть пепел одна из служанок
Весь соберет без остатка и сбросит с утесов высоких
В реку, где края предел, и тотчас вернется обратно,
Больше не глядя назад. Вы же дом свой, очищенной серой
Весь окурив, окропите зеленою свежелою веткой,
Воду прозрачную взяв и с солью смешав по уставу.
Крепкого борова Зевсу потом вы зарежете в жертву,
100 Чтобы всегда побеждали вы всех, кто вам злое замыслит».
Это промолвивши, стул отодвинул из кости слоновой
И удалился Тиресий, хоть был отягчен он годами.

Рос у родимой Геракл, как в саду деревцо молодое.
Амфитрион, царь аргосский, отцом его почитался.
Выучил мальчика чтенью заботливый сын Аполлона,
Лин, престарелый герой, неустанный его воспитатель,
Лук искривленный сгибать и метко нацеливать стрелы
Выучил Эврит, наследник богатых отцовских угодий.
Пенью его обучил, приучил его руки к движениям
110 Вдоль по форминге из бука Эвмолп, Филамона наследник.
Всем тем уловкам искусным, к которым аргосские мужи
В схватках умеют прибегнуть, а также и нужным приемам,
Тем, что в кулачном бою применяют, ремнями обвиты,
Страшные в битве борцы, и уменью сражаться упавши —
Всем этим разным уловкам обучен он сыном Гермеса

Был, Гарпаликом фанотским, с которым, его лишь увидев,
Мериться силой своей не решался никто в состязаньях:
Так его хмурились брови угрюмо на лице грозящем.
Быстрых коней погонять с колесницы и, вокруг огибая,
120 Столб невредимо объехать, ступицы колес не сломавши,
Амфитрион обучил с любовью милое чадо:
Сам он награды не раз получал в состязаниях быстрых
В Аргосе, славном конями; не знали его колесницы
Разных поломок, лишь время одно их ремни протирало.
Копья вперед выставлять и щитом от плеча прикрываться,
В недруга метить, от ран, мечом нанесенных, не дрогнуть,
Строить фаланги ряды, наперед измерять свои силы,
Если приблизится враг, и над конницей быть господином—
Все это Кастор ему показал, Гиппалида наследник,
130. Родом аргивский беглец: виноградник его и угодня
Отнял Тидей, от Адраста взяв Аргос, богатый конями.
Даже среди полубогов едва ли б нашелся подобный
Кастору воин могучий, пока его старость щадила.

Вот как у матери милой с рожденья Геракл воспитался.
Мальчику ложем служила, с отцом его постлана рядом,
Львиная шкура — и ею он был всей душою доволен.
Пóд вечер жареным мясом питался и хлебом дорийским
Он из корзины большой — был бы сыт и голодный

поденщик.

Днем же он легкой едою холодной питался, не жаря,
140 И одевался в одежду простую, пониже колена.

Роща священная, путник, могучего, вещего бога.

Дальше раскинулись там землепашцев жилища широко,

Нас, кто именье владыки с его несказанным богатством

Верно хранит и бросает в поднятую заново пашню

Вовремя зерна, вскопавши ее раза три иль четыре.

Знают межи всех полей неустанные люди лопаты,

После к точилу идут, лишь приблизится знойное время.

Этою всею равниной владеет разумнейший Авгий.

30 Все хлебородные пашни, сады из плодовых деревьев,

Вплоть до последних отрогов хребта, что богат родниками,

Всю эту землю проходим в труде мы с утра и до ночи.

Так подобает нам, слугам, чья на́ поле жизнь протекает.

Ты же скажи мне теперь — для тебя самого это будет

Только полезно — зачем ты пришел к нам и кто тебе

нужен?

Авгия ль ты самого, иль кого из служителей многих,

Тех, что имеет он, ищешь? Я, всех их зная прекрасно,

Все тебе точно скажу. Не из низкого рода ты, видно;

Сам на людей ты из низкой семьи не похож, а, напротив,

40 Ростом ты мощным из всех выдаешься; с такою осанкой

Только лишь дети бессмертных меж смертных людей

обитают».

Тотчас, ему отвечая, промолвил сын Зевса отважный:

«Да, мне хотелось бы, старец, увидеть эпеев владыку

Авгия: дело к нему привело меня в местности эти.

Если же он между граждан находится в городе ныне,

Благо народа блюдя, и коль там обсуждают законы,

То покажи мне слугу и к тому проводи меня, старец,

Кто как правитель старейший промеж землепашцев

поставлен.

Все я ему сообщив, от него получу указанья.

50 Бог так устроил, что люди один для другого потребны».

Снова ответил ему богоравный старик-землепашец:

«Путник, как видно, пришел ты сюда по воле

бессмертных;

Все, в чем нуждаешься ты, исполняется так, как желаешь.

Сам здесь находится Авгий, чей Гелиос славный родитель.

Геракл, борющийся со львом. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала Лисиппа. Вторая половина IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж.

С сыном Филеем своим, повелителем мощным, вчера
лишь

Снова из города он возвратился домой и немало
Дней проведет на осмотре несметных богатств на равнинах.
В мыслях своих и цари полагают, что будет сохранней
Все их хозяйство, коль сами к нему прилагают заботу.
60 Шаг поскорее направим к нему; и тебя провожу я
К нашим загонам, где, верно, с тобою мы встретим
владыку».

Молвив, повел он его, предаваясь в уме размышленьям,
Шкуру звериную видя, дубинку, что еле рукою
Можно обнять; этот странник откуда — охотно спросил бы;
Речь он, однако, сдержал, хоть из уст она и стремилась:
Слово боялся промолвить, — а вдруг не ко времени будет?
Видел он — путник спешит. Неизвестны ведь мысли
другого.

Было замечено псами тотчас же людей приближенье,
То ли по запаху кожи, а то ли по шуму от шага. . .
70 Лаем залились ужасным и вмиг отовсюду помчались
Против Геракла они, сына Амфитриона. А к старцу
С радостью бурной ласкались и прыгали, вокруг увиваясь.
Он же, к земле наклонясь, поднимал с нее камни, где
можно,

Гнал от себя их назад и пугал их, повысивши голос,
Им угрожая сердито, и этим их лай успокоил.
В сердце ж доволен он был, что так верно загон охраняли
Псы, когда не был он здесь. И такое он вымолвил слово:
«Ох, вот так зверя на славу придумали боги-владыки!
Людям на помощь он дан! Уж как человеку послушен!
80 Если б к тому же еще владел он разумною мыслью,
Если бы знал он всегда, ему гневаться надо ли, нет ли —
Зверь ни один бы не мог с ним поспорить о равном почете.
Ныне ж он больно гневлив, да к тому ж и кусаться
охотник».

Молвил, и, шаг ускоряя, дошли они так до загона.

Гелиос этой порой коней своих к мрака пределам.

Вечер ведя, повернул. И отары овец разжиревших,
С пастбищ своих возвратясь, наполняли хлева и закуты.
После же них, несчислимы, теснились одна за другою
Много коров и в движенье на тучи, несущие влагу,
90 Были похожи, когда их по небу вперед погоняет
Южного ветра напор или северный ветер фракийский.
Нет этим тучам числа, проплывающим в воздухе мимо,
Нет и конца им; так много за первой гонит рядами
Ветра напор, позади ж собираются снова другие;
Так же шли без конца за коровами снова коровы.
Скоро заполнено все — и равнина кругом, и дороги —
Было идущим скотом, и мычаньем его огласилось
Тучное поле. Хлева наполняться коровами стали,
Ноги влекущими, овцы ж в загонах открытых остались.
100 Вряд ли слуга хоть один — а числом они были
несчетны —
Здесь при коровах стоял, оставаясь без дела спокойно:
Этот, доить собираясь, повязкой из кожи, с ремнями,
Ноги корове покрепче вязал, чтоб стояла спокойно;
Этот к их маткам любимым телят подводил малолеток,
Лакомый сладкий напиток желавших сосать поскорее;
Этот — подоюнок держал, тот был занят выжимкой сыра;
Этот — бычков разгонял по загонам, от телок отдельно.
Авгий, меж них проходя, со вниманьем осматривал
стояла,
Глядя, довольно ль забот пастухи прилагают к имению.
110 Вместе с ним сын и Геракл, погруженный в глубокую
думу,
Шли за владыкою вслед, окруженным таким изобильем.
Сам Амфитриона сын, хоть владел он в груди своей
мощной
Чуждым любому волнению, всегда не колеблемым сердцем,
Все же дивился и он, столь несчетную милость
бессмертных
Видя. Не мог бы никто никогда ни сказать, ни помыслить,
Будто всем этим владеет один или даже и десять,
Если бы даже цари всей земли им стада подарили.

Только лишь Гелиос сына почтил таким даром чудесным,
Сделав его меж людей богатейшим царем над стадами.
120 Также и к пастбищам всем прилагал непрестанно заботу
Сам он. И век не случилось, чтоб эти стада посетили
Мор иль болезни, что могут сгубить все труды скотоводов.
Больше и больше коров становилось, все лучше и лучше
Делались из году в год и рождали ему ежегодно
Множество юных телят — и к тому ж не быков,
а телушек.

Триста быков с ними вместе на пастбище тучном
ходили.

Белыми ноги их были, а сами черны; и две сотни
Рыжих паслося еще; были все уже годны для случки.
Кроме же этих, еще выгоняли быков, посвященных
130 Солнцу, — их было двенадцать; и, словно как лебеди,
были

Все ослепительно белы, от прочих быков отличаясь.
Вместе с другими пастись не хотели; особо на пышном
Пастбище вместе паслись, красотою своей величаясь.
Если ж из диких труппоб быстроногие хищные звери,
Выбежав на поле вдруг, за разбредшимся стадом следили,
Первыми, запах их чуя, быки эти к бою стремились,
Рев испускали ужасный, сверкали глаза их убийством.
Всех же сильней был один; выдавался он крепкою мощью,
Также и дерзостью; звали его Фаэтон; волопасам
140 Яркой звездой он казался за то, что, идя меж другими,
Он между всеми сиял, выделяясь красой и осанкой.
Только лишь мертвую шкуру сверкавшую льва он завидел,
Тотчас помчался вперед на Геракла, следившего зорко,
Бок ему думал пробить он своей головою могучей.
Мигом владыка Геракл охватил его крепкой рукою
Слева за рог и, пригнувши к земле его мощную шею,
Тяжестью всею упасть на колени заставил; уперся
После плечом и назад оттолкнул; и от сильной натуги
Мускул пониже плеча, приподнявшись высоко, раздулся.
150 Диву дивились и царь, и Фидей, его отпрыск разумный,
Также и все пастухи, что быков охраняли рогатых.

Амфитрионова сына увидя безмерную силу.

После, покинув поля плодородные, в город направил
Шаг свой Филей и с ним вместе Геракл необорно могучий.
Вышли они на дорогу, которая разного люда
Много несет на себе, и, окончили шагом поспешным
Путь по тропинке, бежавшей от хлеба меж лоз

виноградных;

В зарослях светло-зеленых вилась она еле заметно.
Тотчас же к отпрыску Зевса высокого, шедшему сзади,

160 Авгия сын дорогой обратился с такими словами,

Голову ласково к гостю над правым плечом повернувши:

«Гость, о тебе я давно уже многие слышал рассказы;
Ныне же в мыслях моих, о тебе ли шла речь, вспоминаю.
Прибыл из Аргоса к нам раз один человек; в середине
Жизни стоял он; ахеец он был, из Гелики приморской.
Нам он поведал тогда, окруженный эпейцев толпою,
Как из аргивян один, той порой как он был там, сразился
С зверем, ужаснейшим львом, устрашением всех

землепашцев,

167 Жившим в глубокой пещере близ роиц Немеяского Зевса.

170 Только наверно не помню, из Аргоса был ли святого

Он, иль во граде Тиринфе он жил, иль, быть может,

в Микенах —

Этого я не припомню. А родом, как будто я слышал,
Если запомнил я верно, он был из потомков Персея.
Думаю я, не свершил этот подвиг никто из аргивян,
Кроме тебя. Говорит мне о том эта львиная шкура,
Рук твоих мощное дело, что плечи тебе покрывает.
Ныне же мне расскажи, чтобы все я узнал моим сердцем,
Правильно ль я догадался, герой, или я заблуждаюсь:
Тот ли ты самый, о ком нам, внимавшим, рассказывал

долго

180 Этот ахеец геликский? Как звать тебя именем верным?

Мне расскажи, как добился над гибельным зверем победы,
Как и откуда явился он в край многоводный Немеяский.
Этих чудовищ вовек ты не мог бы увидеть в Апиде.

Если бы даже хотел: этот край их вовек не рождает;
Только медведи там есть, кабаны и жестокие волки.
Вот потому и дивились все те, кто рассказ этот слышал.
Многие, помню, из нас говорили, что лжет чужестранец,
Дерзким своим языком забавляя того, кто внимает».

Это сказавши, Филей отошел с середины дороги
190 В бок, чтобы рядом идущим, им всем было места довольно.
Тот, обогнавши его, обратил к нему слово такое:

«Авгия сын! Ты и сам-то, о чем ты мне задал вопросы,
Мог уж раньше, наверно, узнать без труда, по порядку.
Нынче ж подробно тебе расскажу о чудовище этом
Все, что случилось тогда, если хочешь ты это услышать.
Только откуда взялось, не скажу, и никто из аргивян,
Сколько бы ни было их, дать бы ясный ответ был
не в силах.

Думаем мы, что один из богов, наши жертвы
презревши.

200 Бедствие страшное это послал на людей форонейских.
Словно как бурный поток, что прибрежные топил равнины,
Жадный обрушился лев; чаще всех он терзал бембинайцев,
Живших всех ближе к нему, нестерпимые муки терпевших.
Это как первый мой труд к исполнению тогда предназначил
Мне Эврисфей и велел покончить со зверем ужасным.
Лук я мой гибкий забрал и навесил колчан мой

глубокий —

Стрелами был он наполнен; взял в левую руку дубинку
Крепкую, с толстой корой, из согнувшейся дикой

маслины —

Мне по руке; я, найдя на отрогах святых Геликона,
210 Сам целиком ее вырвал, сплетенья корней не испортил.

После, когда я пришел в эту местность, где лев

находился.

Лук свой сейчас же я взял, натянул тетиву жилковую
Против изгиба и вынул стрелу, приносящую боли.
Всюду мой взгляд обращал и высматривал страшное диво:
Раньше его я увидеть хотел, чем меня он почует.
Близилось время к полудню. Следов никаких я в округе

Вовсе заметить не мог, также не было слышно и рева.
Не было вокруг никого из людей ни при стаде, ни в поле
Между засеянных нив, к кому бы я мог обратиться:
220 Бледным охвачены страхом, попрятались все по усадьбам.
Долго носили меня по горам густолиственным ноги,
Прежде чем встретил его я и тотчас померялся силой.
К вечеру близился день. Он, к ущелью свой шаг
направляя,
Шел, пресыщенный и мясом, и кровью. Косматую гриву,
Морду с пылающим взглядом следы оскверняли убийства,
Также и грудь, а усы свои он облизывал жадно.
Тотчас же я поспешил за кустарник тенистый укрыться;
Там, на тропинке лесной, ожидал я его приближенья.
Чуть подошел он поближе, стрелу ему в левую ногу
230 С лука спустил я — напрасно: стрелы острее не проникло
В мясо ему, но обратно в зеленую траву упало.
Рыжую голову вдруг от земли удивленно он поднял,
Все вокруг себя осмотрел, обегая всю местность глазами;
Пасть он разинул и все показал свои жадные зубы.
Я же вторую стрелу с тетивы опустил, раздраженный
Тем, что из рук я моих стрелу пустил понапрасну;
В грудь я попал, в середину, где легких находится место.
Шкуру опять не пробила стрела, приносящая муки,
Снова упала от лап недалеко, в бессилии тщетном.
240 В третий собрался я раз натянуть тетиву, в своем сердце
Элобу тая; но увидел, глазами вращая своими,
Зверь меня страшный и, хвост вокруг колен обвивая
огромный,
В битву рванулся немедля; и шея и мощный затылок
Вздулись от страшного гнева, и вздыбилась рыжая грива:
Так он взбешен был; хребет на спине, словно лук,
изогнулся;
Сжался он весь, как комок, приседая на икры и бедра.
Так, как столяр колесничный, искусный во многих работах,
Фиговый ствол молодой, что ему без труда поддается,
Гнет, нагревая в огне, чтобы сделать круги для сиденья, —
250 Вдруг из-под рук вылетает весь ствол этот с нежной корою,

Будучи согнут уже, и прыжок совершает далекий, —
Прыгнул так лев на меня утрашающий, силы собравши,
Мяса отведать стремясь. Защищаясь, я левой рукою
Стрелы поднял и одежду двойную, покрывшую плечи;
Правой рукой нацелил в висок я дубинку сухую,
В голову бросил ее; и дубинка из дикой маслины
Разом ударилась с силой об голову с гривой косматой
И на куски разлетелась. А он, до меня не допрыгнув,
Все ж не упал, а остался стоять, но на лапах дрожащих,
260 Голову вниз опустив; глаза его мраком покрылись;
Был в его черепе мозг поколеблен от мощи удара.
Я же, пока он стоял без сознания от боли жестокой,
Быстро решился, чтоб он не успел опять отдышаться;
Страшную шею сдавил, ухвативши пониже затылка,
Бросивши в сторону лук и колчан мой, что крепко был

слажен

Сильно душил я его, и могучими сзади руками
Я упирался, чтоб он не поранил когтями мне тела,
Задние ж лапы ступнями к земле я придавливал с силой,
Севши верхом на него и бока ему сжавши ногами,
270 Долго, пока, наконец, не поднял его вверх за лопатки.
Был без дыханья он; взял Аид его душу великий.

Стал размышлять я потом, как бы шкуру мне с гривой
косматой

С мертвого зверя содрать, отделивши от тела. Работа
Эта была нелегка. Невозможно шкуру разрезать
Было железом и камнем: усилья мои были тщетны.
К счастью, один из бессмертных вложил мне в мой ум
помышленье —

Львиную шкуру разрезать его же когтями; я быстро
Ими ее ободрал и себе ее на плечи бросил
Для обороны в сраженье смертельном, терзающем тело.
280 Вот каким образом гибель настигла немейского зверя,
Людям самим и стадам их принесшего много несчастий».

ВАКХАНКИ

Раз Автоноя, Инó и Агава, что яблок румяней,
Вслед повели за собой три праздничных шествия в горы.
Веток с листвою они наломали с косматого дуба,
Свежего много плюща и ползучих стеблей асфодела;
Жертвенных камней двенадцать поставили в светлой

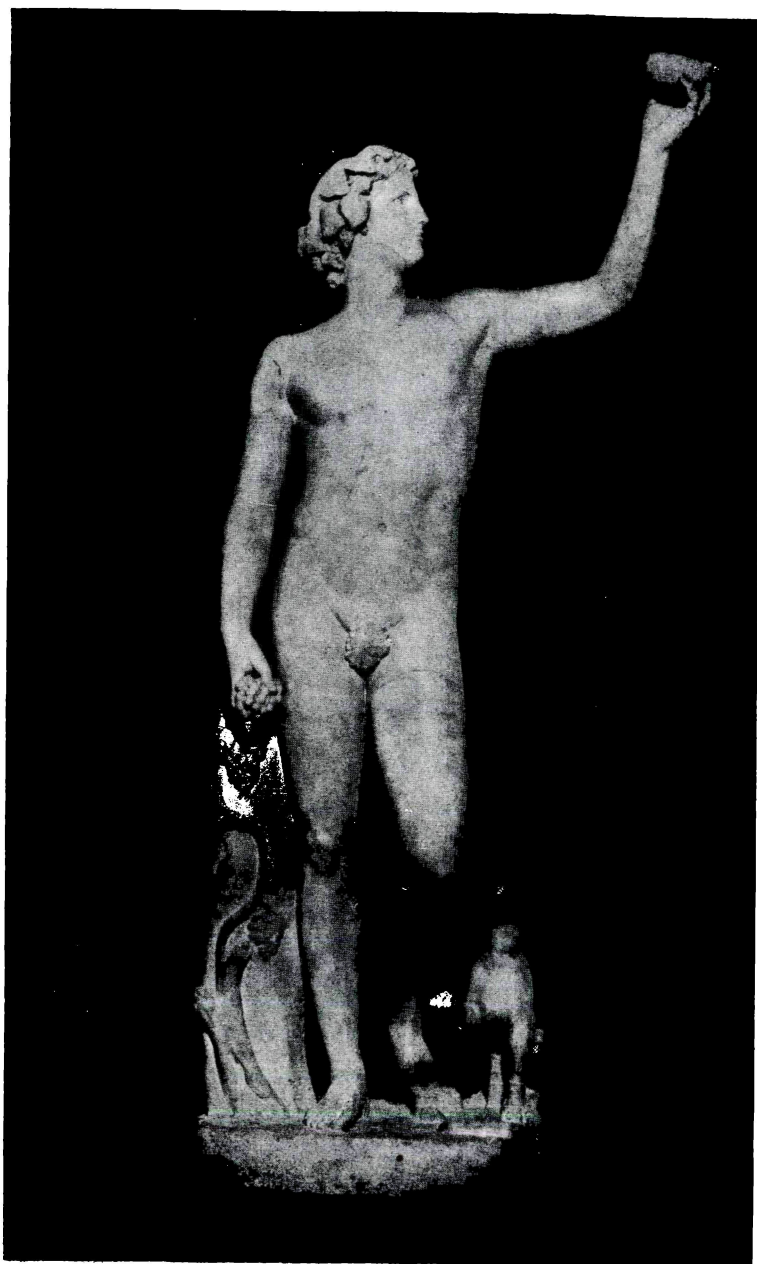
долине:

Три — посвященных Семеле, а девять других — Дионису.
Вынув потом из корзин, что для жертв приготовлено было
Ими, на жертвенник новый в молчанье они положили
Так, как учил Дионис, как ему это было угодно.

10 Все это видел Пенфей, на высокие скалы взобравшись,
Скрывшись за деревом старым, растущим долгие годы.
Первой его Автоноя заметивши, вскрикнула страшно,
Разом метнулась вперед и ногой опрокинула камни
С тайнами буйного Вакха, доступными только немногим.
Впала в безумье она, и безумствовать стали другие.
В ужасе в бегство Пенфей обратился, но женщины мчались
Прямо за ним по пятам, до колен подобравши одежды.
Громко воскликнул Пенфей: «Чего же вам, женщины,
нужно?».

Но Автоноя вскричала: «Поймешь, не успевши
расслышать».

20 Мать оторвала родная в безумии голову сыну,

Дионис. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала середины IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж.

Львице, рождающей львенка, подобная яростным ревом.
Тотчас Ино́ догнала и, плечо оторвавши с лопаткой,
Стала ногой на живот. Автоноя рванула второе.

Прочие женщины вмиг растерзали на клочья остатки;
В Фивы потом возвратились, обрызганы свежю кровью.
С ними вернулося горе, Пенфей же назад не вернулся.

Я не печалюсь о них. Пусть не мыслит никто Диониса
Гнев навлекать! Пусть несет он и более страшную кару,
Даже коль от роду лет он насчитывал девять или десять.

30 Я же ищю благочестья и тех, кто исполнен святыни.
Зевс-громовержец такое нам дал выполнять предписание:
«Счастье сынам благочестным и горе сынам нечестивым.

Радуйся, бог Дионис! Положил тебя Зевс-повелитель,
Вынув тебя из бедра, на Дракана холодные склоны.
Радуйся ты, о Семела прекрасная, радуйтесь, сестры,
Дочери Кадма! Примером вы служите женам могучим.
Дело исполнили то вы, к чему Дионис вас подвигнул,
Выше людских порицаний! Богов никто да не судит!»

Идиллия XXVII

ЛЮБОВНАЯ БОЛТОВНЯ

Д е в у ш к а

Был пастухом и Парис, что разумную выкрал Елену.

Д а ф н и с

Лучше скажи: пастуха целовала Елена охотно.

Д е в у ш к а

Ну, не хвались, ты, сатир! Поцелуй ведь — дело пустое.

Д а ф н и с

Даже в пустых поцелуях скрывается сладкая радость.

Д е в у ш к а

Рот сполоснуть я хочу, поцелуй твой я выплуну тотчас.

Д а ф н и с

Губки свои сполоснула? Так дай, я еще поцелую.

Д е в у ш к а

С телками лучше б обнялся, не с девушкой ты незамужней.

Д е в у ш к а

Паном клянусь, ускользну. Ты ж носи ярмо, сколько
хочешь.

Д а ф н и с

20 Ох, я боюсь, что тебя он выдаст за худшего мужа.

Д е в у ш к а

Много меня уж ловило, никто не пришелся по сердцу.

Д а ф н и с

С тем же и я прихожу, я — жених и хочу тебя сватать.

Д е в у ш к а

Что же мне делать, мой милый? Ведь брак огорченьями
полон.

Д а ф н и с

Нет в нем ни боли, ни горя, напротив — лишь праздник
и радость.

Д е в у ш к а

Нет, говорится, что жены трепещут всегда пред мужьями.

Д а ф н и с

Лучше скажи — верховодят. Пред кем это жены трепещут?

Д е в у ш к а

Родов я тоже боюсь. Страшны ведь Илифии стрелы.

Д а ф н и с

Но помогает при родах царица твоя Артемида.

Д е в у ш к а

Все же боюсь я рожать, чтоб не портить прекрасного тела.

Да ф н и с

30 Милых рожая детей, новый свет в сыновьях ты увидишь.

Д е в у ш к а

Что же с собою ты в брак принесешь, если б я согласилась?

Да ф н и с

Это вот стадо мое и роши, и выгоны эти.

Д е в у ш к а

Тотчас клянись, что меня не покинешь ты, мной овладевши.

Да ф н и с

Паном клянусь, никогда — даже если б прогнать захотела.

Д е в у ш к а

Спальню ты мне приготовишь, и дом, и хлева, и сарай?

Да ф н и с

Спальню тебе я построю; пасу я богатое стадо.

Д е в у ш к а

Что же, к отцу-старiku обратиться с какою мне речью?

Да ф н и с

Сам он одобрит твой брак, когда имя мое он услышит.

Д е в у ш к а

Имя свое мне скажи; ведь подчас даже имя приятно.

Да ф н и с

40 Звать меня Дафнис, Номеня мне мать, а Ликид — мой
родитель.

Девушка

Да, ты хорошего рода; но также и я не из худших.

Дафнис

Знаю, в почете твой род; а отец твой зовется Меналком.

Девушка

Рошу свою покажи мне и где, покажи мне, усадьба.

Дафнис

Глянь, как прекрасно цветут, как стройны у меня
кипарисы!

Девушка

Козы, паситесь, пока пастуха осмотру я именье.

Дафнис

Мирно паситесь, быки. Покажу я лесок мой красотке.

Девушка

Делаешь что ты, сатир? Почему ты к сосцам прикоснулся?

Дафнис

Яблочки эти твои, погляжу я, сегодня спелы.

Девушка

Паном клянусь, я дрожу. Вынимай свою руку обратно!

Дафнис

50 Милая, смело! Ну что ты дрожишь? Ах, какая трусиха!

Девушка

В ров ты толкаешь меня и запачкаешь новое платье.

Да ф н и с

Глянь-ка, под платье твое подложил я пушистую шкуру.

Д е в у ш к а

Что это? Пояс сорвал ты с меня! Зачем это сделал?

Да ф н и с

Это как первый мой дар приношу я Пафийской богине.

Д е в у ш к а

Тише, злосчастный! Я слышу, как будто приблизился
кто-то.

Да ф н и с

Это о браке твоём говорят меж собой кипарисы.

Д е в у ш к а

Платье ты мне разорвал, и осталась я вовсе нагою.

Да ф н и с

Платье другое тебе подарю — и пошире, чем это.

Д е в у ш к а

Все ты мне дашь, говоришь, а завтра — не дашь мне
и соли!

Да ф н и с

60 Ах, если б мог, навсегда я отдал бы тебе даже душу!

Д е в у ш к а

О, не гневись, Артемида! Словам я твоим непослушна.

Да ф н и с

Эросу телку зарезу, корову я дам Афродите.

Д е в у ш к а

Девушкой в лес я пришла, и женой я домой возвращаюсь.

Д а ф н и с

Будешь жена ты, и мать, и кормилица чад, а не дева.

Так, наслаждаясь они своим телом цветущим и юным,
Между собою шептались. И краткое ложе покинув,
Встала, и к козам она, чтоб пасти их, опять возвратилась;
Стыд затаился в глазах, но полно было радостью сердце.
К стаду и он возвратился, поднявшись с счастливого ложа.

И д и л л и я XXVIII

ПРЯКА

Прялка, пряхи ты друг; отдана ты девой Афиной в дар *
Женам тем, чья душа к дому, к труду склонность хранит
в себе.

Бодрой спутницей мне будешь в пути в славный Нелеев
град.

Где в зеленой тени, меж тростников, виден Киприды храм.
Я молю, чтоб туда мирное нам плаванье Зевс послал,
Чтоб услышал я вновь, друга обняв, добрый привет того,
Кто Харитам всегда нежным был мил, — Никия, сына их.

Там тебя, кого встарь чей-то резец создал с трудом
большим

Из слоновой кости, в дар я отдам в руки жены его.

10 Там спрядешь вместе с ней много руна ты для плащей
мужских.

Женских ты покрывал тонко-сквозных много сготовишь
с ней.

С пастбищ пышных своих матки ягнят мягкую шерсть
должны

Были б все посылать дважды в году стройной Тевгэнис
в дар.

* Размер — — — — — || — — — — || — — — — — (большой Асклеиадов
стих).

Труд свой любит она, — разум хранит мудрый пример
для жен.
В дом, где, труд позабыв, праздно живут, в пышный,
ленивый дом
Дать тебя б не хотел, прялка моя, — ты из родной земли.
Град, родной для тебя, встарь заложил Архий, эфирский
муж;
Град наш — сердце страны, острова честь, славных мужей
оплот.
Ныне в дом ты войдешь к мужу тому, что на веку своем
20 Людям много открыл мудрых лекарств против болезней
злых.
Жить среди ионян будешь теперь в славном Милете ты.
Там Тевгенис пускай будут среди жен первой из прях
считать,
Ты о госте-певце ей навсегда памятью доброй будь.
Скажет, видя тебя, всякий слова: «Был этот малый дар
Дан с любовью большой: друга дары сердцу милы всегда».

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Мальчик милый, правдив, говорят, у вина язык *.
Значит, будем правдивы и мы, опьянившись им.
Все тебе я скажу, что храню в глубине души.
Знаю я, что всем сердцем своим полюбить меня
Ты не хочешь, а я лишь в полжизни живу теперь:
Мне твоя красота половину сгубила сил.
Только ты пожелал — провожу я в блаженстве день,
Ты не хочешь — тогда погружаюсь я вновь во мрак.
Разве можно того, кто влюблен, так терзать тоской?
10 Если б верил, юнец, ты тому, кто тебя старей,
Лучше было б тебе, да и мной ты б доволен был.
Вей одно лишь гнездо на одной лишь вершине ты,
Там не сможет к тебе заползти ядовитый змей.
Ныне ж ты, что ни день, то на новом сидишь суку,
Будешь завтра ты вновь с одного на другой порхать.
Только кто похвалил, увидав, красоту твою,
Вмиг сдружился ты так, будто друг твой три года он;
Тот, кто раньше любил, для тебя стал трехдневный друг.
Дышишь дерзостью ты, словно выше ты всех людей.
20 Нет, меж равных себе для себя ты друзей ищи.
Будешь так поступать, будут все уважать тебя,

* Размер — — || — — — || — — — || — — — || — — — || (дактилический триметр)

И д и л л и я ХХХ

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Горе, горе, увы! Злая болезнь тяжко гнетет меня*.
Вот уж месяц второй к юноше страсть жжет, лихорадки
злей.

Нет в лице у него строгой красы, но с головы до пят
Полон прелести он, а на щеках сладко играет смех.
Мой недуг от меня то отойдет, то возвратится вдруг.
Знаю, скоро уже я не смогу сна ни на миг найти.
Вот вчера на меня он, проходя, глянул, нахмуря бровь.
Стыдно, верно, ему прямо взглянуть: вспыхнул румянцем
весь.

Страсти мощной порыв сердце мое вдруг охватил сильней.
10 В дом пошел я к себе, острую вновь в печени чуя боль.
Начал я упрекать сердце мое; я говорил ему:
«Что же делаешь ты? Долго ль еще будешь сходить с ума?»
Ты не видишь ужель? — Белых волос много в висках
твоих.

Да, пора поумнеть: право, лицом с юношей ты не схож;
Ты поступков своих с тем не равняй, жизнь кто вкусил
едва.

Вспомнить надо еще: лучший удел — чуждым нам быть
всегда

* Размер — — — — — || — — — — || — — — — — (большой Асклепиадов стих).

Тем тяжелым скорбям, что за собой к юноше страсть
влечет.

Мчится юноши жизнь, быстро скользя, словно оленя бег,
Завтра к новым морям, парус подняв, он поплывет опять;
20 Но навек потерял он меж друзей юности сладкий цвет.
Ты же чуть вспомнишь о нем, высушит страсть даже весь
мозг в костях.

Будешь видеть всегда в ночи часы рой сновидений злых.
Минет срок годовой, но не смягчит этих жестоких мук».
Много, много еще сердцу тогда я говорил в укор.
Сердце ж молвило мне: «Кто возмечтал, будто бы так
легко

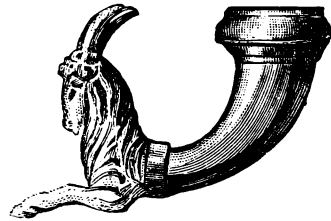
Будет им побежден Эрос-хитрец, верно, мечтает тот,
Сколько звезд в небесах ночью прошло, счесть по
девяткам вмиг.

Доброй волей иль нет, шею согнув, иго влачить теперь,
Знаю, мне суждено. Друг дорогой, этого хочет бог,
30 Тот, кто волей своей часто смущал даже Киприды дух,
Зевса ум колебал; как устою я, однодневный цвет?
Легкий ветер дохнет и далеко мигом умчит меня».

.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ «БЕРЕНИКИ»

(Фрагмент)

Если захочет достигнуть удачи и славного лова
Тот, кого море питает, чьим плугом являются сети,
Под вечер он для богини убьет пусть священную рыбу .
«Белой» что люди зовут за то, что других она ярче;
Если закинет он сети, то вытащит снова из моря
Полными их . . .

ЭПИГРАММЫ

I

Этот шиповник в росинках и этот пучок повилики,
Густо сплетенный, лежат здесь геликонянкам в дар.
Вот для тебя, для Пеана пифийского, лавр темнолиственный —
Камнем дельфийской скалы вскормлен он был для
тебя.
Камни забрызгает кровью козел длиннорогий и белый —
Гложет он там наверху ветви смолистых кустов.

II

С белою кожей Дафнис, который на славной свирели
Песни пастушьи играл, Пану приносит дары:
Ствол тростника просверленный, копье заостренное, посох,
Шкуру оленью, суму — яблоки в ней он носил.

III

Дафнис, ты дремлешь, устав, на земле, на листве
прошлогодней
Только что ты на горах всюду расставил силки.
Но сторожит тебя Пан, и Приап заодно с ним подкрался,
Ласковый лик свой обвил он золотистым плющом.
Вместе в пещеру проникли. Скорее беги же, скорее,
Сбросивши разом с себя сон, что тебя разморил!

IV

Этой тропой, козопас, обогни ты дубовую рощу;
Видишь — там новый кумир врезан в смоковницы
ствол.

Он без ушей и трехногий, корою одет он, но может
Все ж для рождения чад дело Киприды свершить.
Вкруг он оградой святой обнесен. И родник неумолчный
Льется с утесов крутых; там обступили его
Мирты и лавр отовсюду; меж них кипарис ароматный;
И завилася венком в гроздьях тяжелых лоза.
Ранней весенней порой, заливаясь звенящею песней,
10 Свой переменный напев там выкликают дрозды.
Бурый певец, соловей, отвечает им рокотом звонким,
Клюв раскрывая, поет сладостным голосом он.
Там я, присев на траве, благосклонного бога Приапа
Буду молить, чтоб во мне к Дафнису страсть угасил.
Я обещаю немедля козленка. Но если откажет
Просьбу исполнить мою — дар принесу я тройной.
Телку тогда приведу я, барашка я дам молодого,
С шерстью лохматой козла. Будь же ты милостив,
бог!

V

Друг мой, прошу, ради Муз, сыграй на флейте
двухтрубной
Что-нибудь нежное мне! Я ж за пектиду возьмусь.
Струны мои зазвонят, а пастух зачарует нас Дафнис,
Нам на свирели напев, воском скрепленной, сыграв.
К дубу косматому станем поближе мы, сзади пещеры,
Пана, пасущего коз, мигом разбудим от сна.

VI

Тирсис несчастный, довольно! Какая же польза
в рыданиях?
Право, растает в слезах блеск лучезарных очей.
Козочка, верь мне, пропала, пропала, малютка, в Аиде.

Верно, когтями ее стиснул безжалостный волк.
Жалобно воют собаки. Но что же ты можешь поделаться?
Даже костей и золы ты ведь не можешь собрать.

VII

Нынче в Милета жилища спускается отпрыск Пеана,
Хочет увидеть он там многих болезней врача,
Никия. Этот ему, что ни день, то подарки приносит;
Нынче душистый он кедр выточить в статую дал
Этиона искусным резцом за плату большую.
Мастер же в этот свой труд всю свою ловкость
вложил.

VIII

Вот что, прохожий, тебе говорит сиракузянин Ортон:
«Если ты пьян, никогда в бурю и в темь не ходи.
Выпала эта мне доля. И я не на родине милой —
Здесь я покоюсь теперь, землю чужую обняв».

IX

Жизнь береги, человек, и не вовремя в путь не пускайся
Ты через волны морей — жизнь ведь и так недолга.
Ты ж, злополучный Клеоник, на Тасос богатый стремился
Раньше с товаром прибыть; вез Келесирии груз,
Вез ты, Клеоник, товар; и когда заходили Плеяды,
Вслед за Плеядами ты канул в морскую волну.

X

Вам угождая, богини, для всех девяти в подношенье
Мраморный этот кумир дал Ксеноклет-музыкант.
Кто б его назвал иначе? Он, именно этим искусством
Славу стяжавши себе, также и вас не забыл.

XI

Здесь Эвстенея могила, искусно читавшего лица;
Тотчас он мог по глазам помыслы все разгадать.

С честью его погребли, чужестранца, друзья на чужбине.

Тем, как он песни слагал, был он им дорог и мил.
Было заботою их, чтобы этот учитель умерший,
Будучи силами слаб, все, в чем нуждался, имел.

XII

Этот треножник поставил хорег Демомел Дионису.

Всех ты милей для него был из блаженных богов.
Был он умерен во всем. И победы для хора добился
Тем, что умел почитать он красоту и добро.

XIII

Это не плотской Киприды кумир. У богини небесной
Должен ты милость снискать, дар Хрисогоны благой.
В доме с Амфиклом совместно она свою жизнь проводила,
С ним же рождала детей. Жизнь их прекрасно текла.
Все начинали с молитвой к тебе, о могучая! Смертным
Пользу большую несет милость бессмертных богов.

XIV

Тотчас пойму я; стремишься ль к добру, иль, быть может,
прохожий,
В равном почете живет также злодей у тебя.
Скажешь: «Могиле привет!» Даже камень здесь легок
могильный.
Эвримедонта он прах здесь покрывает святой.

XV

Сына-малютку покинул, и сам, чуть расцвета достигнув.
Эвримедонт, ты от нас в эту могилу сошел.
Ты меж бессмертных мужей восседаешь. А граждане будут
Сыну почет воздавать, доблесть отца вспомянув.

XVI

С вниманьем ты взгляни на статую, пришелец!
В дом к себе ты придешь и всем расскажешь:
В Теосе видел я Анакреонта лик;

Первым был он певцом в былые годы.

Прибавь еще к тому, что к юношам пылал —
Всю о нем ты тогда расскажешь правду.

XVII

Здесь звучит дорийцев речь, а этот муж был Эпихарм,
Комедии мастер.

И лик его, из меди слит, тебе, о Вакх,

В замену живого

В дар приносят те, кто здесь, в огромном городе, живет.

Ты дал земляку их

Богатство слов; теперь они хотят тебе

Воздать благодарность.

Много слов полезных он для жизни детям нашим дал —

За то ему слава.

XVIII

Этот камень могильный Медий-мальчик

Здесь воздвиг у дороги фракиянке, что звалась Клитой.

Примет пусть благодарность за заботы.

Мальчик был ею вскормлен. Ее же смерть взяла до срока.

XIX

Стань и свой взгляд обрати к Архилоху ты: он певец
старинный.

Слагал он ямбы в стих, и слава пронеслась

От стран зари до стран, где тьма ночная.

Музы любили его, и делийский сам Феб любил владыка.

Умел с тончайшим он искусством подбирать

Слова к стиху и петь его под лиру.

XX

Вот кто нам рассказал про сына Зевса,

Мужа с быстрой рукой, про льва убийцу.

Вот он, первый из всех певцов древнейших,

Он, Писандр из Камира, нам поведал,

Сколько тот совершил деяний славных.

Этот образ певца, из меди слитый,
Здесь поставил народ; взгляни и ведай —
Лун и лет с его пор прошло немало.

XXI

Лежит здесь Гиппонакт, слагавший нам песни.
К холму его не подходи, коль ты дурен!
Но если ты правдив да из семьи честной,
Тогда смелей садись и, коль устал, спи тут.

XXII

Родом другой был с Хиоса, а я, Феокрит, написавший
Все это, был я одним из сиракузских граждан,
Сыном я был Праксагора и сыном был славной Филины.
И никогда я к себе Музу чужую не звал.

XXIII

Гражданам нашим и пришлым здесь стол для размена
поставлен.
Можешь свой вклад получить. Счеты всегда сведены.
Просят отсрочки другие. Но даже ночью порою,
Если захочешь, тебе все подсчитает Каик.

XXIV

Надпись надгробная скажет, чей камень и кто здесь
положен,
Главке могильным холмом я знаменитой служу.

XXV

Девочка сгубла без срока, достигши лишь года седьмого,
Скрылась в Аиде она, всех обогнавши подруг.
Бедная, верно, стремилась она за малюткою братом:
В двадцать лишь месяцев он смерти жестокой вкусил.
Горе тебе, Перистерис, так много понесшей печалей!
Людям на каждом шагу горести шлет божество.

XXVI

Музы пастушьи, досель в одиночку вы жили; отныне
Будете в общем жилье, будете стадом одним.

СМЕРТЬ АДОНИСА

Адониса Киприда
Когда узрела мертвым,
Со смятыми кудрями
И с ликом пожелтым,
Эротам повелела,
Чтоб кабана поймали.
Крылатые помчались
По всем лесам и дебрям,
И был кабан ужасный
И пойман и привязан.
Один Эрот веревкой
Тащил свою добычу,
Другой шагал по следу
И гнал ударом лука.
И шел кабан уныло:
Боялся он Киприды.

Сказала Афродита:
«Из всех зверей ты злейший,
Не ты ль, в бедро поранив,
Не ты ль убил мне мужа?»

И ей кабан ответил:
«Клянусь тебе, Киприда,
Тобой самой и мужем,

Оковами моими,
Моими сторожами,
Что юношу-красавца
Я погубить не думал.
Я в нем увидел чудо,
И, не стерпевши пыла,
Впился я поцелуем
В бедро его нагое.
Меня безвредным сделай:
Возьми клыки, Киприда,
И покарай их, срезав.
Зачем клыки носить мне
Когда пылаю страстью?»
И сжалилась Киприда:
Эротам приказала,
Чтоб развязали путы.
С тех пор за ней ходил он
И в лес не возвратился,
И, став рабом Киприды,
Как пес, служил Эротам.

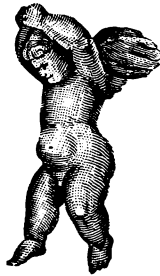
СВИРЕЛЬ

Та, кто жена «Никому» и кто мать «бойца издалека»,
В свет родила пастуха той, кто «камня замену» вскормила
Только не этот «Рогач», кого встарь дочь кормила быка:
Это другой, кого, «край от щита» с буквой «Пи» полюбил,
5 Именем «Все» он, и с жизнью двойною пылал он
К «деве болтливой» — «эфира и голоса чаду».
Музе к венке из фиалок пронзительный дар
Дал он в залог своей страсти, пылавшей огнем;
Дерзость сломал тех, кто тезками были
10 «Деда убийце», и спас «тириянку»
Всех «сумоносцев» любезную боль
Здесь тебе дарит Парис-Симихид.
Ты, что шагаешь по главам,
Женщины жало саэттской,
15 Вора ты сын, без отца,
Радуйся, ты, «козлоног»
Пой для безгласной,
Девы, чей голос
Сладок, но нет
20 Лица у ней.

M O C X

ЭРОС-БЕГЛЕЦ

Эроса-сына однажды звала и искала Киприда:
«Эроса кто б ни увидел, что он по дорогам блуждает, —
Мой это, знайте, беглец. Кто мне скажет, получит
в награду

Он поцелуй от Киприды; а коль самого мне доставит,
То не один поцелуй, а быть может, и что-нибудь больше.
Мальчик особенный он. Будь их двадцать, узнаешь
сейчас же.

Кожа его не бела, а сверкает огнем. Его взоры
Огненны, остры. И зол его ум, хоть и сладостны речи.
Мыслит одно, говорит же другое. Как мед его голос,
10 В сердце же горькая желчь у него. Он обманщик: ни слова
Правды не скажет; хитер и на злостные шутки охотник.
В пышных кудрях голова, а лицо его полно задора.
Крошечны ручки его, но метать ими может далеко.
Может метнуть в Ахеронт и до дома Аида-владыки.
Телом он весь обнажен, но глубоко припрятаны мысли.
Словно как птица крылат; то к тому, то к другому порхает,
К женщинам он и к мужам, и садится им прямо на сердце.
Маленький держит он лук, а на луке натянутом — стрелку;
Стрелка же, как ни мала, достигает до глуби эфира.
20 Носит колчан золотой за спиною, а в этом колчане
Злые тростинки — он даже не раз и меня ими ранил.

Все это страшно. Всего же страшней тот факел, который
Носит всегда при себе. Он бы мог им спалить даже солнце.

Если его кто поймает, пусть свяжет его, не жалея.

Если увидишь, что плачет, смотри, как бы вновь

не удрал он;

Если смеется, тащи. А захочет с тобой целоваться,

Тотчас беги. Поцелуй его — яд, и в устах его — чары.

Если же скажет: «Возьми, я прошу тебя, это оружие», —

Не прикасайся к подарку: все вещи окунуты в пламя».

ЕВРОПА

Раз в сновидении сладком явилась Европе Киприда
Третьею стражей ночной, когда до зари недалеко.
Этой порою на очи спускается сладостней меда
Сон, что заботы снимает и нежными вяжет цепями.
Этой порой прилетает толпа сновидений неживых.
Крепко заснула в то время под крышею дома родного
Феникса дочка Европа, тогда еще бывшая девой.
Две — она видит, — земли за владение ею враждуют:
Азия — с той, что напротив, и обе похожи на женщин.
10 В чуждом наряде одна, а другая одеждою схожа
С женщиной здешних краев; прижав к себе девушку крепко,
Ей говорит, что ее родила и сама воспитала;
Мощной рукой вырывает Европу другая, и с этой
Нет ей охоты бороться, а та говорит, что Европа
Зевсом самим громовержцем дана ей судьбою в подарок.
Тотчас с широкого ложа вскочила в испуге Европа.
Сердце стучало в груди. Этот сон был как будто бы явью.
Села, охвачена страхом, и будто бы снова и снова
Взорам, открытым уже, представлялись те женщины обе.
20 Девушка стала тогда возносить, испугавшись, молитву:
«Кто из небесных богов ниспослал мне виденье такое?
И почему мне на ложе широком в девической спальне
В час, как я сладко спала, сновиденья такие предстали?»

Кто это — та чужестранка, которую видела в грезах?
Как охватила мне сердце любовь к ней! Она почему-то
С лаской меня приняла, как родное и милое чадо.
Пусть же блаженные боги мне сон этот к благу направят!»
Это промолвив и встав, созвала она девушек милых.
Сердцу любезных ровесниц, детей из семейств благородных.
30 С ними всегда веселилась, гулять ли в леса отправлялись,
Или к ручью они шли, в его струях омыть свое тело,
Или за тем, чтоб в лугах себе лилий нарвать благовонных.
Тотчас подруги собрались. С собою у всех них корзины
Были для сбора цветов. На луга, что лежали у моря,
Все они вместе пошли и веселье начали игры,
Радуюсь шуму прибоя и розам, прекрасно расцветшим.
Дева Европа взяла для цветов золотую корзину —
Дивное диво для глаз, многотрудное дело Гефеста.
Дал ее Ливии в дар он, когда с сотрясающим землю
40 Ложе она разделила. Ее Телефассе прекрасной
Ливия в дар отослала; Европе ж, еще незамужней,
Мать Телефасса однажды дала этот чудный подарок.
Выкован был на корзине сверкающий ряд украшений:
Слита из золота Ио была там, Инахово чадо,
Та, что коровою стала, утративши женщины облик;
Долго бродивши, она вступила на тропы морские,
Будто бы плыть собралась. Из лазурного сплава отлиты.
Волны вздымались; над ними стояли вверху, на обрыве.
Юношей двое, дивясь плывущей по морю корове.
50 Рядом же Зевс был изваян, Кронид; он рукой прикасался
Тихо к корове Инаха; в водах семиструйного Нила
Женщины образ опять он корове вернул круторогой.
Нила сверкала струя серебром, а корова из меди
Чистой была отлита; из золота Зевс был изваян.
Вдоль по наружному краю корзины венки обвивался;
Виден Гермес был под ним; за ним же в длину был
растянут
Аргус, по всем сторонам поведивший неспящие очи,
А из струи его крови алеющей вверх вылетала
Птица, раскинувши крылья, блиставшие красок богатством:

60 Словно как быстрый корабль проплывает, так птица над морем.

Край золотой охватив, над корзиной раскинула крылья.
Вот что была за корзина в руках у Европы прекрасной.

После того как подруги достигли лужаек душистых,
Каждая стала собирать те цветы, что ей по сердцу были:
Та собирала нарцисс ароматный, другая — фиалки;
Эта рвала гиацинты, а эта — выюнок. На лужайках,
Вскормлены светлой весной, без счета цветы расцвели.
Между собой состязаясь, подруги шафран золотистый
В пышный вязали букет; а огненно-красные розы

70 Только царица рвала и красой меж подруг выделялась
Так, как меж юных Харит Афродита, рожденная пеной.

Но не судьба ей была веселить свою душу цветами
И не пришлось сохранить неразвязанным девичий пояс.
Только ее лишь увидел Кронид, как в груди его сердце
Сжалось: его поразило нежданно оружие Киприды —
Той, что умеет и Зевса заставить себе покориться.
Гнева, однако, избежать хотел он ревнивицы-Геры,
Также хотел обмануть он и девушки робкое сердце:
Скрыв, что он бог, он свой вид изменил и в быка

превратился;

80 Но не в такого, что в стойле стоит, и совсем не в такого,
Что, борозду прорезая, волочит изогнутый лѐмех,
И не в того, что по выгону бродит, и также в иного,
Чем запряженный в ярмо и арбу с напряженьем влекущий.
Стал он прекрасным быком с золотистою рыжею шкурой,
Прямо на лбу посредине светился кружок серебристый;
Темно-лазурного цвета глаза его сладко сияли,
И голова украшалась рогами с боков равномерно,
Словно для них пополам перерезан был месяц рогатый.

Он на лужайку пришел и своим не спугнул появленьем
90 Девушек юных — напротив, их всех охватило желанье
Ближе к нему подойти и красавца погладить; дыханье
Было его благовонней, чем запах лужаек душистых.
Стал, подошедши поближе, к ногам он Европы прекрасной;
Начал ей кожу лизать он, красавицу тихо чаруя;

Та же, его обнимая, тихонько снимала рукою
Пену с ноздрей у него и быку поцелуй подарила.
Сладостно он замычал, — ты сказал бы, пожалуй, что

слышишь,

Будто от флейты мигдонской несутся прекрасные звуки, —
И, опустясь на колени, он вверх посмотрел на Европу,
100 Вытянул шею вперед, показавши широкую спину.

И обратилась Европа к подругам в широких одеждах:
«Ближе, подруги мои, подойдите, чтоб вместе со мною,
Севши на спину к нему, позабавиться. Всех нас возьмет он;
Вот как подставил он спину, смотрите! Ну как же он
ласков!

Вовсе ручной он и кроткий, на прочих быков он нимало,
Даже ничуть не похож. Он по разуму схож с человеком,
Видом же очень красив, и лишь речи ему нехватает».

Это сказав, она села на спину быка, улыгнувшись.

Медля, стояли другие. А бык, неожиданно вспрянув,
110 Ту, что желал он, похитил и быстро домчался до моря.
И, обернувшись, Европа зывала к подругам любимым,
Руки ломая, но были не в силах за нею угнаться.
Бык же на волны вступил и помчался, подобно дельфину;
Даже копыт не смочив, пробегал он по волнам широким.
Всюду, где он проходил, воцарялось на море затишье.
Разные чуда морские вокруг Зевсовых ног извивались;
Недр обитатель, дельфин, веселясь, на волнах кувыркался;
Много всплыло над водой Нереид, и, усевшись на спинах
Разных чудовищ морских, проплывали без счета рядами.
120 Даже и грозношумящий владыка, земли колебатель,
Сглаживал волны и был провожатым по моря тропинкам
Брату родному. Вокруг же него поднимались тритоны,
Те, что моря оглашают шумящими звуками рога,
В длинные дули ракушки, приветствуя свадебной песней.
Севши на Зевса бычачьей спине, ухватилась Европа
Крепко одною рукой за изогнутый рог, а другою
Бережно длинный подол поднимала пурпурной накидки,
Чтоб он, влачась по воде, не смочился седыми волнами.
Плащ развевался широкий, у ней на груди поднимаясь,

- 130 Словно как парус на лодке, еще ее делая легче.
Видя, что сзади остались далеко родимые земли,
Мыс, омываемый морем, и горные кручи исчезли,
Воздух один лишь вверху, а внизу беспредельное море,
Глянула вокруг и к быку обратилась с такими словами:
«Мчишь меня, бык дорогой, ты куда? И какие тропинки
Страшные ты пробегаешь тяжелым копытом? Как видно,
Море не страшно тебе. Ведь одним кораблям
быстроходным
В море дорога, быки же боятся путей по пучинам.
Мог бы напиться ты где? Чем ты на море будешь
питаться?»
- 140 Или, быть может, ты бог? Совершаешь ты бога деянья.
Суши не ищут дельфины морские, на водных глубинах
Век не паслися быки. Ну, а ты по земле и по морю,
Страх не зная, бежишь, и веслом тебе служит копыто.
Может быть, можешь подняться ты также и в воздух
лазурный
И полететь, уподобясь во всем быстролетным крылатым?
Горе, несчастная я навсегда, оттого что, покинув
Дом мой родной и отца, я пошла за быком этим следом.
Ныне в чужую страну я плыву, одиноко блуждая.
Будь же ко мне милосерд, над седою пучиной владыка,
- 150 Ты, колыбель земли, ты, кого я увидеть надеюсь
Здесь выходящим из вод, на дороге моей провожатым.
Чтоб не без помощи бога я шла этой влажной тропею».
Вот что сказала, и так ей ответствовал бык криворогий:
«Девушка, страх свой оставь и не бойся ты водной пучины:
Зевс здесь я сам пред тобою, хотя и кажусь я по виду
Только быком. Я могу превращаться в кого мне угодно.
Страстью охвачен к тебе, победить я решил это море,
Образ принявши быка. Но тебя уже Крит ожидает,
Остров, вскормивший* меня; там с тобою мой брак
совершится,
- 160 Там от меня ты зачнешь и родишь сыновей знаменитых;
Будут царями они, скиптроносцами будут меж смертных».
Так он сказал, и свершилось по слову его. Увидали

Крит они вскоре. И Зевс в свой божественный облик
вернулся,
Девичий пояс ей снял, приготовили ложе ей Оры.
Девушка юная стала женой новобрачною Зевса.
После же, матью став, сыновей подарила Крониду.

ПЛАЧ О БИОНЕ

Грустно стенайте долины в лесах и дорийские воды,
Плачьте, потоки речные, о милом, желанном Бионе!
Ныне рыдайте вы, травы, и, рощи, предайтесь печали,
Ныне, повесив головки, цветы, испускайте дыханье,
Ныне алейте от горя вы, розы, и вы, анемоны,
Ныне на всех лепестках еще ярче «о горе, о горе!»
Ты, гиацинт, начертаясь — скончался певец наш
прекрасный!

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Вы соловьи, что в вершинах густых рыдаете горько,
10 Вы сицилийским дубравам вблизи Аретусы снесите
Весть, что скончался Бион наш, пастух, и скажите, что
вместе

Умерли с ним и напевы, погибла дорийская песня.
Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Лебеди, в горести тяжелой стенайте близ вод стримонийских,
Пойте своими устами дрожащими песню печали,
Песню, какая и прежде близ ваших берегов раздавалась.
Девам Эагровым также скажите и всем возвещайте
Нимфам бистонских краев: «Орфей наш скончался
дорийский».

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
20 Тот, кто со стадом был дружен, напевов своих не играет,

Песен своих не поет он, в тиши под дубами усевшись.
Нет, он в Плутия жилище поет уже песню забвенья.
Горы в молчанье стоят, и коровы печально с быками
Бродят, рыдая, вокруг и щипать свою траву не могут.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Сам Аполлон зарыдал над твоею внезапной кончиной,
Тяжко вздыхали Сатиры и в темных одеждах Приапы,
Паны о песне твоей тосковали; в трущобах дремучих
Плакали Нимфы ручьев, и в поток превращались их слезы.
30 Плакала Эхо меж скал, что ее обрекли на молчанье,
С уст твоих песням уже подражать не придется ей.

В горе

Плод уронили деревья, увяли цветы полевые.
Сладкого овцы уже не дают молока, а из ульев
Мед не течет, в восковых своих сотах умерший. Не должно
Меда вкушать никому, если смертью твой мед был
погублен.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Так никогда не грустила Сирена у берега моря,
Так никогда не кричала на скалах крутых Аэдона,
Жалобно так Хелидона на высях горы не стонала.
40 Так Алкионы беду никогда не оплакивал Кеикс
(Так заунывно не пел альбатрос над волною лазурной),
И никогда в Илионских теснинах над отпрыском Эос,
Возле гробницы кружась, не рыдала Мемнонова птица —
Так, как все вместе они горевали о смерти Биона.
Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Ласточки все, соловьи, все, кого своей радовал песней.
Все, кого он научил щебетать, все, на ветках деревьев,
Горе друг с другом деля, выкликали, и птиц раздавались
Крики: «Ах, плачьте о нем и горюйте! И вы с нами
плачьте!»

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
50 Кто на свирели твоей заиграет, о трижды желанный?
Кто к тростникам твоим губы приложит? Кто был бы так
дерзок?

В них твои будто бы дышат уста и хранится дыханье,

Трубки еще сохраняют напевов твоих отголосок.
Пану снесу ли свирель? Но, пожалуй, и он побоялся б
Трубки к губам приложить, чтоб не стал он на место

второе.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Плачет о песнях твоих Галатей, которой немало
Радости ты доставлял, с нею вместе у берега сидя.
Пел ты не так, как Киклоп; Галатей прекрасная часто
60 Прочь от него убегала, но ты был ей слаще, чем море.
Нынче ж забыла она о волнах и на мели песчаной
Грустно сидит одиноко, с любовью паса твое стадо.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Вместе с тобою погибло, пастух, все, что Музы нам дарят,
Дев поцелуи увяли прелестных и юношей губы.
Плачут в печали Эроты над телом твоим, а Киприда
Нежно целует тебя; не дарили таких поцелуев
Даже Адонису губы ее в час последней разлуки.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
70 Ты, что звучнее всех рек, для тебя это новое горе,
Новое горе, Мелеса. Гомер был потерей первой.
Был Каллиопы глашатай он сладкий; о сыне чудесном
Плакала ты, говорят, разливаясь струей многостонной.
Море рыданьем своим наполняя; и снова сегодня
Слезы о сыне ты льешь, разливаешься в новой печали.
Были любимцы они родников; из ключей пагасидских
Первый вкушал свой напиток, другой — из волны Аретусы.
Тот в своей песне воспел прекрасную дочь Тиндарея,
Мощного сына Фетиды воспел, Менелая Атрида.
80 Этот же пел не о войнах и плаче. Он Пана лишь славил,
Пел пастухам свои песни и с песнею пас свое стадо,
Ладил свирель и доил стоящую смирно корову;
Юношей он поцелуям учил, на груди своей нежно
Эроса грел и ласкал и высоко вознес Афродиту.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Все города о Бионе рыдают, рыдают селенья.
Аскра сильнее скорбит, чем встарь, Гесиода утратив;
Лес беотийский тебя, а не Пиндара, жаждет услышать.

С грустью такой об Алкее ни Лесбос прелестный

не плакал,

90 Ни о певце своем Теос в печали такой не крушился.
Так Архилох не оплакан на Паросе; Сапфо забывши,
Стонет о песне твоей и скорбит по сей день Митилена.
[Все те певцы, кому звонкую песню пастушью вложили
Музы в уста, все рыдают о том, что ты смертью настигнут.
Самоса слава, скорбит Сикелид; в кидонийских пределах
Тот, в чьих глазах искони затаилась, сияя, улыбка,
Слезы льет нынче Ликид; и среди триопидских сограждан
Там, где Галент протекает, Филет предается печали;]
Меж сиракузян грустит Феокрит; я ж о горе авсонян
100 Песню слагаю. И сам не чужд я песне пастушьей;
Многих ведь ты обучил пастушеской Музы напевам,
Я ж этой Музы дорийской наследник; мне в дар ее дал ты;
Прочим богатство свое ты оставил, но мне — свою песню.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Горе, увы! Если мальвы в саду, отцветая, погибнут,
Иль сельдерея листва, иль аниса цветы завитые,
Снова они оживут и на будущий год разрастутся;
Мы ж, кто велики и сильны, мы, мудрые разумом люди,
Раз лишь один умираем, и вот — под землею глубоко,
110 Слух потеряв, засыпаем мы сном беспробудным,

бесцельным.

Так же и ты под землею лежишь, облеченный молчаньем;
Нимфам же было угодно, чтоб квакали вечно лягушки;
Им не завидую я. Ведь поют некрасивую песню.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
Яд, о Бион, прикоснулся к устам твоим; как же отравы
Этих коснулась губ и тотчас же не сделалась сладкой?
Кто был тот смертный жестокий, который осмелился яду
Дать тебе, даже по просьбе твоей? Его имя сокрыто.

Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!
120 Все это Дике откроет. А я в моей горести слезы
Лью и с рыданьем пою я надгробную песнь. Если б мог я
В Тартар спуститься, как древле Орфей, Одиссей

нисходили

Иль еще раньше Алкид! Я вошел бы в обитель Плуतेя,
Там бы увидеть я мог, ты поешь ли Плуतेю напевы?
Я бы услышал опять, как поешь ты. О, спой же для Коры
Песнь сицилийскую ты, сладчайшую песню пастушью!
Родом она сицилийка. Когда-то на Этны утесах
В детстве играла она и дорийские знает напевы;
Будешь ты петь не напрасно, и так, как обратно Орфею
130 Встарь Эвридику она отдала за игру на форминге,
Так же, Бион, и тебя в твои горы вернет. На свирели
Если б играть я умел, сам сыграл бы я песню Плуतेю.

МЕГАРА

«Мать моя, скажешь ли мне, почему ты так духом упала?
Стонешь так тяжко зачем, и румянца, что виден был
прежде,

Нет на щеках у тебя? Отчего ты так сильно горюешь?
Иль оттого, что могучий твой сын покоряться обязан
Мужу ничтожному — лев в услуженье у лани бессильной!
Горе мне! Чести не вижу: за что от богов и бессмертных
И для чего рождена я была на печальную долю?

С этой поры, как взошла я, несчастная, вместе на ложе
С мужем отважным, дороже он был мне очей моих света.
10 Я и теперь его чту и душою пред ним преклоняюсь;
Но не родился никто среди живущих, столь много
терпевший,

Нет никого, кто хоть в мыслях вкусил бы подобные муки.
Стрелами он, злополучный, — ему вручены Аполлоном
Были они, но Эринний иль Кер это было сружье —
Сам своих чад поразил и отнял у них жизнь дорогую,
В буйстве носился по дому, убийством его наполняя.
Я же, несчастная, их увидала своими глазами,
Их, пораженных отцом, — что иному во сне не приснится.
Не было сил у меня, чтоб им помощь подать; непрерывно
20 Мать свою звали они, но казалась беда неизбежной.
Так же как жалобно птица о гибели плачет жестокой

Юных птенцов неокрепших, которых змея поглощает
Страшная в зарослях частых; порхая вокруг непреовьвно.
Плачет любезная мать, выкликая пронзительным криком.
Чадам не в силах на помощь прийти, потому что ужасным
Страхом объята она пред чудовищем, жалости чуждым, —
Так я, несчастная мать, о рожденных мной милых рыдая.
В доме блуждала своим потерявшими разум ногами.
О, если б пасть я могла и сама, меж детей умирая,
30 С печенью, насмерть пронзенной одною из стрел

ядовитых!

(Ах, Артемида-царица, владычица жен мягкосердых!)

.
Нас бы родители, вместе оплавав, своими руками,
Почестей много воздав, на общий костер положили;
В общую урну золотую собравши от всех нас останки,
Вместе бы нас погребли, там, где некогда свет мы узрели.
Ныне живут все родные в коняи прославленных Фивах,
Пашню глубокую там поднимают полей аонийских.
Я же в Тиринфе крутом, злополучная, в городе Геры
Сердце снедаю свое скорбями; их счастье невозможно.
40 Отдыха нет никогда мне в течении слез непрерывном.
Редко случается мужа узреть мне глазами моими
В нашем жилище: его подавляет тяжелое бремя
Многих трудов, для которых, по суше и морю блуждая.
Силы свои напрягает — ведь сердце из камня иль стали
Носит в своей он груди. Ты же, словно струя водяная,
Плачешь всю ночь напролет и все дни, что нам Зевс
посылает.

Нет никого близ меня, кто бы мог мне дать утешенье,
Нет из родных никого — не живут они в нашем чертоге,
А обитают вдали, за увенчанным соснами Истмом.
50 Нет у меня никого, кому можно б, в глаза заглянувши,
Мне, что так много страдала, раскрыть свое милое сердце.
Пирра со мной лишь, родная сестра, но сама она тоже
Больше горюет еще о супруге своем, об Ификле,
Сыне твоём. Родила ты двоих сыновей злополучных,
Видно, обоим мужьям — и богу, и смертному мужу».

Смолкла, промолвив, она. А из глаз ее жаркие слезы
 Хлынули, яблок крупней, потоком по груди прекрасной;
 Чад своих вспомнила снова и тех, что ее породили.
 Также за нею Алкмена свои побледневшие щеки
 60 Слез омочила струей. И, от сердца глубин застонавши,
 С словом разумным таким обратилась к любимой невестке:
 «Дивная ты среди жен! Почему тебе это запало
 В разум твой мудрый? Зачем раздираешь нам сердце
обеим
 Ты, говоря о беде бесконечной? И это не в первый
 Плачешь ты раз. Не довольно ль для нас и того, что
с зарею
 Каждый приносит нам день? Как долго бы плакать был
должен
 Тот, кто б задумал, сочтя наши беды, одну лишь
оплакаты!
 Да, мы такую судьбу получили от бога на долю.
 Вижу я также, что ты неустанной томишься печалью,
 70 Милое чадо мое. Утомилась ты, знаю, от бедствий;
 Знаю, что даже и счастьем порою пресытиться можно.
 Горько рыдаю и я о тебе, и тебя я жалею:
 С нами пришлось разделить и тебе нашу мрачную участь,
 Рок, что над нашей главой нависает, как тяжкое бремя.
 Пусть меня Кора услышит и в пышных одеждах Деметра —
 Те, кому вряд ли б решился принести кто ложную
клятву,
 Разве безумный, — я сердцем тебя не любила бы больше,
 80 Если б на свет родилась, изойдя у меня ты из лона,
 Если б ты в доме моем возрастала, как дочь мне на
старость.
 Знаю наверное я — от тебя не укрылося это,
 Отпрыск родной, потому и меня упрекать не должна ты,
 Если не меньше я плачу Ниобы с густыми кудрями.
 Можно ли мать порицать за то, что о чаде несчастном
 Горько рыдает она? Я десять месяцев целых
 В лоне носила его, пока он на свет не явился.
 Он к Айдонею меня чуть не ввел, замыкателю двери,

Столько, рожая его, претерпела я более жестоких.
Ныне же сын мой ушел, чтобы новый опять на чужбине
Подвиг свершить; я не знаю, увижу ль, несчастная, снова
90 Я возвращенье его иль уже никогда не увижу.

Страшно, кроме того, испугало меня сновиденье,
Сладкий прервавшее сон. И охвачена страхом жестоким
Я после этого сна — недоброе близится к чадам.
Сын предо мной появился, руками обеими заступ,
Слаженный крепко, держа, — мой Геракл с его силой
могучей;
Рыл он огромнейший ров, как батрак, что нанят за плату.
С краю цветущего поля. Трудился совсем обнаженным,
Был без плаща, без хитона, обвитого поясом крепким.
После, когда он свой труд совершил и привел к окончанью,
100 Крепкий плетень он построил вокруг виноградного сада;
Только свой заступ хотел он воткнуть возле края канавы,
Снова одежды надеть, что его до работ облекали, —
Вдруг, из глубокого рва вырываясь, безумное пламя
Разом сверкнуло, и страшным огнем был отсюда он
схвачен.

Стал он назад отступать, полагаясь на быстрые ноги,
Думал Гефестовых стрел избежать он, несущих погибель.
Словно как щит поднимая, для тела защиты махал он
Заступом влево и вправо; глазами ж кругом озирался,
Места ища, где б его не спалило ужасное пламя.
110 Помощь ему принести устремился вперед, — мне
казалось, —

Храбрый Ификл, но, еще не дойдя до него,
поскользнулся,
Рухнул на землю, и, на ноги снова не в силах подняться,
Там он лежал без движенья, как будто бы старец
бессильный;

Против желанья его принуждает унылая старость
Возле дороги упасть; на земле он лежать остается
Долго, пока не возьмет его за руку кто из прохожих,
К старца седой бороде уважение в сердце почуяв.
Так же на землю свалился Ификл, щитоносец могучий.

Я же, обоих увидев детей моих, силы лишенных,
120 Плакала долго об этом, пока не покинул глубокий
Глаз моих сон, — и сейчас же заря предо мной засияла.
Вот что за сны, дорогая, пугали всю ночь мое сердце.
Если б все это могло, отвратившись от нашего дома,
Быть Эврисфею во вред, и когда б для него оказался
Дух мой пророком! Пусть бог это б так совершил,
не иначе!»

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Если лазурное море баюкает ветер тихонько,
Бодрым становится сердце пугливое; мне в это время
Суша ничуть не мила, и влечет меня тихое море.
Если ж бушует пучина и на море гребни, сгибаясь,
Пеною брызжут и с ревом огромные катятся волны,
Взор обращаю я к суше, к деревьям, от моря бегу я:
Только земля мне желанна, приятна тенистая роща.
Ветер ли сильный завоет, там песни сосна напевает.
Что за тяжелая жизнь рыбака! Ему лодка — жилище,
10 Труд его — море, а рыбы неверною служат добычей.
Мне же так сладостно спится в тени густолистных платанов.
Рокот ключа, что вблизи пробегает, мне слушать приятно,
Радует он селянина, нимало его не пугая.

II

Пан был соседкой своею, был Эхо пленен; но в Сатира
Эхо была влюблена, а Сатир помешался на Лиде.
Столько же Пан распался от Эхо, как Эхо — Сатиром.
Лидой — Сатир. Чередом разжигал их огнем своим Эрос.
Но и насколько же каждый влюбленного сам ненавидел,

Столько ж любимому был ненавистен; терпел по заслугам.
Все это я говорю в поучение тем, кто не любит.
Тех, кто вас любит, любите, чтоб были, любя, вы любимы.

III

Пису прошедши, Алфей течение к морю направил,
Путь проложил к Аретусе: воды, что питает маслины,
В дар он ей нес, и красивой листвы, и цветов, и священной
Почвы. И в волны глубоко нырнув, он снизу под морем
Быстро пронесся, и воду свою не смешал он с морскою.
Море же даже не знало о том, что поток в нем промчался.
Мальчик, что в хитростях мастер и шуток зловредных
зачинщик,
Чарами Эрос своими нырять даже реку заставил.

IV

Факел оставил и стрелы, а хлыст, чем быков погоняют,
Эрос жестокий схватил, вскинул суму на плечо.
Шел он, в ярмо пригибая быков, неустанных в работе,
И засеивать у Део тучные борозды стал.
Глянул на Зевса он вверх: «Напой мою пашню, —
промолвил, —
Чтобы, Европин ты бык, я не запряг и тебя».

Б И О Н

I

ПЛАЧ ОБ АДОНИСЕ

«Ах, об Адонисе плачьте! Погублен прекрасный Адонис!
Гибнет прекрасный Адонис!» — в слезах восклицают

Эроты.

Ты не дремли, о Киприда, покрывшись пурпурной

фатою;

Бедная, встань, пробудись и, одетая мантией темной,

Бей себя в грудь, говоря, что погублен прекрасный

Адонис.

«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают

Эроты.

Раненный вепрем, лежит меж нагорий Адонис прекрасный,

В белое ранен бедро он клыком; и на горе Киприде

Дух испускает последний; и кровь заливает, чернея,

¹⁰ Белое тело его, и застыли глаза под бровями.

С губ его краска бежит, и с ней умирает навеки

Тот поцелуй, что Киприда уже от него не получит.

Даже и с уст мертвеца поцелуй его дорог Киприде,

Он же не чувствует уже, умерший, ее поцелуя.

«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают

Эроты.

Тяжкая, тяжкая рана зияет у юноши в теле.

Много страшнее та рана, что в сердце горит Кифереи.

Как над умершим ужасно любимые псы завывают!

Плачут и девы над ним Ореады. Сама ж Афродита,

- 20 Косы свои распустив, по дремучим лесам выкликает
 Горе свое, необута, неубрана. Дикий терновник
 Волосы рвет ей, бегущей, священную кровь проливая.
 С острым пронзительным воплем несется она по ущельям,
 Кричит супруга она, ассирийца, крича неумолчно.
 То у него с живота она черную кровь собирает,
 Грудь свои обагрят, к ним руки свои прижимая, —
 В память Адониса грудь, белоснежная прежде, алеет.
 «Горе тебе, Киферея, — в слезах восклицают Эроты. —
 Муж твой красавец погиб, погибает и лик твой священный,
 30 Гибнет Киприды краса, что цвела, пока жив был Адонис.
 Сгибла с Адонисом вместе краса твоя!» — «Горе
 Киприде!» —
 Все восклицают холмы, «Об Адонисе плачьте!» — деревья.
 Реки оплакать хотят Афродиты смертельное горе,
 И об Адонисе слезы ручьи в горах проливают.
 Даже цветы покраснелись — горюют они с Кифереей.
 Грустный поет соловей по нагорным откосам и долам,
 Плача о смерти недавней: «Скончался прекрасный
 Адонис!»
 Эхо в ответ восклицает: «Скончался прекрасный Адонис!»
 Кто ее скорбную страсть не оплакивал вместе с Кипридой?
 40 Только успела увидеть Адониса страшную рану,
 Только лишь алую кровь увидала, залившую бедра,
 Руки ломая, она застонала: «Побудь здесь, Адонис,
 Не уходи же, Адонис, тебя чтоб могла удержать я,
 Чтобы тебя обняла я, устами к устам приникая!
 О, пробудись лишь на миг, поцелуй подари мне последний!
 Длится пускай поцелуй, сколько может продлиться
 лобзанье,
 Так чтоб дыханье твое и в уста мне и в душу проникло,
 В самую печень; хотела б я высосать сладкие чары,
 Выпить любовь твою всю. Я хранить это буду лобзанье,
 50 Словно тебя самого, раз меня покидаешь, злосчастный.
 Ах, покидаешь, Адонис, идешь ты на брег Ахеронта,
 К мрачному злему владыке, а я, злополучная, ныне
 Жить остаюсь: я, богиня, идти за тобой не могу я.

Мужа бери моего, Персефона! Ведь ты обладаешь
Силою большей, чем я, все уходит к тебе, что прекрасно.
Я ж бесконечно несчастна, несу ненасытное горе.
Я об Адонисе плачу, о мертвом, повергнута в ужас.
Умер ты, трижды желанный, и страсть улетела, как греза;
Сохнет одна Киферея, в дому ее чахнут Эроты.

60 Пояс красы мой погиб. Зачем ты охотился, дерзкий?
Мальчик прекрасный, зачем ты со зверем жаждал
сразиться?»

Так восклицала Киприда, рыдая, и с нею Эроты:
«Горе, тебе, Киферея! Скончался прекрасный
Адонис!»

Столько же слез проливает она, сколько крови Адонис,
Но достигая земли, расцветает и то и другое:
Розы родятся из крови, из слез анемон вырастает.

Ах, об Адонисе плачьте! Скончался прекрасный
Адонис!

Но не оплакивай больше ты в дебрах супруга, Киприда!
В диких тущобах, на листьях Адонису ложе плохое;
70 Ляжет на ложе твоём, Киферея, и мертвый Адонис.
Мертвый, он всё же прекрасен, прекрасен, как будто бы
спящий.

Мягким его покрывалом покрой, под которым с тобою
Ночи священные раньше на ложе златом проводил он.
Дремлется сладко под ним. Пусть и мертвый он будет
желанным!

Множество брось на него ты венков и цветов: пусть
увянут.

Если он умер, то пусть и цветы эти с ним умирают.
Мажь его мазью сирийской и лей драгоценное миро —
Гибнет пусть ценное миро, погиб драгоценный Адонис.

«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают
Эроты.

80 Вот уже нежный Адонис положен на тканях
пурпурных.

Возле него, заливаясь слезами, стенают Эроты,
Срезавши кудри свои; вот один наступает на стрелы,

Этот на лук наступил, у другого — колчан под ногою.
Тот распускает ремни у сандалий Адониса; эти
Воду в кувшинах несут, а вот этот бедро омывает.
«Горе тебе, Киферея!» — в слезах восклицают Эроты.
Здесь, возле самых дверей, угасил Гименей свой

светильник,

Брачный венок растерзал, и «Гимен, Гименей» не поется
Песня его; нет, он сам запекает уныло: «О горе!»
90 «Ах, об Адонисе плачьте!» — все громче ему отвечают
Воплем Хариты, тоскуя о мертвом Кинировом сыне;
Молвят друг другу они: «Ах, умер прекрасный Адонис!»
Плачет Диона, но громче пронзительным криком взывают
Мойры; его возвратить хотели б они из Аида,
Шлют ему вслед заклинанья. Но их не услышит умерший;
Он и хотел бы внимать им, но Кора его не отпустит.
Нынче окончи свой плач, Киферея, смири свое горе!
Вновь через год тебе плакать и вновь разливаться
в рыданиях.

II
ЭПИТАЛАМИЙ АХИЛЛА
И ДЕЙДАМЕИ

Мирсон

Ты бы не спел мне, Ликид, сицилийскую сладкую песню,
Нежную сердцу усладу, любовную, так, как однажды
Пел у морского приборя киклоп Полифем Галатее?

Ликид

Сладко играть мне, Мирсон, на свирели; но что же
сыграю?

Мирсон

Спой мне, Ликид, свой напев ты завидный о страсти
скирийской,
Тайну лобзаний Пелида и тайное ложе поведай.
Как он в фату был одет, как ходил он во лживом обличье,
Жил между девушек он Ликомедовых, тайны не знавших
Той, что Ахилл засыпает в чертоге, где спит Дейдамéя.

Ликид

10 Некогда выкрал Елену пастух и вернулся на Иду
С нею, Ойноне на горе, и Лакедемон, разъярившись,
В помощь призвал всех ахеян. И эллин, откуда б он
ни был, —

Был ли он житель Микен, иль лаконец, или житель
Элиды,

В доме своем не остался, скрываясь от гнева Ареса.

Только Ахилл лишь один укрывался меж дев Ликомеда,

Пряже учился он вместо владенья оружием, рукою

Белой он нитку тянул; имел он весь девичий облик:

Все было женственно в нем, и на белых щеках расцветали

Алые так же цветы, как у дев, и походкою женской

20 Так же ходил, как они, и фатой покрывал свои кудри.

Сердце ж мужское имел он, и знал он любовь, как

мужчина.

С самой зари и до ночи сидел он вблизи Дейдамеи:

То целовал он ей руку, а то помогал ей нередко,

Цепь на станке поднимал, хвалил ее тонкую пряжу.

Есть не хотел он ни с кем из подруг; он все время

старался,

Как бы с ней сон разделить. И промолвил ей слово такое:

«Глянь-ка ты, девушки все сообща засыпают друг

с другом,

Я ж в одиночестве сплю, и, красавица, ты одинока.

Мы же ровесницы обе, и обе с тобой мы прекрасны.

30 Обе на ложах своих мы одни. Ненавистные ночи

Тянутся долго и злобно меня от тебя отлучают.

Я от тебя далеко. . .

Эрот с палицей. Глина. Греческая работа III в. до н. э. Гос. Эрмитаж.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Частое капли паденье, как молвит пословица, может
Впадину даже и в камне выдалбливать. . .

II

Право, не стоит, дружище, со всякой пустячной работой
Тотчас бежать к столяру и к чужой обращаться подмоге.
Сам себе сладишь свирель: для тебя это легкое дело.

III

Ты без награды меня не оставь; ведь и Феб лишь за плату
Песни поет: от почета работа становится лучше.

IV

Трудно, и вовсе не надо нам делать, чего не умеем.

V

Коль хороши мои песни, то славу уже мне доставят
Даже и те лишь одни, что доселе мне Муза внушила.
Если ж не сладки они, то зачем же мне дальше стараться?
Если б нам жизненный срок был двоякий дарован
Кронидом

Или изменчивой Мойрой — и так, чтоб одни проводили
В счастье мы и в утехах, другой был бы полон трудами, —
То потрудившийся мог бы позднейшего ждать

награжденья.

Если же боги решили назначить нам, людям, для жизни
Срок лишь один, и притом столь короткий, короче,
чем прочим,

13 Что же, несчастные, мы совершаем такие работы?

Что же, для цели какой мы в наживу и в разные знанья
Душу влагаем свою и все к большему счастью стремимся?
Видно, мы все позабыли, что мы родились не бессмертны
И что короткий лишь срок нам от Мойры на долю
достался.

VI

Эроса, страшного бога, ничуть не пугаются Музы,
Любят всем сердцем его, за ним они следуют всюду.
Если задумает петь тот, кто хладную душу имеет,
Он им чужой; не хотят с ним искусством своим
поделиться.

Если ж кто Эросу сердце подарит и сладкие песни
Станет слагать, то поспешно к нему они все соберутся
Сам я свидетель тому, что поверие это правдиво:
Если кого из бессмертных воспеть захочу иль из смертных,
Только бормочет язык мой, и петь не хочет, как прежде;
10 Стоит же только запеть мне для Эроса иль для Ликида,
Тотчас из уст у меня моя песня, ликуя, польется.

VII

Раз предо мною во сне появилась царица Киприда,
Эроса-крошку держала своею рукою прекрасной,
В землю вперившего очи. И вот что она мне сказала:
«Милый настух, обучи мне, пожалуйста, Эроса пенью!»
Это сказав, удалилась. А я своим песням пастушьим
Стал обучать его, глупый, — как будто хотел он учиться!

«Пан свирель изобрел, а флейту открыла Афина,
Лирой известен Гермес, Аполлон же кифарой прославлен».
Все рассказал я, но он моих слов закреплять не старался.
10 Песенки сам про любовь мне запел, рассказал мне
о страсти
Он меж людьми и богами, о матери тоже поведал.
Все позабыл я, чем мною был Эрос обучен в ту пору;
Те же любовные песни, что он мне преподавал, я помню.

VIII

Геспер, ты светоч златой Афродиты, любезной для сердца!
Геспер, святой и любимый, лазурных ночей украшенье!
Меньше настолько луны ты, насколько всех звезд ты
светлее.

Друг мой, привет! И когда к пастуху погоню мое стадо.
Вместо луны ты сиянье пошли, потому что сегодня
Чуть появилась она и сейчас же зашла. Отправляюсь
Я не на кражу, не с тем, чтобы путника ночью ограбить.
Нет, я люблю. И тебе провожать подобает влюбленных.

IX

Счастливы все те, кто любит, коль равною мерой любимы.
Счастлив Тесей был всегда, если вместе он был
с Пейрифоем.

Даже когда он сошел к угрюмым Анда пределам.
Счастлив был даже Орест, хоть и был на суровой чужбине,
Так как с ним вместе, как спутник, Пилад по дорогам
скитался.

Счастлив Ахилл Эакид был при жизни любимого друга,
Счастлив он был, умирая, отмстивши за страшное горе.

X

Мальчик один, птицелов, меж деревьев по роще блуждая.
Ловлею птичек занялся и видит, что Эрос крылатый
Сел на ветвистом суку. Когда его мальчик завидел,

Очень был рад, принявши его за огромную птицу.
Мигом раскинув силки, его караулить он начал
С этого бока, с другого; но стал перепархивать Эрос.
Горько обиделся мальчик на то, что не встретил удачи.
Бросив тенета свои, побежал к старику-землепашцу,
Кто его ловли искусству учил; про свою неудачу
10 Все рассказал, показавши, где Эрос сидит. Улыбнулся
Старец тогда, головой покачал и ответил ребенку:
«Эту охоту ты брось, не гоняйся за птицею этой,
Лучше ее избегай. Это страшная птица. Ты будешь
Счастлив, пока не поймал ты ее. Но как станешь
мужиной.
Он, кто, тебя избегая, порхает, тогда своей волей
Сам же к тебе прилетит и на голову сядет внезапно».

XI

Кипра прелестная дочь, ты, рожденная Зевсом иль Морем,
Молви, за что ты на смертных, за что на богов
рассердилась?
Больше того: вероятно, сама ты себя прогневила
И родила в наказание ты Эроса всем на мученье:
Дик, необуздан, жесток, и душа его с телом не схожа.
И для чего ты дала ему быть стрелоносцем крылатым,
Так что ударов жестоких его мы не в силах избегнуть?

XII

Женщины слава — в наружной красе, а мужчины —
в отваге.

XIII

Путь мой хочу я направить туда вон, на эти откосы,
К морю, к прибрежной песка полосе. Там я шопотом
нежным

Буду молить Галатею жестокою. С сладкой надеждой
Даже до старости я не хотел бы глубокой расстаться.

XIV

Феб даже речь потерял, пораженный страданьем
жестоким.

Стал он лекарство искать, изучая искусство: леченья;
Мазать амброзией стал и нектаром смачивать рану —
Нет исцеления ранам, которые Мойра наносит.

XV

К л е о д а м

Что тебе мило, Мирсон, весна, иль зима, или осень?
Может быть, лето? Какую пору возвратить ты хотел бы?
Лето, когда созревает все то, над чем мы трудились?
Может быть, сладкую осень, когда уменьшается голод?
Или ленивую зиму? Ведь люди зимою обычно
Греются в доме своем, наслаждаясь в покое бездельем.
Или красотка-весна тебе нравится больше? Скажи мне.
Что тебе по сердцу? Дай поболтаем, куда свободны.

М и р с о н

То, что устроили боги, нам, смертным, судить не пристало.
10 Все это свято и мило. Но все же тебе, как ты хочешь,
Дам я ответ, Клеодам, что всего я прекрасней считаю.
Лета совсем не хочу, потому что палит меня солнце;
Осени я не желал бы: она нам приносит болезни;
Гибельной стужи боюсь, приносящей снега и морозы.
Трижды желанная мне пусть весна бы весь год
продолжалась.
Нас в это время не мучит ни холод, ни жаркое солнце.
Это зачатая пора и всеобщего время цветенья,
Ночи равняется день и уравнины ясные зори.

XVI

Эрос пусть Муз призовет, и ведут с собой Эроса Музы.
Мне же, влюбленному, Музы всегда пусть напевы даруют.
Сладкие дарят напевы, сладчайшее в мире лекарство.

XVII

Все, если бог пожелает, слагается к благу; для смертных
Только с подмогой блаженных дела все легки и успешны.

ФИГУРНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕКИРА

(АР, XV, 22)

¹ Деве, чей ум выше ума многих мужей, этот топор дарит Эпей Фокеец.

³ Дарданов мощь, город святой в прах превратил, ярим огнем спаливши,

⁵ Не был Эпей в первых рядах славных бойцов ахейских:

⁷ Ныне ж воспет в песне самим Гомером.

⁹ Тот, на кого ты взглянешь,

¹¹ И дышит

¹² Он счастьем

¹⁰ Трижды блажен навеки.

⁸ Это дала милость твоя, Паллада!

⁶ Воду носил он с родника, чести себе не видя.

⁴ Града владык, гордых царей, в злате одежд он низложил с престолов.

² Некогда им он ниспроверг зданье богов, стены врага, мудрый совет исполнив,

Читать надо в следующем порядке

Деве, чей ум выше ума многих мужей, этот топор дарит Эпей Фокеец.

Некогда им он ниспроверг зданье богов, стены врага, мудрый совет исполнив,

Дарданов мощь, город святой в прах превратил, ярим огнем спаливши,

Града владык, гордых царей, в злате одежд он низложил с престолов.

Не был Эпей в первых рядах славных бойцов ахейских:

Воду носил он с родника, чести себе не видя.

Ныне ж воспет в песне самим Гомером

Это дала милость твоя, Паллада!

Тот, на кого ты взглянешь,

Трижды блажен навеки,

И дышит

Он счастьем.

КРЫЛЬЯ ЭРОТА

(АР, XV, 24)

Глянь на меня! Некогда был силой моей свергнут Уран; царь я Земли широкой.
Ты не дивись, видя мой лик; он еще юн, но опушен бородкой;
Был я рожден в мраке веков, в царстве Ананка древней.
Было тогда гнету ее подвластно
Все на Земле живое,
Даже эфир.
Хаоса сын
Я, не Киприды чадо
И не дитя с крыльями, сын Ареса;
Я, не гневясь, власти достиг, я завлекаю лаской;
Недра земли, глуби морей, купол небес — воле моей покорны.
Я у богов отнял их жезл, древнюю мощь их захватил, стал я судьей над ними.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БУКОЛИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Покорение материковой Греции, начатое Филиппом Македонским и завершенное Александром, и завоевание Востока и Египта открыли новую эру в истории Греции, которую принято называть эпохой эллинизма. Начало ее обычно датируют годом смерти Александра (323 г. до н. э.) и распадом его монархии на несколько государств его преемников — диадохов; конец же ее иногда связывают с покорением собственно Греции и превращением ее в римскую провинцию Ахайю (146 г. до н. э.), а иногда с падением последнего самостоятельного государства диадохов — Египта, т. е. с битвой при Акции (30 г. до н. э.). Для этого периода истории Греции характерно существование большой группы государств на Переднем Востоке, подчиненных греческим властителям и воспринявших греческий язык и греческую культуру.

Эпоха эллинизма — считать ли ее длительность в 200 или в 300 лет — обладает многими своеобразными чертами, отличающими ее как от полисной системы «классической Греции», так и от Римской империи. Хотя все эти государства принадлежали рабовладельческой формации и вся хозяйственная система их была основана на эксплуатации раба как живого орудия производства, тем не менее при переходе от материкового полиса к эллинистическому государству сама форма рабовладения несколько изменилась. В классическую эпоху даже в наиболее

прогрессивном греческом полисе, в Афинах. сохранялись еще многие черты доклассового родового общества: родовые связи были еще очень сильны, и преимущества «благородного» происхождения обычно ценились выше фактического богатства. В государствах диадохов все большую роль начинает играть имущественное положение как таковое; и если в метрополиях каждый свободный гражданин полиса чувствовал себя равноправным членом народного собрания и противопоставлял себя не столько аристократу, сколько переселенцу из другого полиса (метэку) и, конечно, купленному рабу-пленнику, то в новых городах, которые с необычайной быстротой вырастали на завоеванных землях, родовые и племенные связи стали ослабевать, а контраст между богачом и бедняком становился все острее. Число рабов, ставших недорогим товаром вследствие бесконечных войн и увода пленных из покоряемых областей и городов, безмерно возросло. Состав жителей завоеванных областей стал текучим. Если при колонизации, протекавшей в VII—V вв., метрополию покидали десятки и сотни людей, сохранявших тем не менее свою связь с метрополией (буквально «городом-матерью»), то теперь в завоеванные страны хлынули многие тысячи жителей обедневшей разоренной Греции; они отрывались от своей родины, привыкали к новым обычаям, к новому быту, к новым богам, а их дети уже вырастали, не зная старой родины. Изменилась в корне и система управления.

Население новых городов не было спаяно вековыми связями, родовыми, племенными и земельными; оно не ощущало так живо, как население старых полисов, необходимости бороться за свой город, за свою землю и легко шло на службу к любому военачальнику или царю, дававшему надежду на наживу. Многие воины-ветераны уже не возвращались домой, а оседали навсегда на завоеванных землях. В государствах такого типа, довольно крупных, но внутренне не спаянных, была возможна лишь монархическая и бюрократическая система управления, чему способствовали и постоянные войны между диадохами. Вопросы войны и мира, финансов, строительства, воспитания юношества, народные празднества и культ, т. е. вопросы, которыми каждый гражданин полиса мог и даже был обязан интересоваться и прини-

мать участие в их решении, — отошли в ведение государства с его системой военных и гражданских чиновников. Народное собрание как государственное учреждение перестало существовать; мирному жителю не осталось ничего, кроме заботы о самом себе, о своем благосостоянии, о своих мыслях и чувствах. Поэтому одной из основных черт, так сказать, психологии и идеологии эллинизма является ярко выраженный индивидуализм.

Другая черта, в известной степени контрастирующая с первой, — стремление к пышности и грандиозности. В руках правителей-завоевателей и крупных богачей оказались огромные денежные средства, которыми общество в целом не распоряжалось; уже Александр, покорив Персию, начал поражать своих воинов, пришедших с ним из Македонии и Греции и привыкших к суровой жизни, небывалой роскошью своих пиршеств и празднеств; его многочисленные преемники последовали его примеру, соперничая друг с другом; именно при диадохах были воздвигнуты те постройки и памятники, которые получили название чудес света — Колосс Родосский, маяк Фарос, Пергамский алтарь, огромные гавани Александрии и Антиохии, Александрийская библиотека с ее сотнями тысяч списков и огромным штатом обслуживавших ее ученых. Исключительного расцвета достигло художественное ремесло во всех его отраслях: литейная, камнерезная, прядильная, ткацкая, деревообделочная и мебельная промышленность; ювелирные украшения, эмаль, мозаика, стекло — все эти дорого стоящие предметы находили богатых потребителей.

Эти характерные черты эпохи — стремление к пышности и грандиозности, с одной стороны, утонченный индивидуализм и интерес к деталям человеческой жизни и быта, с другой, — наложили свою печать и на все отрасли искусства и науки. Наиболее ярко это, может быть, отразилось на скульптуре, внеся в нее совершенно новые черты: если в статуях классической эпохи индивидуальные черты отступали перед типическими, то в эллинистической скульптуре в произведениях Праксителя и Лисиппа индивидуальность выражена уже гораздо ярче, однако, еще при сохранении классической простоты; интерес же

к «мелочам жизни» отразился в многочисленных статуях и статуэтках детей, животных, птиц: скульпторы стремились схватить и закрепить в них отдельные, скоропреходящие моменты и ситуации. Желание украсить быт частного дома нашло свое выражение в расцвете декоративной скульптуры, в изящной отделке светильников, домашних алтарей, маленьких герм.

Живопись также достигла исключительного совершенства в передаче индивидуальных черт человеческого облика — достаточно вспомнить знаменитые «Фаюмские портреты». Если все это можно считать положительным результатом пробудившегося интереса к индивидуальности, то, с другой стороны, эта преувеличенная любовь к деталям привела к перегрузке многих произведений скульптуры ненужными мелочами, снижающими общее впечатление, — как, например, в группе Фарнезского быка; а желание схватить отдельный момент движения или переживания вело иногда к излишней, несколько манерной патетике, как например, в голове так называемого умирающего Александра и в некоторых группах Пергамского алтаря.

В области науки развиваются те же две противоборствующие тенденции: некоторые специальные науки окончательно отрываются от философии; математика и астрономия, география, ботаника, медицина осваивают и суммируют множество новых ценных фактов, и имена ученых, специалистов по «точным наукам», дошедшие до нас, исчисляются десятками.

Такое накопление специальных знаний, начало которому положил уже Аристотель, было для науки необходимо и полезно, если не вело к бесцельному педантическому собиранию ненужных мелочей, что тоже имело место. Философию же этот отрыв от общенаучных интересов стал все больше замыкать в круг чисто моральных проблем, в поиски «идеала мудреца», стремящегося к спокойствию духа и к удалению от общественной жизни, т. е. вел ее нередко опять-таки к узкому индивидуализму.

Однако не следует думать, что эта специализация наук и отрыв философии от них повлияли отрицательно на уровень общего образования. Напротив, именно в эпоху эллинизма греческое образование вместе с греческим языком широко распро-

странилось в Южной Европе, Передней Азии и Северной Африке. В новых городах строились школы, театры и библиотеки; книга стала ходовым товаром, предметом массового производства, торговли и потребления. Появились на свет крупные «книгоиздательства», «фабрики» списков и специальные книготорговцы. Практическая потребность в сотнях списков «классической литературы» — Гомера, трагедий и комедий — для использования в театрах и школах, для хранения в частных собраниях и государственных библиотеках все росла, а эта потребность в свою очередь вызвала к жизни и другую — установление верного единого текста сочинений знаменитейших поэтов, историков и ораторов; этой-то потребности мы и обязаны рождению подлинной филологии, основоположниками которой были именно александрийские ученые. Их трудами были сохранены и речи великих аттических ораторов, и сочинения историков; целых два поколения ученых потрудились над собиранием различных вариантов поэм Гомера и над их критическим изданием и комментированием.

Эта работа над «классическим наследием», хотя ее, конечно должны были вести лица, хорошо знавшие и понимавшие литературу, не была, однако, разумеется, подлинно творческой работой. Что же представляет собой литература эллинизма в собственном смысле этого слова?

Изменившиеся общественные условия и запросы не могли, конечно, не отразиться сильнейшим образом и на той области искусства, которая наиболее тесно связана с общественной жизнью — на чисто литературном творчестве. Положение поэта и роль литературы в обществе в корне изменились: писатели и поэты были вынуждены либо полагаться только на свои силы и жить на собственные средства, если таковые у них имелись, либо попадать в зависимость от лиц, которым было угодно оказать покровительство тому или иному поэту в награду за похвалы и прославление своих деяний.

Литературное творчество и литературная критика стали уделом утонченных эрудитов, нередко состоявших при дворе того или иного правителя, который интересовался литературой или желал составить себе славу покровителя искусств: таковы были

в особенности правители Египта — Птолемеи и Пергама — Атталиды; прочие диадохи радели больше о военной славе и приобретении земель и сокровищ. Эта оторванность поэтов и писателей эллинистической эпохи от общественной жизни народа привела к тому, что от богатейшей эллинистической литературы до нас дошли лишь жалкие остатки — и даже эти остатки сохранились лишь благодаря быстро пробудившемуся в Риме в I в. до н. э. и I в. н. э. интересу к греческой литературе, вызвавшему потребность в собирании и издании не только произведений классиков V—IV вв., но и поэтов эллинистической эпохи. Биографических данных о писателях III—II вв. почти нет, даже в форме анекдотов, которых так много относительно их предшественников.

Те две характерные черты эллинистической культуры, о которых было сказано выше, — стремление к грандиозности и любовь к деталям — нашли своих поборников и в литературе. С одной стороны, в эллинистическую эпоху расцветает эпос поэтов, подражателей Гомера; из этих произведений до нас дошло полностью лишь одно — «Поход аргонавтов» Аполлония Родосского; названий же этих эпических поэм, упоминающихся у позднейших авторов, имеется немало. С другой стороны, в противовес этим тяжеловесным и едва ли талантливым поэмам возникает и пышно расцветает поэзия «малых форм». Между представителями этих двух направлений происходила, по-видимому, яростная литературная борьба, отголоски которой мы находим и в произведениях Феокрита и его последователей, и Каллимаха, и в некоторых безымянных эпиграммах. Именно эти поборники «малых форм» создают несколько новых жанров литературы: они отчасти варьируют и используют старые жанры, создавая на почве эпоса малую эпическую поэму — «эпиллий», а на почве торжественной оды или гимна — мифологические гимны, нередко с примесью иронии; но интереснейшим и наиболее замечательным фактом во всем развитии литературы эпохи эллинизма является рождение совершенно нового жанра — так называемой буколики или идиллии — поэзии «пастушеского» жанра. Значение этого факта вышло далеко за пределы своего времени — так далеко, как не мог ни в коем слу-

чае предполагать первый творец и основоположник «пастушеской» поэзии — Феокрит.

Биографические данные об этом наиболее оригинальном и наиболее известном поэте эпохи эллинизма весьма скудны, да и эти скудные сведения почерпнуты либо из намеков, имеющих в его собственных произведениях, либо от лиц, живших несколько веков спустя. Время его жизни определяется по двум его произведениям, так называемых энкомиям, хвалебным посланиям, обращенным к двум историческим лицам: к Гиерону, провозгласившему себя в 268 (или 265) г. до н. э. царем Сиракуз, и к царю Египта Птолемею Филадельфу (309—246 гг.). Отношения Феокрита с Гиероном неясны, так как энкомий является единственным стихотворением, где названо это имя. О том, что Феокрит был близок к двору Птолемея, свидетельствует двукратное хвалебное упоминание имени этого царя: в стихотворениях «Эсхин и Тионих» (XIV, 61—70) и «Сиракузянки» (XV, 46—50), а также наличием в числе произведений Феокрита поэмы «Береника» (имя матери Птолемея Филадельфа), из которой имеется только небольшой фрагмент; ее название сохранил Афинея (VII, 284 ab). Из этих данных следует, что Феокрит родился в конце IV в. или начале III в. до н. э. и его литературная деятельность относится к I половине III в. Несмотря на усилия многих исследователей, им не удалось установить более точно год его рождения¹. Год его смерти тоже неизвестен.

Жизнь Феокрита связана с довольно широким кругом стран, прежде всего — с Сицилией и Южной Италией; в стихотворениях «Прялка» и «Киклоп» (XXVIII и XI) он называет Сицилию «нашей страной», Полифема — «своим земляком» и с любовью говорит о Сиракузах:

Град наш — сердце страны, острова честь, славных мужей
оплот.

(XXVIII, 18).

¹ Этим вопросом занимались крупнейшие знатоки эллинистической поэзии — Куа, Лэгран, Виламовиц, Зуземиль, Герке и др.

Гражданином Сиракуз называет Феокрита и эпиграмма, написанная от его лица, по-видимому, в I в. до н. э.

С Хиоса родом — другой¹; а я, Феокрит, написавший
Это, — один я из тех, кто в Сиракузах живет.
Сын Праксагора-отца и сын знаменитой Филины;
Музу чужую к себе я никогда не манил.

Кроме того, Феокрит, несомненно, посещал Кос — небольшой остров, лежащий в Эгейском море около малоазийского побережья; Кос является местом действия стихотворений «Колдуньи», «Праздник жатвы» и «Жнецы» и родиной Птолемея Филадельфа (XVII, 58); и, наконец, Феокрит жил в Александрии, где разыгрывается его знаменитейший мим «Сиракузянки, или женщины на празднестве Адониса». Название этого мима свидетельствует о том, что и в Александрии Феокрит был связан со своими земляками сиракузянами, очевидно, переселившимися из Сицилии в новый процветающий город, где уже было множество греческих колонистов.

В приведенной эпиграмме названы и имена родителей Феокрита — Праксагор и Филина.

Ученые приложили немало труда, чтобы установить социальное происхождение Феокрита и занятие его родителей, но дальше предположений дело не пошло. Так, удалось найти в списках победителей на олимпийских играх от 264—260 гг. имя бегуна Филина, уроженца Коса, упомянутого Феокритом в миме «Колдуньи» (II, 114). Это дало возможность связать имя матери Феокрита с Косом и предположить, что Феокрит имел на Косе родичей со стороны матери. Эпитет «знаменитая», приложенный к имени матери, дает некоторое основание полагать, что она принадлежала к артистическому миру, может быть, была поэтессой, певицей или играла на каком-нибудь

¹ Кто подразумевается в этой эпиграмме под «другим с Хиоса», не выяснено; одни ученые предполагают, что этими словами Феокрит противопоставляется Гомеру, как это сделано им самим в идиллии VII (45—48); другие — и это более вероятно — считают, что автор эпиграммы хотел предупредить читателей, что Феокрит-поэт и Феокрит — хиосский софист и политический деятель, современник Александра Македонского. — лица разные.

музыкальном инструменте, так как именно в этих кругах женщина могла пользоваться славой, как, например, та Главка, о которой Феокрит упоминает в IV идиллии (ст. 31).

Однако всех этих данных слишком мало, чтобы наметить хотя бы приблизительно биографию Феокрита и датировать его стихотворения. Исследования, посвященные этому вопросу, как бы вращаются в заколдованном кругу: из самих произведений берутся указания для датировки, а по этой гипотетической датировке располагают произведения. В зависимости от предположения, какой из энкомиев — к Гиерону или к Птолемею — написан раньше, одни ученые считают, что Феокрит сперва пытался остаться в Сицилии при дворе Гиерона, но, не достигнув успеха, решил попытать счастья в Александрии; другие, напротив, полагают, что он, потерпев неудачу в Египте, вернулся на родину к Гиерону. Хотя, как сказано, надежных данных ни для того, ни для другого предположения не имеется, но первое все же более вероятно: энкомий к Гиерону, относящийся к 70-м годам III в. до н. э. (Гиерон назван в нем не царем, а только доблестным воином), носит еще следы неопытной руки поэта; композиция энкомия довольно непоследовательна, да и сам поэт жалуется в начале послания на свою бедность, а в конце решительно заявляет, что он ни за что не расстанется с Харитами и пойдет только к тому в дом, кто примет и их. По-видимому, Феокрит в это время был еще молод и искал себе покровителя. Косвенным доказательством того, что главный период его литературной деятельности относится не к пребыванию в Сиракузах, служит и тот факт, что совершеннейшие творения его («Тирсис», «Колдуньи», «Праздник жатвы» и «Сиракузянки») имеют местом действия Кос и Александрию; не исключена, конечно, возможность, что поэт впоследствии вернулся на родину и уже там написал «Киклопа» и «Прялку».

Еще меньше известно нам о двух ближайших последователях Феокрита — Мосхе и Бионе,

Все сведения о них ограничиваются несколькими справками в словаре византийского лексикографа Свиды (X в. н. э.) и в схолиях к «Палатинской антологии», гласящих: «Следует знать, что имеется три поэта, сочинявших пастушеские стихо-

творения: Феокрит, Мосх Сицилиец и Бион Смирнский из местечка Флоссы... Мосх, сиракузский грамматик, ученик Аристарха; он — второй поэт после Феокрита, поэта, сочинявшего пастушеские стихотворения». «Это — поэт Мосх, один из так называемых пастушеских поэтов, из которых первый — Феокрит, второй этот самый Мосх, третий Бион Смирнский». (Схолик к «Палатинской антологии», IX, 440.) В стихотворении «Плач о Бионе», приписывавшемся Мосху, но едва ли принадлежащем ему, автор говорит о себе как об уроженце Авсонии, т. е. Южной Италии, а Биона называет пастухом и в то же время учителем поэзии и главой «дорийской школы» (ст. 11—12 и 84); себя он считает преемником Биона и упоминает о том, что Бион был отравлен. Однако вся хронология в этом «Плаче» настолько спутана (так, о смерти Биона плачет не только Феокрит, но и жившие еще раньше Филет и Асклепиад Самосский), и сам «Плач» настолько подражателен и компилятивен, что делать из него какие-либо выводы невозможно.

По всей вероятности, и Бион, и Мосх жили во II в. до н. э.

Все вышеприведенные гипотезы и разногласия по поводу биографий буколических поэтов не имеют существенного значения для оценки их литературного наследия, которое, несмотря на все его разнообразие, все же представляет собой стройное художественное целое, объединенное одним стилем и духом.

Стихотворения поэтов-буколиков дошли до нас в значительном числе рукописей; большинство их относится к XIV и XV вв., но имеются два списка XIII в., из которых один считается наилучшим. Третий список того же времени погиб при пожаре виллы одного падуанского богача, но его успел использовать филолог Марк Мусур в своем издании стихотворений Феокрита в 1516 г., отличающемся от первого печатного издания (Альда Мануция) 1495 г. Как состав рукописей, так и порядок расположения стихотворений в них весьма различен; в некоторых из них имеются стихотворения Мосха и Биона, в других находятся только произведения Феокрита. Наиболее компактно выступает обычно группа чисто буколических стихотворений Феокрита; к ним часто присоединяют сильно отличающиеся от них мимы «Колдуньи» и «Сиракузянки». Расхождения

между рукописями, хотя и весьма многочисленные, в большинстве случаев не затрагивают смысла текста по существу, а касаются форм слов и кое-где порядка стихов. Очень немногие стихи считаются утраченными и столь же малое число признано за позднейшие вставки. В общем та огромная работа, которая проделана филологами над буколическими поэтами, дала почти единый стройный, художественно целостный текст, не имеющий серьезных смысловых разночтений и не вызывающий крупных разногласий в толковании.

Надо упомянуть еще о том, что некоторые фрагменты из Феокрита найдены за последнее время на папирусах, датированных от I до V вв. н. э., причем крупных расхождений с текстом рукописей тоже не обнаружено.

В большинстве рукописей Феокриту приписывается тридцать более крупных стихотворений и двадцать шесть эпиграмм. Из этих тридцати стихотворений только двенадцать являются «пастушескими»; четыре можно назвать мимами, т. е. маленькими драмами; восемь — эпиллиями, четыре — лирическими стихотворениями; о двух энкомиях было сказано выше.

Биону приписываются: одна крупная поэма — «Плач об Адонисе», фрагмент эпиллия «Ахилл и Дейдамея» и восемнадцать маленьких стихотворений различного характера.

Мосху — эпиллии «Европа», «Эрос-беглец» и «Мегара», поэма «Плач о Бионе» и четыре эпиграммы.

До нас дошли не все произведения Феокрита: в словаре Свидаы читаем: «Он написал так называемые пастушеские стихотворения на дорийском диалекте. Приписывают ему еще и следующие сочинения...» (следует девять названий); под некоторыми из них, вероятно, подразумеваются те небуколические стихотворения Феокрита, которые до нас дошли (например, гимны, песни, эпиграммы); о других — нет никаких сведений.

По вопросу о подлинности стихотворений буколических поэтов уже с XVIII в. среди исследователей происходила жаркая полемика; ему посвящена обширная литература, причем число стихотворений, которые брались под сомнение тем или иным ученым, довольно велико. Основания для сомнения в подлинности не всегда ясны: иногда таким основанием служит на-

хождение данного стихотворения в малом числе рукописей, и притом либо в более поздних, либо в плохо сохранившихся; иногда очень тонкие, но недостаточно систематические наблюдения над строем стиха и словоупотреблением; наконец — общеисторические, эстетические и даже морализирующие суждения. Занимаясь вопросом подлинности, нельзя упускать из вида, что мы имеем дело с эпохой, когда понятий авторского права и плагиата не существовало¹.

Кем же и когда был составлен тот «свод» произведений поэтов-буколиков, который через много веков дошел до нас в византийских рукописях? Есть основания предполагать, что сам Феокрит не издал сборника своих стихотворений и эпиграмм; это видно, например, из того, что его эпиграммы не попали в известный сборник Мелеагра (I в. до н. э.), который жил как раз на Косе, несомненно знал бы их и включил в свой «Венок». По-видимому, ни в конце III, ни в течение II в. стихотворения трех поэтов-буколиков, к которым за это время присоединилось много подражательных произведений, не были объединены в сборник, и только в I в. до н. э., уже в Риме, к ним отнеслись с тем вниманием, которого они заслуживали; их стали усердно читать и комментировать. Именно от этого времени сохранилось множество схолий к отдельным стихам, правда, довольно бедных по содержанию, иногда просто пересказывающих прозой отдельные стихи, иногда разъясняющих, но тоже довольно беспомощно, дорические формы. Тогда же грамматик Артемидор и его сын Теон впервые собрали, систематизировали и издали все стихотворения Феокрита, вошедшие впоследствии в рукописи, а также все, что приписывалось Мосху и Биону. По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что Артемидору действительно принадлежит эпиграмма, приписываемая ему в рукописях и замыкающая собой сборник эпиграмм Феокрита:

Музы пастушьи, досель в одиночку вы жили; отныне

Будете в общем жилье, будете стадом одним.

Этим двум филологам, а также Вергилию, который донес эти стихотворения до широких кругов римских читателей, мы и обязаны своим знакомством с «буколической Музой».

¹ Подробнее об этих вопросах см. стр. 234.

До сих пор, говоря о стихотворениях Феокрита, мы употребляли специальные термины — «буколика», «мим», «эпиллий». Однако наиболее распространенным термином, который обычно прилагается ко всем без различия стихотворениям Феокрита, а заодно и к произведениям его подражателей, является термин «идиллия»; а поскольку имеются еще и термины «эклога» и «пастораль», то необходимо вкратце дать обзор и разъяснение этих терминов.

Наиболее старинным из них является термин «буколика», он происходит от греческого прилагательного βουκολικός — «пастушеский» и, по-видимому, заимствован непосредственно из рефрена стихотворения «Тирсис»:

Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!

В греческом языке имелись разные названия для пастухов, пасших коз, овец или рогатый скот. Слово «буколический» происходит от греческого слова βουκόλος — «букол», пастух быков и коров. В схолиях к Феокриту есть забавное утверждение, что это название было выбрано потому, что «быки и коровы крупнее и важнее овец и коз»; впрочем, о том, что эти пастухи действительно пользовались большим уважением, чем все другие, не раз говорит и Феокрит; пасти же коз считалось занятием легким и пустым.

Греческий термин «буколика» был перенесен в Рим в форме *carmen bucolicum* и в этой форме прилагался к стихотворениям и Вергилия, и его подражателей — Кальпурния (I в. н. э.) и Немесиана (III в. н. э.). Он же возрождается у Боккаччо и Петрарки и переходит во Францию в форме «*La Muse bucolique*». Однако в римской, а потом и во французской литературе более употребительным становится термин «эклога», означавший сперва только «сборник» избранных мест, а потом и сборник небольших законченных стихотворений; это название, примененное к буколическим стихотворениям Вергилия, стало употребляться наравне с «*carmen bucolicum*». Позднее был введен термин «*poesia pastorale*» и был опять-таки усвоен во Франции, где слово «*pastorale*» стало применяться наравне с «*églologie*», хотя

под «églouge» обычно стали понимать эпическую, а под пасторалью — драматизованную сцену из пастушеского быта.

Менее ясно происхождение термина «идиллия», буквально означающего «картинка» (εἰδύλλιον) — уменьшительное от греческого «εἶδος» — вид, образ. Он появляется впервые в схолиях к Феокриту, т. е. он моложе термина «буколика» почти на двести лет, причем этот термин стал применяться уже ко всем стихотворениям Феокрита без различия их содержания. Чтобы не нарушать этой общепринятой традиции, при ссылках на отдельные стихотворения мы будем пользоваться этим термином, при анализе же содержания будем употреблять более точные термины — «буколика», «мим», «эпиллий», «энкомий» и т. д.

Термин «идиллия» (а также «эклога») имеет, однако, кроме своего буквального значения, очень важное побочное значение, происхождение которого интересно установить. В обиходной речи под словом «идиллия» понимают образ жизни, настроение или ландшафт приятный, безмятежный, мирный, но немного скучный; словами же «пастораль», «пастушок и пастушка» пользуются обычно с некоторой иронией, подразумевая под ними, помимо тишины и безмятежности, еще какой-то элемент фальши, манерности и маскарада.

Совершенно ясно, что это представление сложилось не на основании знакомства с Феокритом и даже не с Вергилием, а с французской пасторалью XVI—XVIII вв. Однако если подражатели сумели преувеличить и исказить какие-то черты оригинала, то эти черты в нем все же, видимо, должны быть налицо. В чем причина того, что живые и реалистические произведения Феокрита могли породить множество искусственных, даже фальшивых идиллий, эклог и пасторалей, может быть выяснено только после знакомства с содержанием и характерными чертами его творчества.

Каждый, кто знакомится с буколическими стихотворениями Феокрита, невольно задает себе вопрос, имеем ли мы здесь дело с подлинно народным творчеством или только с его имитацией? Насколько близки произведения Феокрита к греческому фольклору и насколько они являются литературной фикцией? Много труда было положено учеными на разрешение этого во-

проса и, как часто бывает, наиболее правильным было признано решение, соединяющее в себе оба противоположных мнения. Невозможно сомневаться в том, что Феокрит был знаком — и хорошо знаком — с народной поэзией; об этом свидетельствует сама композиция его буколик; основным типом их является «соствязание» между двумя певцами, так называемое амебейное пение (от греческого наречия ἀμοιβαδίζ — «поочередно», «попеременно»). Эта форма художественных выступлений встречается не только в Греции, а у многих народов: в частности, именно в Южной Италии — как раз в той местности, где разыгрываются некоторые буколки Феокрита, — наблюдалась еще в XIX и XX вв. форма соствязания в двустихиях, т. е. именно та, которая встречается в наиболее чистом виде в V идилии. Эти двустихия, не связанные между собой и несложные по содержанию, — иногда шуточные, иногда содержащие в себе враждебные выпады против соперника, по всей вероятности, наиболее близки к тому чисто фольклорному образцу, который использован Феокритом. Подлинных образцов античного фольклора мы почти не имеем. Пример двустихий, объединенных общей темой, мы встречаем в великолепной песенке старого насмешливого жнеца Милона в X идилии и во второй части соствязания мальчиков в VIII, где двустихия связаны между собой довольно слабо. Объединение двух- и трехстихий общей лирической темой уже дает песенку, несколько напоминающую серенаду к возлюбленной, — образцы ее даны в X и в III идилиях.

Более сложные перепевы — двух параллельных по содержанию «куплетов» — имеются в шуточном соствязании в VI и в довольно слабой IX идилиях (последняя считается не принадлежащей Феокриту). Они же использованы во вступительном диалоге в V идилию, где Комат и Лакон спорят о том, где же им следует провести соствязание, и расхваливают в параллельных выражениях два красивых ландшафта.

Наиболее сложной и художественно обработанной формой является песня, посвященная одной теме, как гимн Адонису в XV идилии и самое очаровательное и глубокое произведение Феокрита — песня об умирающем Дафнисе в I. Эту песню можно считать верхом буколического творчества Феокрита: эле-

менты народной песни (наивные образы плачущего стада, шутки Приапа) органически связаны в ней с темой сопротивления власти богини любви (близкой к мифу об Ипполите) и разработаны в изящной форме четверостиший и пятистиший, связанных буколическим рефреном. Эта же форма, с точки зрения художественного стихосложения наивысшее, что создал Феокрит на почве народной песни, была им использована вторично в трагическом монологе Симайты во II идиллии; ею же пользуется Бион в «Плаче об Адонисе» и автор «Плача о Бионе».

Феокрит, однако, не всегда оставался так близок к подлинному духу народных перепевов и песенок, как в V, X, I идиллиях. Песни, которыми в VII идиллии обмениваются Ликид и Симирид, уже отнюдь не носят народного характера, а являются подлинными порождениями вычурного эллинизма, щеголявшего своей ученостью и своим утонченным, несколько искусственным юмором. Совершенно исключено, чтобы такие песни, переполненные мифологическими намеками, пели простые пастухи; это типичные произведения «буколического маскарада». Сам Феокрит несколько приподнимает свою маску «пастуха», говоря, что он, Симирид, лежа на ложе из душистой травы, будет слушать, как пастухи будут петь ему свои песни — о Дафнисе, томившемся от любви, или о чудном спасении пастуха, которого в темнице кормили пчелы; по всей вероятности, именно так слушал сам Феокрит пастушьи песни Сицилии и Южной Италии и именно он придал им ту изящную, высокохудожественную форму, в которой они дошли до нас.

Для усиления иллюзии народности Феокрит пользуется в своих буколиках дорическим диалектом греческого языка, что отмечается как наиболее характерная черта его стиля уже в схолиях. Несомненно, те песни, которые он слышал от пастухов, были действительно сложены на этом диалекте, но столь же несомненно и то, что дорический диалект Феокрита не является точной копией подлинного народного дорического диалекта Южной Италии, а опять-таки его художественной обработкой, что с полной достоверностью установлено лингвистами-диалектологами путем сличения форм диалекта буколик Феокрита с дорическими надписями и фрагментами дорических мимов

Эпихарма и Софрона. Этот вопрос имеет целую лингвистическую литературу. Феокрита не раз упрекали в «гипердоризмах», но следует ли поставить их в вину самому Феокриту или слишком усердным, но неумелым переписчикам его произведений, сказать невозможно; упреки же в том, что он не хотел буквально использовать народный дорический говор, а обработал его, совершенно необоснованны: все крупные писатели всех времен и народов не фотографировали народную речь, а создавали из нее речь литературную, чем принесли больше пользы и народу, и литературе, чем те писатели, которые рабски копировали диалектизмы, требовавшие приложения словаря.

Что Феокрит сознательно творил свой литературный язык, видно и из его опытов над другими диалектами греческого языка: так, XII идиллия написана на ионическом диалекте, в XXIX и XXX господствуют формы эолического диалекта, в эпиллиях XIII и XXII, а также в энкомиях Гиерону и Птолемею преобладают формы гомеровского эпоса, т. е. несколько искусственного литературного языка, ставшего традицией. Однако и здесь, как установлено лингвистами, Феокрит подходит к языку свободно. В его эолических любовных песнях (XXIX и XXX) встречаются формы, чуждые этому диалекту, а в эпиллиях и энкомиях есть много негомеровских, значительно более поздних форм и оборотов. Такое свободное обращение с языком и сознательное языковое творчество — может быть, даже языковое экспериментирование — является стремлением, которое можно наблюдать на протяжении всего развития греческой литературы. Начиная с Гомера и древнейших лириков и ямбографов, эта творческая обработка родных диалектов и возведение их до общелитературного языка доходит до эпохи эллинизма, где последним ее представителем и был именно Феокрит. Его современники значительно больше, чем он, перенимали формы тех литературных языков, которые достались им от минувших эпох; Феокриту же удалось поднять свой родной южноиталийский диалект до степени литературного языка для нового созданного им жанра. На некоторое время этот литературный дорический диалект остается тесно связанным с жанром буколки; и безымянные авторы идиллий VIII, IX, XX,

XXVII, и Бион, и Мосх следуют своему образцу, Феокриту. Судьба литературного дорического языка Феокрита воспроизводит в миниатюре судьбу эпического языка Гомера, подхваченного его ближайшими подражателями, так называемыми кикликами. Но созданный для узких рамок греческой буколики, он погиб вместе с ней, так как путь в новую европейскую буколику-пастораль лежит не через дорический диалект, а через латинский язык.

Итак, Феокрит, обратившись к источникам народного поэтического творчества, художественно обработал свои материалы и применил даже чисто языковые средства при создании своих произведений в совершенно новом, как бы открытом им жанре. Однако — имеем ли мы право говорить так решительно о создании нового литературного жанра? Был ли Феокрит первым создателем его, имел ли он определенную литературную «программу», или он был рядовым писателем, включившимся в уже сформировавшееся литературное направление? На эти вопросы можно ответить и положительно, и отрицательно. Феокрит, несомненно, не был абсолютным новатором, поэтом-одиначкой. Он был одним из главных представителей той группы, которая боролась за преимущество «малых форм» против поэтов-эпигоннов, создававших громоздкие эпические поэмы. Сам Феокрит в VII идиллии (ст. 39—41) говорит, что Музы научили его многим пастушеским песням, но что он сам не считает возможным сравниться с Филетом и с Сикелидом Самосским. Филет назван своим действительным именем; от него до нас дошло несколько эпиграмм несомненно буколического характера, и он, по-видимому, считался главой поэтов «малых форм»; под Сикелидом Самосским Феокрит подразумевает автора многих известных эпиграмм, Асклепиада Самосского, что указано уже в схолиях; буколик от него не дошло. Наконец, Ликид, выведенный в VII идиллии в лице старого козопаса, — предположительно Досиад Критский, от которого до нас дошли только «фигурные» стихотворения и эпиграммы. Поэтому мы в настоящее время не можем определить, насколько тесны были связи Феокрита с его литературными предшественниками и современниками; для нас его «Идиллии» — первое целостное произведе-

ние буколической поэзии. Программу же свою он влагает в уста Ликида и тем самым резко осуждает эпигонов-гомеров:

Мне тот строитель противен, что лезет из кожи с натугой;
Думая выстроить дом, вышиною с огромную гору.
Жалки мне пенчики Муз, что, за старцем Хиосским гоняясь,
Тщетно стараются петь, но выходит одно кукованье.

(VII, 45—48).

Каковы же характерные литературные черты буколических произведений Феокрита? О наиболее типичной композиции их — довольно скупой рамке диалогического характера, в которую вставлено состязание двух певцов или песня — было сказано выше; самим поэтом характеристика действующих лиц не дается нигде — какими же средствами достигается то, что по прочтении любой идиллии мы ясно видим их перед собой? Феокриту удастся сделать это путем как будто совершенно незначительных высказываний самого лица. Приведем несколько примеров сперва из диалогов V, X и IV идиллий, потом из монологических самохарактеристик в III и XI.

V идиллия, как было сказано, вероятно, наиболее близко воспроизводит подлинное состязание в двустишиях: участники — Комат и Лакон вводятся прямо, как действующие лица драмы или мима; и тем не менее, и возраст, и характеры, и враждебные взаимоотношения Комата и Лакона обрисовываются вполне отчетливо в кратком обмене репликами. Комат вспоминает с удовольствием как он сек Лакона в его детстве — значит, он гораздо старше, зол и злораден; Лакон обвиняет Комата, что тот украл у него свирель, а Комат ставит ему в вину кражу шкурки козленка; они долго не могут условиться о месте состязания — оба сварливы, неуступчивы и грубы; но вот — приходит дровосек, призванный ими судьей на состязание, и старый Комат, очевидно, зная хвастливость своего соперника, спешит сообщить, что Лакон пасет чужое стадо, а не свое, на что тот обижается и упрекает старика в болтливости. В течение состязания, обмена примитивными двустишиями, в котором первая, более легкая, роль досталась опять-таки хитрому Комату, он несколько

раз исподтишка обидно задевает Лакона и, выиграв в состязании, восклицает:

Скоро увидите все вы, как буду теперь над Лаконим
Каждый я раз издеваться при встрече. . .

(V, 142—143).

Совершенно иные отношения изображает Феокрит между пожилым Милоном и юношей Букаем в X идиллии («Жнецы»); с добродушной иронией Милон замечает, что Букай плохо работает — очевидно, влюблен — и предлагает Букаю спеть «серенаду» в честь любимой, а выслушав ее, подгоняет его к труду рабочей песней, в которой опять-таки подшучивает и над надсмотрщиком, и над своим собственным голодом и жаждой и заканчивает ироническим советом Букаю спеть свою любовную песенку на рассвете своей матери, когда она станет будить его на работу. Не только Милон, но и наивный Букай и даже описанная в серенаде Букаю любимая им девушка-флейтистка, темная, как гиацинт, с ножками, как «точеная кость», и «пьянящим» голосом, которая пленяет Букаю, видимо, своим изяществом, а Милону, явно предпочитающему более солидные фигуры, представляется «сухой саранчей», — все эти лица совершенно ясно встают перед глазами читателя.

В буколическом миме (IV) действуют два молодых товарища: один из них, добродушный и наивный, пасет стадо, другой болтает с ним, сплетничает насчет хозяина и подшучивает над своим приятелем, который принимает эти шутки всерьез; после двух-трех реплик этого беглого, почти бессодержательного разговора оба характера уже совершенно ясно очерчены. То же мы видим и в миме «Любовь Киниски» (XIV).

В монологе-серенаде пастуха (III), обращенной к очаровавшей его девушке, его наивные комплименты, его вера в приметы и предсказания и его угроза:

. . . я в траву упаду — пусть съедят меня волки на месте. (III, 53).

создают живой образ влюбленного придурковатого парня. Сходный, но менее скромный характер изображен в молодом киклопе Полифеме, который вполне доволен своей наружностью и уверен в том, что он считается не самым последним в своем краю, так как все девушки, завидев его, весело хихикают и зазывают его к себе.

Это уменье не описывать, а показывать характеры людей и является тем элементом подлинного реализма, который можно заметить в «Идиллиях». В этих характерах отражены не только личные черты того или иного человека, но в известной степени и социальный момент. Лица, действующие в «Идиллиях», весьма разнообразны: пастухи, наемные работники, кутящие солдаты, кокетливые горожанки, гетеры — весь этот пестрый мир проходит перед глазами читателя, обрисованный одной-двумя чертами, но в высшей степени живо и реально. Манера построения диалога и повествования — простая, непринужденная — содействует этому впечатлению; беседа между действующими лицами завязывается легко и естественно, перескакивает с одной темы на другую, пересыпана шутками и поговорками. Этой стороной своих идиллий Феокрит безусловно соприкасается с мимом; но если судить по фрагментам мимов Софрона и Эпихарма и по немногим дошедшим до нас мимам Геронда, Феокрит придал миму более изящную художественную форму, очистил его от грубости и дал не изображение отдельных смешных случаев при установленных раз навсегда типических персонажах, а типические ситуации при сохранении живой индивидуальности действующих лиц.

Не меньшим искусством владеет Феокрит и в изображении ландшафта. Картины природы являются одной из главных прелестей его идиллий; уменье несколькими легкими штрихами нарисовать тот фон, на котором выступают действующие лица, свидетельствует, может быть, более чем все другое, о своеобразии таланта Феокрита. Описания природы, без которых его стихотворения потеряли бы половину своего очарования, подаются им так же просто, легко и наглядно, как и характеры. Свообразие манеры Феокрита в изображении природы выступает особенно ярко, если сопоставить его ландшафты с теми картинами природы, которыми полны сравнения в поэмах Гомера. Гомер в полном смысле слова *описывает* природу путем красочных метких эпитетов; он отмечает ее особенно бросающиеся в глаза черты и предпочитает мощные и бурные явления природы. Феокрит, в сущности, никакого описания не дает, он только называет предметы природы, не прилагая к ним никаких определений, но называет их не общими родовыми, а их собственными именами;

у него нет «деревьев» вообще, а есть тополя, сосны, кипарисы; он называет травы и цветы, птиц и насекомых и этим достигает полной наглядности, не впадая в ученый педантизм. Предметы природы показаны им в действии: древесный лягушонок квакает в терновнике, над цветущим лугом жужжат пчелы, сосна роняет шишки, голубка прячется в можжевельнике. Феокрит не описывает, а показывает, но показывает именно те мелкие детали ландшафта, которые делают его живым.

Однако в изображении ландшафта у Феокрита есть и одна слабая сторона: в то время как Гомер раскрывает перед нами полную картину природы, с жгучим зноем, вихрями, бурями и наводнениями, Феокрит показывает только один ее аспект. Насколько разнообразны человеческие характеры, настолько же ландшафтный фон остается всегда одним и тем же, хотя Феокрит умеет находить для передачи его красот все новые и новые краски. «Буколическая» природа — это природа в ясный и теплый день; она всегда одна и та же: холмы и пригорки, дубовая или сосновая роща, кипарисы и можжевельник между разбросанными то тут, то там скалами, ручей, то падающий с утеса, то мирно журчащий по лугу, поросшему цветущими душистыми травами, иногда отлогий морской берег с тихо набегающим прибоем, — одним словом, типичный мирный южный ландшафт. Эта природа ласкает и успокаивает, она не грозит человеку, а убаюкивает его. Буколические поэты не устают ее описывать. Наиболее яркими образцами такого «идеального» ландшафта являются описание летнего дня в «Празднике жатвы» (VII, 135—146), пещеры Полифема (XI, 45—48), ручья в идиллиях XIII и XXII. Иногда Феокрит пользуется приемом параллельных описаний (см. начало I идиллии и спор Комата и Лакона о выборе места состязания в V).

Напротив, единственное описание бури (XXII, 10—20) дано сухо, отнюдь не наглядно и явно подражает Гомеру, что особенно ясно выступает при сравнении его с описанием ручья в том же стихотворении. Правда, южная природа нередко и подолгу балует своих жителей такими картинками, какие дает Феокрит; но в том, что Феокрит показывает только эти картины, заключен, как в зародыше, элемент той условной идеализации,

которая привела впоследствии к сладким и нереальным пейзажам французской пасторали.

Третьим важным составным элементом буколических стихотворений является песня, принимающая самые разнообразные формы, начиная от примитивных двустушией V идиллии.

Песенки Дафниса и Дамойты в VI идиллии представляют собой маленькую театральную сценку, поскольку оба певца выступают в ролях: один говорит за Полифема, другой — за некоего доброжелательного его советчика. Песня самого Полифема в XI идиллии — песня-«серенада» к любимой девушке; песня Ликида в VII идиллии наиболее подходит к типу застольной и заздравной песни (сколиона); песня Симихида — шутивно лирична, а песня аргивянки на празднике Адониса (XV, 100—144) и песня об умирающем Дафнисе (I) носят, несомненно, культовый характер; песня же Милона в X идиллии — драгоценный образец рабочей песни, пересыпанной солью крепкого рабочего юмора.

Поэзия «малых форм», обратившаяся от героических тем к изображению обычных людей в их повседневной жизни, неминуемо должна была развивать у своих приверженцев усиленный интерес и любовь к наблюдению «мелочей жизни» и умение изображать их. Как мы видели, эта любовь к деталям отразилась на особой манере изображения ландшафта. Наиболее ясно выступает эта характерная черта, если присмотреться к тем словесным средствам, к которым прибегает Феокрит в своих стихотворениях, т. е. к лексическому составу его буколик.

Любовь к подробностям была типична для эллинистических писателей и поэтов, даже и для тех, кто не принадлежал к сторонникам «малых форм».

Именно эта эпоха породила жанр ученой дидактической, вернее даже «номенклатурной» поэмы (как «Животные яды» и «Лечебные растения» Никандра Колофонского), а эпос Аполлония Родосского переполнен географическими подробностями: в нем автор усердно перечисляет все прибрежные страны и гавани, посещенные аргонавтами. Но из всех дошедших до нас эллинистических поэтов одному лишь Феокриту удалось сохранить эту любовь к детали, не впадая в унылую каталогизацию.

На первом месте стоит в поэмах Феокрита мир растений; он изображен с такой любовью и таким знанием дела, что невольно напрашивается мысль, не был ли Феокрит в какой-то степени специалистом в этой области: в его стихотворениях встречается 18 названий различных видов кустарника, 14 названий цветов и 23 названия трав. Конечно, только специалист-ботаник мог бы определить, насколько точно дает Феокрит картину южной флоры, но его особое внимание к растительному миру бросается в глаза и неспециалисту, причем названия растений настолько естественно включаются в повествование, что едва ли можно считать их замствованными из какой-либо ботанической энциклопедии того времени. Возможно, что интерес к растениям был связан и с интересом к магии или медицине; об их магических свойствах Феокрит упоминает и в миме «Колдуньи» (II), и в идиллиях III, V, XXV.

Наряду с растениями в стихотворениях Феокрита немалую роль играет и животный мир, начиная с самых миниатюрных его представителей — жуков, бабочек, пчел и кузнечиков; особенно последний — излюбленный образ скромного звонкоголосого певца — часто появляется в идиллиях. Разные виды птиц, а также и мирные, и хищные обитатели лесов — зайцы, лисицы и волки — населяют буколический пейзаж; даже лев, часто выступающий в сравнениях у Гомера как страшный хищник, появляется в I идиллии в трогательной и несвойственной ему роли — он оплакивает умирающего Дафниса; а из друзей человека, домашних животных, тоже не забыт никто — ни игривые козочки и упрямые похотливые козлы, ни овцы, ни рогатый скот, ни помощник пастухов, верный пес; и даже кошка (или, вернее, ласка) упомянута в «Сиракузянках» как любительница поспать на мягкой пряже.

Вещи, сделанные руками человека, интересуют Феокрита меньше, чем природа, и он отнюдь не перегружает своих стихотворений описанием предметов домашней утвари, чем нередко грешили эпические поэты; однако, если собрать все названия таких предметов, то получается полная картина греческого домашнего хозяйства — мы узнаем названия прядильных и ткацких орудий, ларей, сундуков, посуды, платья и обуви (только

для обуви имеется четыре разных термина). Единственным предметом промышленности, по-видимому, вовсе не знакомым Феокриту, является оружие; читая его идиллии, можно подумать, что воины IV—III вв. до н. э. носили гомеровское вооружение, так как все названия оружия Феокрит заимствует у Гомера. Единственная боевая сцена, сравнительно удачно описанная им, это — кулачный бой (XXII), который он мог наблюдать на праздничных состязаниях; для современного читателя описание его перегружено подробностями, но, может быть, у слушателей Феокрита эта сцена вызвала реальные представления и могла иметь успех.

Живой реалистический характер придает стихотворениям Феокрита то большое количество собственных имен, которое рассыпано по его стихотворениям; не только все вымышленные лица, действующие в идиллиях, имеют свои, как мы увидим, оригинальные имена, но даже животные получают свои клички — нередко от своей масти, как наши русские «пеструшки, белянки». Так, имена козла — Левкит и пса — Лампур происходят от греческих прилагательных «белый» и «светлый»; клички козочек — Киссайта, Кимайта — звучат как ласкательные. Из имен лиц, как установлено филологами, многие не встречаются до Феокрита (14 женских имен и более 20 мужских); все они образованы в соответствии с законами греческого словообразования собственных имен; являются ли они созданиями самого Феокрита или местными именами, распространенными в Южной Италии, установить не удалось. Судьба этих собственных «буколических» имен чрезвычайно интересна: последователями и подражателями Феокрита они были восприняты как неперемнная составная часть и обязательный признак буколки; вплоть до XVIII—XIX вв. поэты дают своим пастухам и пастушкам имена Лакона, Морсона, Дельфиса, Филина, Алкиппы, Амариллис, Мирто и т. п. Правда, столь излюбленные у французов пастушки Филлида и Хлоя впервые появляются не у Феокрита (Филлида — у Вергилия, Хлоя — у Лонга). Дафнис же, наиболее излюбленный герой всех пасторалей, — преемник не Дафниса из I идиллии Феокрита, столь гордо сопротивлявшегося мощи Эроса, а влюбленного мальчика из романа Лонга.

То же самое умение реально изобразить человеческие характеры, которым отличаются буколические стихотворения Феокрита, свойственны в той же, если не в большей степени его мимам — «Колдуньи» (II), «Любовь Киниски» (XIV) и знаменитым «Сиракузянкам» (XV). Характер действующих лиц в них раскрыт даже с еще большей полнотой, поскольку мимы фиксируют не отдельную сцену сравнительно узкого охвата, а включают в себя элемент действия и повествования. Можно только удивляться тому, насколько простыми и в то же время действенными средствами Феокрит умеет очертить совершенно различные характеры: Праксиния и Горго в «Сиракузянках» — две горожанки средней руки: они бойки на язык, непрочь посплетничать о неумелости и скверных характерах своих мужей, покричать на рабынь, принарядиться и поглазеть на зрелище, при этом они соблюдают строгую экономию и рьяно следят за порядком в хозяйстве; несмотря на беглость разговорных реплик, заметно, что гостя (Горго) умнее и сдержаннее Праксинии. В «Любви Киниски» выведен другой женский характер в трагикомическом конфликте: легкомысленная гетера, сохраняющая, однако, чувство собственного достоинства, оскорбленная грубой песенкой и пощечиной надоевшего ей поклонника, который — по характеристике его товарища — «нередко перехватывает через край». Остроумен прием изображения: весь рассказ ведется от лица самого поклонника, оскорбившего гетеру, но искренно уверенного в том, что обиженным является он.

Совершенно иной характер изображен в трагическом монологе страстно влюбленной покинутой девушки Симайты, жестоко поплатившейся за то, что она завлекла к себе человека, несколько не любившего ее; а меткая характеристика предмета ее любви дана в его же собственных словах:

... Ловким красавцем,

Право, меж юношей всех меня почитают недаром.

(II, 124).

Его весьма краткому объяснению в любви Феокрит сумел придать оттенок фальшивого пафоса.

Характер Симайты раскрыт глубоко и всесторонне: ею владеет страсть, и она угрожает любимому человеку смертью,

если ее чары окажутся бессильны; но в то же время она хочет прибегнуть к мольбам и упрекам, что сразу ослабляет ее страшные угрозы; она жалуется на свои муки в сильных и трогательных словах, и все же создается впечатление, что она сама виновата. При этом в рассказ Симайты внесены мелкие, яркие бытовые черточки, показывающие, к какому слою общества она принадлежит: ее соседки и приятельницы — нянька, две флейтистки и их мать; идя на празднество, Симайта надевает свое лучшее платье, но плащ занимает у подруги; однако у нее все же есть одна рабыня, которая помогает ей в ее любовной истории и в гаданьях.

Значительно меньшую художественную ценность представляют эпиллии Феокрита «Диоскуры», «Гилас», «Геракл-младенец» (XXII, XIII, XXIV) и эпиталямий Елены (XVIII), т. е. те произведения, в которых Феокрит разрабатывает мифологические темы; там, где тема допускает это, он пользуется знакомыми ему мотивами из буколик и мимов (описание ручья в идиллиях XIII и XXII или семейной сцены Алкмены с маленьким Гераклом и Ификлом в начале XXIV), но изображение чисто мифологических эпизодов (как, например, битвы Кастора и Полидевка с сыновьями Левкиппа) дано сухо и традиционно. Еще менее удачны его энкомии: в энкомии Гиерону лишь в конце есть красивая идиллическая картина вечера с возвращающимся в деревню стадом, энкомий же Птолемию — перечень исторических событий, географических названий и напыщенных традиционных оборотов.

Остается сказать несколько слов о трех любовных песнях Феокрита; ценность их и доступность для нашего понимания сильно снижается тем, что они обращены, согласно греческой традиции, к юношам-любимцам. Наименее удачной надо считать XII идиллию с ее нагромождением сравнений и мифологическими ссылками; и тем не менее именно это неудачное произведение послужило прототипом для множества пасторальных сцен «состязания в поцелуях», первую из которых мы встречаем в «Дафнисе и Хлое» Лонга, где она играет важную роль, как момент пробуждения любви Дафниса к его подруге детства. Забавный юмор подвыпившего неудачного поклонника звучит

в идиллии XXIX, чему способствует и неровно звучащий стих. И, наконец, в написанной большим асклепиадовым стихом идиллии XXX Феокрит находит несколько поэтически трогательных, хотя и не оригинальных оборотов.

Поскольку все три любовных стихотворения написаны не на родном для Феокрита дорическом диалекте, а XXIX и XXX, кроме того, в сложных лирических размерах, то возможно, что все они являются, так сказать, «пробой пера» в разных жанрах стиха.

Несмотря на явную тенденцию к реалистическому изображению действительности, Феокрит отдал дань господствовавшей моде на «фигурные» стихотворения и стихи-загадки и сочинил причудливое произведение «Свирель» — если только она действительно написана им, а не является шуткой какого-нибудь поэта, использовавшего псевдоним Симихида, под которым Феокрит выступает в VII идиллии. Может быть, однако, что «Свирель» все же написана самим Феокритом как пародия на ученые мифологические поэмы типа «Александры» Ликофрона.

Анализ чисто литературных приемов Феокрита не может представить особого интереса при пользовании переводом, а не оригиналом, поскольку даже в точнейшем переводе многие приемы полностью переданы быть не могут. Поэтому характеристику их мы дадим вкратце. Так, например, надо отметить, что в использовании традиционных средств «торжественного литературного стиля» — метафор, которые высоко ценит Аристотель на основании изучения трагедии и эпоса, эпитетов и сравнений, придающих такой блеск поэмам Гомера, — Феокрит не создал ничего особенно выдающегося и запоминающегося: порой у него встречаются эпитеты, относящиеся к представителям животного мира («густохвостая лисица», «бродячий медведь», «жаворонок — житель могильных курганов»), порой изящное сравнение — например, Галатея изгибает свой стан, как ветви терновника, гнущиеся под дыханием ветра; но не в этих приемах сила и оригинальность стиля Феокрита. Даже наиболее традиционный прием эпоса — описание какого-нибудь предмета художественного ремесла (кубок козопаса в I идиллии) — Феокрит использует для изображения ряда сцен из деревенской

жизни: мужчин, дерущихся из-за кокетливой красоты, рассеянного мальчика, стерегущего виноградник, и старого утомленного рыбака с тяжелыми сетями. Охотно пользуется Феокрит поэтическими приемами, соприкасающимися с народной песней, — анафорой (началом стиха с одного и того же слова или группы слов), аллитерацией (повторным использованием одних и тех же звуков) и др.

Ходячей характеристикой стиха Феокрита является его «легкость» — и эта характеристика отнюдь не голословна; детальное исследование стиха Феокрита приводит к следующим выводам: Феокрит в своих буколических произведениях и в мимах избегает — несомненно, сознательно — всяких «тяжеловесных», т. е. длинных, в особенности, составных слов, и, напротив, широко и разнообразно использует частицы, которыми очень богат греческий язык; они придают высказыванию различные смысловые оттенки — то убеждения, то сомнения, то шутки. Все построение стиха буколик и мимов ближе к стиху драматургии, т. е. к стиху, предназначенному для произнесения на сцене, к разговорной речи, чем к напевному стиху эпоса, несмотря на то, что большинство его стихотворений написано гекзаметром, типичным стихом эпоса. Этой же легкости стиха способствует и излюбленная Феокритом — а вслед за ним и его последователями — вторая цезура перед 4-й стопой, получившая название буколической, хотя она нередко встречается уже у Гомера.

Несомненно, что именно введение этой цезуры, дающее возможность сделать две «передышки» в стихе, отсутствие длинных составных слов и умелое пользование выразительными частицами и придает стиху Феокрита легкость. Надо прибавить, что все эти черты характерны только для его буколик и мимов; эпиллии же написаны обычным традиционным эпическим стихом.

Последователи Феокрита, видимо, не оценили той реформы, которую он пытался провести в построении гекзаметра, и вернулись к общепринятым нормам, сохраняя охотно только буколическую цезуру.

Об утрате эпической поэмы Феокрита «Береника» едва ли стоит сожалеть; по всей вероятности, она была написана по заказу Птолемея Филадельфа или в угоду ему в честь его матери.

Напротив, можно порадоваться тому, что сохранились отдельные эпиграммы Феокрита; некоторые из них (1—6) тесно соприкасаются с буколиками; правда, может быть, они не все принадлежат ему.

Произведения последователей и подражателей Феокрита состоят из нескольких наслоений различного характера, содержания и ценности; во-первых, это те идиллии, которые дошли до нас с именем самого Феокрита как их автора, во-вторых — подлинные стихотворения Биона и Мосха, в-третьих — стихотворения их подражателей.

Сомнение в подлинности довольно большого числа стихотворений, включенных в собрание идиллий самого Феокрита, как было сказано, возникало вследствие различных причин — чисто метрологического или художественно-эстетического характера; ни те, ни другие нельзя, конечно, считать абсолютно решающими — так как экспериментирование над размерами было весьма распространено у александрийских поэтов, а у самых крупных писателей бывают слабые вещи. Однако принято считать неподлинными идиллии VIII, IX, XIX, XX, XXI, XXIII, XXV, XXVI, XXVII; из них VIII, IX, XX, XXVII носят явно буколический характер, причем VIII и IX варьируют тему состязания; XX скомбинирована из III и XI идиллий Феокрита: образ глуповатого пастуха, отвергнутого кокетливой горожанкой, является новым вариантом неудачливого поклонника жестокой Амариллис из III идиллии и самовлюбленного Полифема из XI; идиллии XXI и XXVII — мимы. XXVII идиллия — попытка разработать буколическую тему в веселый и несколько фривольный эротический мим; XXI («Рыбаки») носит, напротив, сентиментально-морализующий характер. Идиллии XXV, XXVI — мифологические эпиллии, один — на тему победы Геракла над немейским львом, другой — о гибели Пентея от рук вакханок, а XXIII идиллия — тяжелый и мрачный эпиллий эротического характера. Идиллия XIX — маленькая эпиграмма, вероятно попавшая в сборник идиллий случайно, для круглого числа.

Таким образом, если взять всю сумму послефеокритовских произведений во всех ее наслоениях, то мы увидим, что подражание Феокриту идет в основном по трем линиям: во-первых, по

линии закрепления и варьирования самой буколической тематики; во-вторых, по линии культивирования формы эпиллия; в-третьих, по линии формальных экспериментов над размерами, композицией и использованием сходных тем в различных жанрах.

В четырех подражательных буколиках псевдо-Феокрита, а также и в произведениях Биона и Мосха можно наблюдать, как намечаются те основные моменты типичной буколики, на которые будут опираться дальнейшие подражания: тема состязания певцов, впервые введенная в литературу Феокритом, становится обычным литературным приемом, повторяющимся впоследствии десятки раз; намечается закрепление определенных имен за «буколическими» персонажами (Дафнис VIII и XXVII идиллий не имеет ничего общего, кроме имени, с трагическим Дафнисом I идиллии, — оно стало нарицательным для молодого пастуха). Ландшафт, сохраняя основные элементы феокритовского, становится менее реальным и превращается в схемы; и, наконец, намечается одна общая тема, которая, так сказать, выросла из идиллий Феокрита, но им самим нигде не затрагивалась — тема о прелестях и преимуществах жизни пастуха и о достоинстве его труда. Пастухам в подлинных идиллиях Феокрита не до того, чтобы воспевать «идиллические» прелести своего быта; они — живые люди, занятые своим делом, они гоняют скот, поют, шутят и ссорятся; восхваление этой жизни, если и дано, то в комическом плане — в «серенаде» Полифема, который соблазняет Галатею перспективой доенья коров и заквашивания молока, — что, по-видимому, мало привлекает Нереиду, привыкшую жить в море. Подчеркивание достоинства пастуха дано также в юмористическом тоне, в «ученой» части серенады из III идиллии. Напротив, уже в VIII идиллии (ст. 76—79) это восхваление дается в сентиментальном, вполне положительном тоне. Следующим этапом закрепления буколического канона являются маленькие стихотворения Биона. Бион называет себя пастухом и обрисовывает программу своего творчества — она касается только одной темы — любви (VI, VII, XI). Эрос, которого Афродита привела к Биону учиться пению, сам научил его петь только любовные песни и заставил забыть все остальное. Бион едва ли мог предполагать, что в этом

стихотворении он предсказал судьбу буколического жанра: буколика действительно забыла все, кроме любви, и не той реальной живой любви, которая заставляла гадать Симайту и убила Дафниса, а любви условной, декоративной, которая гораздо ближе к анакреонтике эллинистической эпохи, чем к буколке Феокрита. Маленькие любовные стихотворения самого Биона очень изящны, но в них уже чувствуется упадок жанра, созданного Феокритом. Анонимный автор «Плача о Бионе» еще точнее набрасывает программу буколической поэзии («Плач о Бионе», стихи 80—84).

Эта программа сентиментальна и узка. Что касается Мосха, то от него не дошло, собственно говоря, ни одной подлинной буколки; но одно его стихотворение (III), вдохновившее Пушкина на перифраз, бесспорно навеяно ландшафтами Феокрита — Мосх говорит в нем о своем пристрастии к тишине и отдыху в тени дубов, о своей любви к тихому морю и о своем страхе перед его бурями. Это стихотворение стало как бы девизом буколки. Отныне круг ее тем — восхваление скромной и тихой жизни, сентиментальная любовь и бегство от бурь природы и жизни — твердо очерчен, и она никогда более из него не выйдет. Последователи и подражатели взяли у Феокрита не самые жизненные его черты — дар реалистического изображения обстановки, быта и характеров, здоровый юмор, а развили как раз те элементы манерности и условности, которые, несомненно, были и у Феокрита, но заглушались более здоровыми звуками его лиры.

Подлинная буколика Феокрита нигде и никогда более не возродилась.

Из подражательных эпиллиев, несомненно, первое место принадлежит наиболее оригинальному и художественно отделанному — «Европе» Мосха (см. комментарий к нему).

Игривые темы и образы анакреонтики широкой струей влились в буколическую поэзию и принесли с собой и экспериментирование над формой стихотворений, и ослабление подлинного лирического подъема; подражатели начинают нарочно варьировать форму стиха: в VIII идиллии состязание между мальчиками-пастушками в первой своей части дано в форме четверостиший, состоящих из двух элегических дистихов; юмористиче-

ское анонимное стихотворение «На смерть Адониса» написано ямбами; некоторые эпические и лирические стихотворения Биона и Мосха сокращены до размеров обычных эпиграмм. Это обеднение содержания особенно заметно в тех стихотворениях, которые строго повторяют форму песни о смерти Дафниса — строф с рефреном, т. е. в «Плаче об Адонисе» Биона и в «Плаче о Бионе» псевдо-Мосха. Достаточно сравнить содержательную, сжатую и полную трагизма и юмора песнь о Дафнисе с изящным, но однообразным «Плачем об Адонисе» и риторическим, загруженным мифологией и географией «Плачем о Бионе», чтобы увидеть, какими быстрыми шагами идет опустошение и омертвление буколики.

Для того, чтобы решить вопрос, каким же образом стало возможным и почему произошло изменение этой поэзии, которая на первых шагах дала такие полные жизни произведения, как буколики и мимы Феокрита, надо теперь, когда и содержание, и характер, и форма этих стихотворений нам известны полностью, установить, какова их идеологическая основа, во что верят, чему учат, чего хотят поэты-буколики, и кто они такие.

На первый вопрос — во что верят поэты-буколики — можно, по-видимому, с полной уверенностью ответить — ни во что. Религия и культ не играют уже никакой роли в жизни образованного человека эпохи эллинизма. Культ обратился в интересное зрелище, которое богатые владыки для увеселения подданных оставляют возможно пышнее (см. описание праздника Адониса в «Сиракузянках» и процессии в честь Артемиды на Косе во II идилии). Олимпийские боги стали лишь красивыми декоративными образами. В деревне еще сохраняются традиции почитания более мелких богов — Пана, Приапа, Нимф; им приносят молоко, мед, их призывают перед состязанием и благодарят при его успешном конце, но при неудаче на охоте можно выпороть статую Пана крапивой в наказание за плохую помощь (VII, 106—109). Вера в магию и в гаданье, как всегда, идет рука об руку с потерей более глубоких религиозных чувств; однако для скептических образованных людей она скорее является только источником забавы и интересных наблюдений. Если у самого Феокрита и есть некоторые попытки выразить

более серьезное отношение к богам, то он должен для этого переноситься в мифические времена Диоскуров и Геракла; единственное божество, власть которого Феокрит чувствует, признает и которого боится, — это любовная страсть, олицетворяемая Эросом и Афродитой.

Отношение Биона и Мосха к богам уже чисто формальное — они используют их образы только как художественные украшения, вовсе в них не веря. Их же собственное мировоззрение можно определить как спокойный, несколько иронический пессимизм. Этот взгляд на жизнь ясно выражен Бионом в эпиграмме V:

Если б нам жизненный срок был двоякий дарован Кронидом
Или изменчивой Мойрой — и так, что б один проводили
В счастья мы и в утехах, другой был бы полон трудами,
То потрудившийся мог бы позднейшего ждать награжденья.
Если же боги решили назначить нам, людям, для жизни
Срок лишь один, и притом столь короткий, короче, чем прочим. —
Что же, несчастные, мы совершаем такие работы?
Что же, для цели какой мы в наживу и в разные знания
Душу влагаем свою и все к большему счастью стремимся?
Видно, мы все позабыли, что мы родились не бессмертны
И что короткий лишь срок нам от Мойры на долю достался.

В более трагических тонах та же мысль высказана псевдо-Мосхом в «Плаче о Бионе»:

Горе, увы! Если мальвы в саду, отцветая, погибнут,
Иль сельдерея листва, иль аниса цветы завитые,
Снова они оживут и на будущий год разрастутся;
Мы ж, кто велики и сильны, мы, мудрые разумом люди,
Раз лишь один умираем и вот — под землю глубоко,
Слух потеряв, засыпаем мы сном беспробудным, бесцельным.

(105—110).

Феокрит, может быть, еще верил в какие-то высшие, непонятные силы, Бион и Мосх уже не верят ни во что.

Тем не менее никак нельзя сказать, что грусть и пессимизм являются господствующим настроением в произведениях поэтов-буколоиков. Та жизнь, которую они — в первую очередь, конечно, Феокрит — изображают, радует и забавляет их. Правда, в энкомии Гиерону у Феокрита звучат некоторые ноты горечи: его Хариты, жалуется он, приходят домой голодными, так как

богатые люди ценят только деньги, а не славу и искусство; но он отнюдь не осуждает богачей вообще, а только тех, которые не желают поддержать бедного поэта; Птолемея Филадельфа он хвалит именно за покровительство художникам и поэтам. Зависимое положение поэта не вызывает у Феокрита никаких размышлений и тем более никакого протеста. Бион тоже говорит, что «и Феб только за плату песни поет». Никому из изображенных Феокритом людей тоже не приходит в голову критиковать жизнь и бороться против ее темных сторон. Феокрит не идеализирует жизнь своих героев, он даже не скрывает, что они могут быть ею недовольны, он жалеет утомленного старого рыбака-жнецов, которым мало платят, но ни он, ни его персонажи не думают, что эту жизнь можно каким-то образом изменить; более того, он, как и они, хочет видеть во всем хорошую сторону и смотрит на все с ласковым юмором. Если у него нет идеализации, приукрашивания жизни в буквальном смысле слова, то у него безусловно есть частичное ее изображение: он выбирает отдельные моменты жизни и ими любит. Это, нигде открыто не сформулированное, но проникающее все произведения Феокрита любование действительностью, изображенной на фоне прелестной природы, и создает то — уже в нашем смысле — *идиллическое* настроение, которое порождает все позднейшие бесчисленные идиллии, эклоги и пасторали. От такого бездумного любования статической прелестной картиной — один незаметный шаг до того, чтобы начать искать эту картину; и ее начинают искать — то в прошлом, то в будущем, то в мире фантазии, то наконец — если оказывается невозможным найти ее в жизни — ее обращают в предмет игры. Так постепенно и незаметно здоровая, живая, но слишком прелестная Сицилия и остров Кос из идиллий Феокрита превращаются в светлую беспечальную страну невинности и чистоты с добрыми тихими людьми и ласковой природой; эта страна получила впоследствии название, которого никогда не дал бы ей Феокрит — ее назовут Аркадией, а ее обитателей — аркадскими пастушками.

Таково в общих чертах мировоззрение и настроение Феокрита и всей буколической поэзии, порожденной им. Конечно, из этой общей характеристики нельзя с полной достоверностью сказать,

кем был Феокрит и другие поэты-буколики, но тип такого поэта все же можно в общем обрисовать: это — человек культурный, любознательный и наблюдательный, но не специалист-ученый; человек с художественными интересами и чутьем, относящийся к самому себе и к людям с добродушным юмором, благожелательный, но пассивный; почти или совсем не религиозный, но чтущий традиции; уважающий семейные устои, но ценящий легкомыслие и красоту; любитель народной поэзии, подшучивающий над суевериями, но интересующийся ими; поклонник красот природы, но только таких, которые не нарушают мирной жизни, а украшают ее.

Исследователи Феокрита нередко спорили о том, кем же был Феокрит и кем были поэты-буколики — сельскими жителями или горожанами? Более вероятно второе. Весь обрисованный выше облик такого поэта скорее гармонирует с блестящей и поверхностной городской культурой эллинизма, чем с жизнью подлинного селянина. Горожанин склонен в городской сутолоке помечтать о сельской тишине, но всем сердцем привязан к городу. Чувство любви к природе несколько не противоречит этому: именно горожанин, выезжающий временно на лоно природы, высоко ценит и даже смакует ее прелести — правда, только те, которые не нарушают его удобств; постоянный житель деревни органически любит природу, связанную с его трудовой жизнью, но мало говорит об этом. Отношение поэта-буколика к природе есть именно отношение гостя, встречающегося с природой только в светлые моменты, а не родного ее сына, переносящего ее гнев так же спокойно, как ее ласку.

Поэтому неправильно толковать буколическую идилию как активный романтический протест против пошлой действительности эллинистического города, как стремление вырваться в якобы освежающую наивную жизнь «простого народа». Уход поэта-буколика в деревню — вовсе не бегство протестующей бурной природы в девственную природу, а скорее выезд горожанина на удобную и красивую дачу в наилучшее время года.

Буколические поэты рисуют точно и с любовью то, что они видят; но тем, как они это видят и изображают, они в значительной мере рисуют и самих себя.

Современники буколических поэтов едва ли сумели высоко оценить их; это видно из того, что их стихотворения были собраны и изданы почти через двести лет после Феокрита (см. выше) и притом не для греческих, а для римских читателей. Автор «Плача о Бионе» был для своего времени прав, когда с грустью говорил:

Умерли с ним и напевы, погибла дорийская песня.

(«Плач о Бионе», ст. 12).

Однако буколической поэзии не было суждено умереть. К счастью или несчастью для нее, ей была суждена долгая жизнь. Буколическую поэзию пытались воссоздать не раз.

Первое свое возрождение она пережила на почве Рима. Римскую литературу нередко упрекали в том, что она была «подражательной»; этот упрек несправедлив, потому что в Риме пытались именно *возродить* греческие образцы; это возрождение принимало самые разнообразные формы — от точного копирования до свободной творческой переработки; если бы римские писатели не признали греков за достойный изучения образец, то едва ли до прилежных византийских переписчиков дошло бы то, с чего они могли переписывать. Может быть, наиболее справедлив термин «возрождение» именно в приложении к буколической поэзии, которая была собрана и оценена уже под римским господством и вошла в европейскую литературу через Вергилия. Если бы Вергилий не написал своих «Эклог», то мы могли бы вовсе не иметь произведений Феокрита, которые погибли бы как множество других сборников и поэм, тоже изучавшихся в Риме и известных нам только по названию; но став учителем и образцом Вергилия, который не был забыт и в средние века и даже считался предтечей христианства именно благодаря IV эклоге, Феокрит никогда не мог быть забыт.

«Эклоги», или «буколики», Вергилия представляют собой интересный пример того, как можно использовать свой образец самыми различными способами: Вергилий начал почти с буквального перевода, потом перешел к контаминации, к комбинированию групп стихов и целых отрывков с включением своих собственных, уже довольно значительных связующих частей

и, наконец, к стихотворениям буколического характера, очень слабо связанным с оригиналом. Так, например, в эклоге III использовано буквально более 40 стихов из разных идиллий Феокрита, в эклоге VIII местами дан сокращенный перевод жалоб Симайты из идиллии II, а эклоги IV, X и VI уже совсем далеки от греческого образца. Вергилий нередко сильно изменяет и мысли Феокрита, и способ их изложения. Изменения, которые он вносит, обычно идут по линии усложнения образа, придания ему большей торжественности: например, тот скромный венок из плюща и зелени сельдерея, который пастух (в идиллии III) приносит в дар Амариллис, обращается у Вергилия (в эклоге II) в пышные корзины, наполненные самыми разнообразными цветами — маками, нарциссами, лилиями, фиалками; но характерно то, что названия и этих цветов заимствованы все же из разных идиллий Феокрита. Контаминация же часто ведет к утрате ясной характеристики действующих лиц, так как объединяются несходные типы (так, в III эклоге объединены образы веселых, добродушных Батта и Коридона из IV идиллии с враждебными и грубыми Коматом и Лаконом из V); ландшафт тоже теряет свои реальные черты, так как Вергилий пытается объединить в своих картинах природы скалы и рощи Сицилии с широкими нивами и садами своей плодородной мантаунской родины. Темы некоторых идиллий он использует так, что ослабляет впечатление; например, жалобы и заклинания Симайты переданы почти буквально, но не в форме мима, т. е. реальной сцены, а в форме песни, исполняемой одним из пастухов на состязании и снабженной счастливым концом: пес Гилакс лает на пороге, встречая возвращающегося возлюбленного, и весь трагический эффект сцены пропадает. Кроме того, Вергилий гораздо чаще и навязчивее вводит в свои эклоги политические моменты и хвалебные тирады по адресу Августа, чем это делал Феокрит по отношению к Птоломею.

Два римских буколических поэта — Кальпурний и Немесиан (I и III вв.) — только искусные компиляторы, несомненно, знакомые с Феокритом, но больше зависящие от Вергилия. Политические мотивы приобретают у Кальпурния, жившего при Нероне, характер уже совсем неумеренной лесты. Интересно отме-

тить только то, что Кальпурний первый делает попытку создать новый тип буколики, придав ей дидактический характер.

Свой последний цветок античная буколика приносит в прелестном романе Лонга «Дафнис и Хлоя», имеющем огромное значение для истории европейской буколической литературы. Лонг оторвал буколическую тематику от стихотворной формы, создав первую *прозаическую* буколику; он сознательно отказался от реального изображения действительности, объединив пастушеские мотивы с тематикой авантюрного романа с его похищениями и узнаваниями и введя в ход повествования вмешательство богов (Пана и Нимф). Манерность и даже некоторая фальшь буколического жанра выступают у Лонга уже очень сильно, хотя бы в мотиве преувеличенной невинности и неопытности Дафниса и Хлои, которая служит лишь поводом к непрерывной разработке эротической темы и к введению нескольких фривольных сцен. В романе Лонга встречаются и развернутые мотивы из Феокрита (состяжание в поцелуях из XII идиллии), и прозаический пересказ некоторых поэтических описаний (например описание конца лета, примыкающее к идиллии VII).

Свое второе возрождение буколика переживала от XIV до XVII вв. в Италии: буколические поэмы Боккаччо и Петрарки, «Аркадия» Саннадзаро, «Аминта» Тассо и «Верный пастух» Гварини широко используют темы произведений поэтов-буколиков.

На смену им пришла французская пастораль XVII—XVIII вв. в лице Фонтенеля, мадмуазель де Скюдери и других авторов бесчисленных сентиментальных и манерных стихотворений, повестей и романов. В Англии Поп и Мильтон тоже написали несколько пастушеских стихотворений с традиционным состязанием певцов и воспеванием возлюбленных; в Германии пасторали в прозе с оттенком дидактики писал Геснер.

Конец XVIII в. с его течением сентиментализма создал новый тип идиллии, более реалистический, чем чистая пастораль, которая заимствовала у буколиков только костюм пастуха (причем посох-дубинка Коридона и Комата превратился в золотую тросточку с шелковым бантом).

Английские и немецкие поэты конца XVIII и начала XIX в. (Юнг и Грей в Англии, Фосс в Германии) заимствуют у античной

буколики уже не костюм и имена, а интерес к маленьким людям и мирной жизни. Действующими лицами в их идиллиях являются не обязательно пастухи, а деревенские служащие, учителя, мелкие ремесленники и лавочники, сельские пасторы. В этих «идиллиях» можно найти много удачных зарисовок современных им нравов, бытовых картинок и поэтических описаний природы (например, в «Луизе» Фосса), но они остаются все же много ниже идиллий Феокрита, так как восхваление тихой мирной жизни в узком кругу деревни или провинциального города слишком прозрачно и упорно навязывается читателю.

В русской литературе XVIII и начала XIX в. жанр идиллии тоже имел успех. В русской идиллии можно заметить два течения — чисто-условную «пастораль» французского типа и попытки бытовых зарисовок. В течение XVIII в. господствует первое течение: идиллии писал уже Тредьяковский, и даже Ломоносов отдал дань моде. К этому же направлению примыкает Сумароков и Княжнин, а в начале XIX в. Мерзляков и Панаев.

Несколько иной характер носят идиллии двух отличных знаменитых древности, Гнедича и Дельвига. Гнедич написал под названием «Рыбаки», заимствованным у Феокрита, небольшую поэму о рыбаке, игравшем на «цевнице», приглашенном к «боярину» и награжденном им за песню новым неводом; действие происходит в Петербурге. Остроумно написана пародия Гнедича на «Киклопа» Феокрита, посвященная Батюшкову. Дельвиг, идиллии которого ценил Пушкин, тоже вносит в них некоторые новые мотивы, оделяя своих героев романтической меланхолией (например, «Конец золотого века»).

В дальнейшем идиллия перестает играть роль в русской литературе; можно говорить только об использовании отдельных идиллических мотивов у некоторых поэтов XIX в.

Таков длинный путь, начало которому положили идиллии Феокрита. Несложные формы созданного Феокритом жанра приняли в себя и эсхатологические чаяния Вергилия о «золотом веке», и нравоучения Петрарки, и маскарадную галантность Фонтенеля, и мещанский уют идиллий Фосса. Всем этим совершенно различным произведениям даются имена буколик, идиллий и

эклог, и образцом всех их в какой-то мере являются идиллии Феокрита. Это произошло потому, что именно Феокрит сумел изобразить современную ему жизнь и природу, которые — как всякая жизнь — заслуживали критики, в таком неизменно ласковом и пленительном солнечном свете, что они стали распространять свое очарование на всех, кто с ними соприкасался.

В течение многих веков самые различные поэты пытались воссоздать это очарование. Слава произведений, превозносимых современниками и подчас оценивавшихся ими даже выше, чем их античный образец, была недолговечна. Но в неизменном сиянии ласкового южного солнца лежит перед нами та страна, картины которой с такой любовью нарисовал Феокрит. Читая его идиллии, мы снова бродим по этой солнечной стране и можем обратиться к нему его же словами:

Слаще напев твой, пастух, чем рокочущий говор потока
Там, где с высокой скалы низвергает он мощные струи.

М. Грабарь-Пассек

РУКОПИСИ И ИЗДАНИЯ ФЕОКРИТА, МОСХА И БИОНА

Во вступительной статье очерк истории текста произведений поэтов-буколиков, их рукописей и изданий дан в максимально краткой форме: он должен ознакомить читателя-неспециалиста лишь с основными моментами этого сложного вопроса. Настоящее же приложение предназначается для читателей, которые пожелают получить несколько более полные, хотя, конечно, отнюдь не исчерпывающие данные о тех источниках, в которых сохранились произведения Феокрита, Мосха и Биона, о состоянии этих источников, о их изучении и использовании учеными от XV в. до нашего времени. Знакомство с состоянием текстологии сочинений этих поэтов имеет не только теоретический интерес: с историей рукописей и изданий и с оценкой их качества теснейшим образом связан вопрос о том, какие именно стихотворения признавались всеми исследователями за подлинные, какие брались под сомнение и какие признаны более поздними и подражательными; от того, как каждый ученый, подготавливавший новое издание буколиков, оценивал различные стихотворения в отношении их подлинности, зависел во многих изданиях порядок их расположения, а это имеет чисто практическое значение как для того читателя, который, владея языком оригинала, пожелает навести справку в соответствующем издании, так и для того, кто, пользуясь только переводом, может усомниться в правильности того порядка стихотворений, который принят в данном переводе.

Сочинения поэтов-буколиков сохранились в большом числе рукописей; в общем их насчитывают около двухсот¹; однако многие из них, более новые, являются копиями с более старых, и те филологи, которые работали непосредственно над рядом рукописей, установили наличие сравнительно немногих «семейств», связанных друг с другом и друг от друга зависящих. Наиболее важных рукописей, на основании которых создан ряд изданий с критическим аппаратом, имеется около двадцати (см. табл. I). Датировка, содержание и степень сохранности их весьма различны: в некоторых из них имеются схолии, в других нет; в большинстве случаев произведения поэтов-буколиков не заполняют всей рукописи — они либо предшествуют другим произведениям классической или эллинистической эпохи, либо следуют за ними, либо даже рассыпаны между ними; во многих имеются пропуски и ошибки; иногда одно и то же произведение в разных рукописях приписывается разным авторам; порядок расположения стихотворений тоже не одинаков. Можно только удивляться бесконечному трудолюбию и усердию филологов-текстологов, производивших десятки раз кропотливую работу сверки рукописных текстов, которая привела к установлению единого текста с весьма незначительными смысловыми расхождениями.

Наиболее богаты рукописями с произведениями поэтов-буколиков следующие библиотеки: «Миланская (так называемая *Ambrosiana*), Флорентийская (*Laurentiana*), Ватиканская (*Vaticana*), Парижская (*Parisina*) и Оксфордская (*Bodleiana*)². Ру-

¹ Один из новейших издателей Феокрита, итальянский ученый Галлавогги просмотрел 178 рукописей и использовал их для построения своего критического аппарата. В введении к своему изданию (1946) он пишет: «Я почти все рукописи видел своими глазами и изучил их; из многих сделал выписки, а некоторые, особенно хорошие, впервые тщательно исследовал». (Цитирую по изданию Гоу «*Theocritus*», т. I, стр. XXXIII, так как издания Галлавогги в Москве не имеется.) Сам Гоу пишет об этом издании: «Читатель впервые имеет перед глазами критический аппарат, составленный таким ученым, который сам действительно видел все рукописи» (там же).

² В зависимости от своего местонахождения рукописи носят названия «*codex Ambrosianus, Vaticanus*» и так далее и снабжены, помимо шифра, особым библиотечным номером.

копией старше XIII в. до нас не дошло; одна ватиканская рукопись, датированная прежде XII в., в настоящее время отнесена к концу XIII—началу XIV в. К XIII в. относятся шесть рукописей, из которых две (одна миланская, другая ватиканская) считаются наилучшими; три рукописи стоят на рубеже XIII—XIV вв., девять датируются XIV в. и четыре — XV в.

Некоторые фрагменты стихотворений сохранились в сочинениях ученых-эксцерпторов античной эпохи — Афиней и Стобея; Афиней сохранил небольшой фрагмент из поэмы Феокрита «Береника», о существовании которой мы бы без него не знали вообще, а в «Антологии» (Florilegium) Стобея имеются фрагменты и небольшие эпиграммы с указанием имен их авторов — Биона и Мосха, что тоже весьма важно, так как в рукописях произведения именно этих поэтов приписываются то тому, то другому, а иногда даже Феокриту.

Несмотря на то, что ученым XV в., конечно, не были известны все те рукописи, над которыми трудилось еще несколько поколений филологов, тем не менее в конце XV в. вышли уже почти полные и тщательно подготовленные издания буколических поэтов. Самое первое издание включало в себя только восемнадцать идиллий Феокрита³; в венецианском издании Альда Мануция 1495 г. имеются уже двадцать три идиллии Феокрита, несколько стихотворений Биона и Мосха, приписываемая Феокриту «Свирель» и небольшое стихотворение в ямбах «На смерть Адониса». Второе издание Альда Мануция несколько отличается от первого⁴; все произведения, вошедшие в эти издания, приписаны Феокриту, что видно из заголовка книги. Два издания 1516 г., вышедшие почти одновременно во Флоренции и в Риме, включают в себя уже все те идиллии Феокрита, которые

³ Эта книга вышла в свет без заголовка; место издания и типография тоже не указаны; но библиографы датируют ее 1480—1481 гг. и считают, что она напечатана в Милане в типографии Бона Аккурсия.

⁴ Издание Альда Мануция снабжено длинным заголовком на греческом языке, который в переводе гласит: «Вот что есть в этой книге: идиллий Феокрита, т. е. небольших поэм 30, а также его жизнеописание и сведения о том, как были созданы пастушеские (буколические) стихотворения». Impressum Venetiis characteribus et studio Aldi Manutii, Romani. MCCCCXCV.

известны и нам, кроме 30-й («любвонной песни» на эолическом диалекте), найденной только в 1864 г. немецким филологом Хр. Циглером в одной миланской рукописи; флорентийское издание вышло в издательстве Юнты и редактировано Бонони⁵, римское — Каллиергом⁶. Первое из них замечательно тем, что в нем учтены исправления текста, внесенные греческим филологом Марком Мусуром в его личный экземпляр издания Альда. Эти исправления, как предполагают, опирались на одну рукопись, впоследствии исчезнувшую и, по-видимому, весьма старую; один из учеников Мусура назвал ее «древнейшей книгой» и сообщил все эти исправления Бонони, подготовлявшему флорентийское издание. Эту рукопись, вероятно погибшую при пожаре виллы падуанского богача Каподивакка, принято обозначать как «Codex Patavinus». Издание же Каллиерга важно потому, что в нем впервые были напечатаны схолии к стихотворениям Феокрита. Для всех дальнейших изданий имели решающее значение два издания — 1566 и 1579 гг., подготовленные крупным филологом, имя которого в Англии и Германии принято употреблять в его латинском варианте как Генрикус Стефанус, а во Франции — в национальном — Анри Этьен⁷. Он изменил порядок стихотворений сравнительно с прежними изданиями, не выработавшими определенной системы, и хотя в издании Стефануса принцип расположения идиллий Феокрита тоже совершенно неясен, но по тем или иным причинам установленный им распорядок на три с половиной века стал традиционным и воспроизводился с тех пор во множестве изданий во всех странах Европы.

Интересно, однако, отметить, что Стефанус помещал стихотворения Мосха перед стихотворениями Биона, что вполне правильно и соответствует хронологии (см. ниже, о новейшем из-

⁵ «Феокрита буколики» (заголовок на греческом языке) Florentiae impressa in aedibus Philippi Juntae finem nacta sunt die X Januarii MDXV

⁶ Cura Zachariae Calliergi 15 Januarii 1516.

⁷ Первое издание носит заголовок «Poetae graeci principes heroici carminis et alii nonnulli», второе — «Theocriti aliorumque poetarum idyllia». Оба вышли в Париже.

дании Лепрана), между тем как впоследствии установился обычай помещать Биона раньше Мосха.

Насколько велик был интерес к поэтам-буколикам, видно из того, что в течение XVI в. вышло около двадцати изданий — во Франции, Голландии, Германии, Швейцарии.

Во многих изданиях имелись примечания, разъясняющие текст со стороны содержания (собственные имена, исторические факты и т. п.) и со стороны формы (диалект, грамматические явления, лексика и т. п.). Одним из наиболее ценных в этом отношении было издание с примечаниями крупнейших филологов того времени Скалигера и Казаубона, вышедшее в 1593—1596 гг. в типографии Коммелия (так называемое *editio Commeliana*); те же примечания в более расширенном виде вошли в первое издание XVII в. (1604 г.) под редакцией Гейнзиуса, в которое включен и перевод идиллий на латинский язык.

В течение XVII, XVIII и XIX в. было изучено множество рукописей, собранных в библиотеках: так, в Оксфордскую библиотеку поступили два больших частных собрания — Джемса Сант-Аманда в 1749 г. и д'Орвилла — в 1809 г. Все эти рукописи были использованы в английских изданиях, например Гайсфорда (1814)⁸. Рукописи Парижской библиотеки изучил профессор Гэль (1828); Амейс присоединил к ним данные рукописей оксфордских и венских⁹. Штуттгартский профессор Хр. Циглер использовал исчерпывающим образом рукописи в Риме, Флоренции и Милане¹⁰. Весь этот колоссальный материал для критического аппарата был впервые сведен воедино в издании Г. Л. Аренса — «*Bucolicorum graecorum Theocriti Bionis Moschi reliquia accedentibus incertorum idylliis. Recensuit Henricus Ludolfus Ahrens, Lipsiae, 1855—1859*, которое, однако, имеет наряду с большими достоинствами и ряд крупнейших недостатков — множество произвольных конъектур и необоснованные субъективные отклонения от традиционной нумерации стихотворений.

⁸ «*Poetae Graeci minores*». Ed. Thomas Gaisford. Oxoniae, 1821.

⁹ «*Poetae bucolici et didactici*». Париж, 1846, серия Дидо (с латинским переводом).

¹⁰ «*Theocriti carmina*». Ed. Chr. Ziegler. Tubing, 1844; 4-е изд. — 1879.

Поскольку эти отклонения тесно связаны с оценкой подлинности стихотворений всех трех поэтов-буколиков, о них речь будет ниже¹¹. Раньше чем перейти к вопросу об этой оценке, надо упомянуть о том, что с конца XIX и в XX в. к числу источников, дающих сведения об этих поэтах, прибавилось несколько папирусов с отрывками их произведений. Хотя цельных стихотворений в них не имеется, но порядок фрагментов установить удастся (в разных папирусах он различен), и даже оказалось возможным внести некоторые исправления в текст. Папирусы датируются: один, содержащий очень маленькие отрывки — I в. н. э., два — II в., один — V в., один (наиболее значительный, состоящий из 16 листов с сохранившимися группами стихов) — 500 г. н. э. Большинство их хранится по месту их находки, в Египте (так называемые Оксиринхские папирусы № 1—4). В последнем издании Леграна приводятся данные об открытии еще двух папирусов II и IV вв., но на них сохранились лишь отдельные слова и начала нескольких стихов.

Схолии к Феокриту, вышедшие впервые в 1516 г. в издании Каллиерга (см. выше), есть не во всех рукописях; самые полные находятся в одной миланской рукописи XIII в.; однако в нескольких ватиканских и флорентийских рукописях имеются некоторые схолии и глоссы, отсутствующие в миланской. Полную сверенную сводку схолий дал немецкий филолог Вендель¹².

Авторы схолий принадлежат к трем поколениям филологов, отделенных друг от друга несколькими веками. Первыми были Теон (сын Артемидора, первого издателя поэтов-буколиков) и Асклепиад; оба жили в I в. до н. э. Второе поколение представлено авторами II в. н. э. — Мунацием, Феэтетом и Амарантом, упоминаемыми то в самих схолиях, то другими писателями. Наконец, последнее поколение — византийские ученые X—XI вв. (эпохи так называемого «византийского возрождения»). Из них

¹¹ Из изданий, вышедших в XIX в., следует упомянуть еще два: «Theocritus, Bion et Moschus ex recognitione Meinekii». Ed. III, 1856; «Theocriti idyllia commentariis criticis atque exegeticis instr. Arm. Fritzsche». Lipsiae, 1870, 3-е изд. (пересм. Эдуардом Гиллером) в 1881 г.

¹² «Scholia Theocritea». Ed. Wendel.

наиболее известны Мосхопулос и Триклиний. Поздние схолии слабее древних, которые они в основном используют и комбинируют, но не всегда удачно.

Наряду с чисто текстологическими вопросами уже с XVII в. учеными стал ставиться важный с литературной точки зрения вопрос — о надежности «аттрибуций», имеющих в рукописях, т. е. о принадлежности отдельных стихотворений тому поэту, чьим именем они помечены, и о выделении в особую группу стихотворений сомнительных и анонимных. Наибольшим авторитетом в этой области явился крупнейший голландский филолог XVIII в. Фалькенаар, трижды издававший стихотворения Феокрита (в 1773 г. — десять идиллий, в 1779 и 1781 гг. полностью); его издание, снабженное солиднейшими примечаниями и интересными экскурсами, один из которых, написанный в форме письма к другу, юристу Реверу, касается именно критериев подлинности, на долгое время определило судьбу ряда идиллий. За Фалькенааром последовал ряд ученых, и в течение XIX в. лишь немногие произведения трех буколиков не были никем взяты под сомнение.

Критерии подлинности были самого различного характера: во-первых, выдвигались соображения чисто метрического и лексического порядка — наличие зияний, ошибки в определении долготы и краткости звуков, неуклюжие стихи, излишнее пользование спондеями, комбинирование эпических и лирических размеров, употребление необычных и более поздних слов и оборотов; во-вторых, нахождение того или иного стихотворения в небольшом числе рукописей, иногда в рукописях, худших по качеству; в-третьих, привлекались даже доводы чисто эстетического и морального характера, наиболее субъективные и ненадежные. Не во всех случаях эти разнохарактерные соображения совпадали; вокруг некоторых произведений (например, вокруг VIII идиллии Феокрита) полемика не умолкла до нашего времени¹³. Современное положение вопроса отражено в таблице II; однако она соответствует лишь общепринятой точке зрения,

¹³ Сведения об оценке отдельных идиллий даются в комментариях к каждой из них.

между тем как имеются и другие воззрения, представленные такими крупными учеными, как Аренс и Виламовиц, что нашло свое отражение в их изданиях поэтов-букоλικов. Беглым анализом тех новых и новейших изданий, издатели которых сознательно избирали тот или иной порядок расположения стихотворений Феокрита, Биона и Мосха, мы закончим данный очерк.

Первым изданием, резко порывающим с традицией, является вышеупомянутое издание Аренса, выпущенное им сперва в стереотипном томике Тейбнера (1850) и многократно переиздававшееся, и в 1855 г. в двух солидных томах (Аренс предполагал выпустить еще два тома, но не выполнил своего намерения). Ввиду распространенности малого издания Аренса, его взгляд на подлинность произведений, отразившийся в их распорядке, важен для читателя. Он дает первые восемнадцать идиллий Феокрита в обычном порядке, далее признанные им за подлинные идиллии XXIV, XXII, XXVI, XXVIII и XXIX (XXX в его издании еще нет); за этим следует раздел эпиграмм, из которых он признает подлинными только девять, семнадцать же относит к сомнительным и подложным (*Dubia et spuria*); далее после фрагмента из «Береники» даны стихотворения Биона и Мосха, признанные Аренсом подлинными почти согласно общепринятой традиции (но «Европа» Мосха стоит раньше «Эроса-беглеца» и исключен «Ахилл и Дейдамея» Биона); наиболее запутан последний раздел «*Incertorum idyllia*», в котором стихотворения, приписывавшиеся кому-либо из трех поэтов, помещены вперемежку.

Еще более своеобразно размещение стихотворений в образцовом по критике текста издании Виламовица¹⁴. Он относит в «Приложение» (*Appendix*) все произведения, приписываемые Мосху и Биону, считая сомнительной какую бы то ни было атрибуцию их; между тем, IX идиллию Феокрита, которую он, безусловно, не считал подлинной, он тем не менее поместил в первый основной раздел; порядок стихотворений изменен им в высшей степени произвольно.

¹⁴ «*Bucolici graeci*» Oxoniae, 1905, 1910.

Прекрасный двухтомник, вышедший в Париже первым изданием в 1924 г. (4-е изд. — 1953 г.) под редакцией и с французским прозаическим переводом Ф. Леграна, крупнейшего специалиста по буколике, построен несколько более систематично¹⁵; в I томе заключены все безусловно признаваемые подлинными стихотворения Феокрита, но порядок их, сильно отклоняясь от традиционного, в то же время не совпадает с порядком в изданиях Аренса и Виламовица; во II том отнесены неподлинные стихотворения Феокрита, произведения Мосха (раньше Биона) и Биона без разделения на подлинные и неподлинные; правда, каждое стихотворение снабжено введением, в котором рассмотрен этот вопрос. (Об итальянском издании под ред. Галлаватти см. выше.)

Наконец, новейшим изданием (только Феокрита) является роскошно оформленный труд Гоу (1950) в двух томах (т. I — текст с основательной вводной статьей, т. II — солиднейший комментарий филологический и реальный)¹⁶. В противоположность своим ближайшим предшественникам — Аренсу, Виламовицу и Леграну, Гоу вернулся к традиционной нумерации идиллий по изданию Стефануса, а всю полемику о подлинности отнес в комментарий. Признавая традиционный порядок весьма неудачным и подвергая его строгой критике (во введении к I тому), он тем не менее высказывает следующие соображения: «Печатание идиллий от 1—30 в каком-либо другом порядке ведет к неудобствам, которые намного перевешивают те преимущества логического и исторического характера, которые могут быть достигнуты такой перестановкой. Никому, кто пользовался этими тремя книгами (подразумеваются издания Аренса, Виламовица и Леграна. — М. Г.), не надо напоминать о том, к какой потере времени ведут эти перестановки» (т. I, Введение, стр. LXVII).

¹⁵ «Bucoliques grecs». Collection des Universités de France. Texte établi et traduit par Ph.-E. Legrand, Quatrième édition revue et corrigée. Paris, 1953. Т. I. Théocrite. Т. II. Pseudo-Théocrite Moschos Bion Divers.

¹⁶ «Théocritus». Ed. with a translation by A. S. F. Gow. Cambridge University Press, 1950.

Следует, однако, сказать, что и те издатели, которые сохраняют традиционный порядок издания Стефануса, считаются с критикой подлинности идиллий Феокрита и отмечают те из них, которые принято считать неподлинными, звездочкой (так называемым астериском).

Соображения, высказанные Гоу, во многом справедливы; с ними следует полностью согласиться, в особенности потому, что — как мы видели — три крупнейших предшественника Гоу тоже очень сильно расходятся между собой; несомненно, идиллия II (Колдуньи) по содержанию больше соприкасается с мимами (идиллии XIV и XV), чем с лирической песней о смерти Дафниса (идиллия I), и ни в какой мере не носит буколического характера; по-видимому, она помещена после идиллии I, ввиду сходства их формы (строфическое построение с рефреном). Однако распределение идиллий исключительно с точки зрения их содержания тоже весьма затруднительно и не проводится ни одним из издателей-новаторов: а именно, XII идиллия (любственное объяснение на ионическом диалекте) не перенесена ими к эолическим любовным песням XXIX и XXX, а оставлена на прежнем месте, очевидно, ввиду того, что она написана гекзаметром, а обе песни — лирическими размерами. Также совершенно неясно, почему Виламовиц, согласно традиции, ставит в начале I идиллию и непосредственно после нее VII идиллию, а Лэгран, напротив, начинает именно с VII и прямо вслед за ней помещает I идиллию.

Этот, на первый взгляд, чисто технический вопрос мы были вынуждены разобрать подробно для того, чтобы оправдать сохранение в нашем переводе традиционного порядка, берущего начало от издания Стефануса.

В вопросе о расположении стихотворений Биона и Мосха, на наш взгляд, следует избрать тот порядок, который дан Лэграном во II томе его издания. Помещение Мосха раньше Биона оправдывается соображениями хронологического характера; Мосх, как ученик Аристарха, принадлежит первой половине II в. до н. э., а жизнь Биона датируется концом II в. Что касается того расположения их стихотворений, который имеется у Аренса и Виламовица, то при нем совершенно стирается

индивидуальный характер этих стихотворений, поскольку и у Аренса в разделе «*Incertorum idyllia*», и у Вилламовица в его «*Appendix*» эти стихотворения помещены вперемежку с неподлинными идиллиями Феокрита; между тем они все же значительно отличаются от этих идиллий по всей литературной манере, трактовке характеров, изображении Эроса и другим художественным приемам. Легран соединил в две группы стихотворения, приписываемые Мосху и Биону без разделения их на подлинные и неподлинные, поскольку этот вопрос сомнителен, на что он и указывает в введении к отдельным стихотворениям; в отнесении того или иного стихотворения (а для Биона — иногда отрывков в 2—3 стиха) в группу произведений Мосха или Биона Легран следует Стобею. Сходные литературные приемы той и другой группы при таком расположении выступают более наглядно.

Во II том издания Леграна включены четыре так называемых «фигурных» стихотворения, приписываемых не поэтам-буколикам, а близким к их кругу Досиаду Критскому, Асклепиаду Самосскому и Симию Родосскому (см. комментарий к ид. VII). Из этих стихотворений нами даны два — «Секира» и «Крылья».

Остается сказать несколько слов о тех названиях и заголовках, под которыми в разных изданиях даются произведения буколиков; в большинстве случаев они непосредственно связаны с содержанием идиллии или с собственными именами действующих лиц; тогда их истолкование и перевод не представляют затруднений. Однако в некоторых случаях имеется не одно, а два или даже три названия, причем разные издатели выбирают различные названия.

Названия, по-видимому, были даны различным идиллиям уже давно; некоторые из них встречаются уже в папирусах; однако едва ли можно предполагать, что они принадлежат самим авторам стихотворений: этому противоречит наличие нескольких названий к одной и той же идиллии. Следует еще оговорить, что некоторые названия передают настолько специфически греческие понятия, что перевод их на русский язык является делом нелегким.

*1. Условные обозначения рукописей (sigla) * произведений Феокрита, Мосха и Биона и их местонахождение*

Датировка рукописей, века	Sigla	Местонахождение рукописей	Примечания
XIII	K	Милан	Только „Европа“
	F	„	
	M	Ватикан	
	S	Флоренция	
XIII или XIV	Q	Париж	Датирована 1280 г. Датирована 1299 г.
	G	Флоренция	Конец XIII в.
	H	Ватикан	
P	Флоренция		
XIV	O	Ватикан	Прежде считалась относящейся к XII в. Датировка изменена Венделем Датирована 1322 г.
	T	„	
	E	„	
	U	„	
	I	„	
XV	Tr	Париж	По предположению Виламовица, написана Трикливием
	L	„	
	W	Флоренция	
	X	Ватикан	
	V	„	
XV	D	Париж	Возможно, XVI в.
	C	Милан	

* Sigla даны по новым изданиям Гоу и Леграна. В изданиях Аренса и Виламовица некоторые sigla иные.

*II. Подлинные и неподлинные идиллии Феокрита
(традиционная оценка)*

Жанр	Подлинные	Неподлинные
Буколики	I Тирсис, или песня III Серенада IV Пастухи V Песни козопаса и пастуха VI Пастухи-певцы Дамойт и Дафнис VII Праздник жатвы	VIII Пастухи-певцы Даф- нис и Меналк (А) IX Пастухи-певцы Даф- нис и Меналк (Б)
Мимы не буко- лические	X Работники, или жнецы XI Киклоп II Колдуньи XIV Эсхин и Тионих, или любовь Киниски XV Сиракузянки, или жен- щины на празднике Адониса	XX Пастушок XXVII Любовная болтов- ня (буколический мим)
Эпидиллии	XIII Гилас XVIII Эпиталамий Елены XXII Диоскуры XXIV Геракл-младенец	XXI Рыбаки XXIII Страстно влюблен- ный XXV Геракл—убийца льва XXVI Вакханки
Лирические стихотворения	XII Влюбленный XXIX Любовная песня XXX Любовная песня	
Послания и эн- комии	XVI Хариты, или Гиерон XVII Энкомий Птолемею XXVIII Прялка	

КОММЕНТАРИЙ¹

Идиллия I

ТИРСИС, ИЛИ ПЕСНЯ

Идиллия I «Тирсис, или Песня» — одна из немногих идиллий Феокрита, относительно подлинности которой не высказывалось никаких подозрений. Ее художественные достоинства общепризнаны и не требуют доказательств. Даже мало знакомый с греческой поэзией читатель едва ли устоит перед очарованием первых же ее стихов.

По своей композиции идиллия распадается на две главные части и имеет пролог и эпилог. Ее действующие лица — безымянный козопас и певец Тирсис, который называет себя пастухом с Этны, т. е. сицилийцем. По поводу места действия I идиллии есть разные мнения: наиболее естественно предположить, что она разыгрывается в Сицилии, но географические названия, приведенные в ней, указывают на восток. Калиди, упоминаемый козопасом (ст. 57), — небольшой островок около острова Кос, айгильские сушеные фиги (ст. 147) были предметом вывоза из Аттики, и более вероятно, что их знали на островах Эгейского моря, чем в Сицилии. Однако этот момент не заслуживает большого внимания, так как он ничуть не влияет на содержание идиллии.

Певец Тирсис слышит тихую игру козопаса на свирели и просит его продолжать ее; но наступил полдень, а в это время отдыхает пастуший бог Пан, которого игра на свирели может разбудить, и козопас просит Тирсиса спеть песню, которую тот раньше пел на состязании, и предлагает ему в награду деревянный резной кубок; беседа козопаса и пастуха составляет пролог, а описание кубка — первую часть идиллии.

¹ Примечания даются в порядке стихотворных строк с указанием номера стиха.

Пролог построен со строгим соблюдением параллелизма в сравнениях (игры на свирели с шопотом сосны, песни — с водопадом) и любезностях, которыми обмениваются козопас и Тирсис. Описание резьбы на кубке является уступкой эпической традиции, установившейся с поэм Гомера, согласно которой в эпическую поэму должно быть включено описание какого-либо предмета художественной индустрии (см. у Гомера описание щита Ахилла — «Илиада» — и кубка Нестора — «Одиссея», а у современника Феокрита Аполлония Родосского — описание плаща Язона). Это длинное описание кубка в I идиллии нарушает реализм изображения, так как кубок должен был находиться перед глазами Тирсиса и описывать его нет надобности; однако описание это использовано Феокритом именно для того, чтобы ввести реальные сцены из деревенской жизни: мужчины, готовые подраться из-за красотки, мальчишка, сторожащий виноградник, две лисицы, тихонько прокравшиеся к лозам, и, наконец, старый утомленный рыбак с сетями — живые картины подлинной повседневной жизни.

По поводу расположения этих картин на кубке имеется немало гипотез, так как сам Феокрит не указывает этого точно, а соединяет отдельные картины словами «там», «дальше» и т. п. Своеобразна версия, приведенная в издании Гоу: он предполагает, что все картины даны внутри кубка — рыбак в круге в центре, мужчины с красоткой и мальчик с лисицами — в охватывающем этот круг широком кольце; венки плюща и золотоцвета обвивают кубок снаружи. Подобное расположение украшений действительно нередко встречается на широких круглых сосудах («киликах»); однако обычно это — сосуды металлические или глиняные; деревянный же резной кубок было бы несколько странно украшать резьбой только внутри, где она не только пропадала бы под налитым в кубок напитком, но скоро стала бы портиться. Более естественно предположить, что все сцены расположены на наружной стороне кубка, по краю которого вьется гирлянда; тогда и показ кубка Тирсису более понятен: козопас поворачивает кубок перед глазами Тирсиса и показывает ему сцену за сценой, между тем как если бы все они были расположены внутри кубка, их можно было бы охватить одним взглядом.

Песня о смерти Дафниса составляет вторую часть идиллии. Она построена в виде ряда строф с неодинаковым числом стихов в каждой строфе (от двух до пяти); между строфами включается рефрен — обращение к Музам, — несколько варьируемый в последних строфах, где певец просит Муз не «начать» пастушескую песню, а «закончить» ее.

Миф о Дафнисе — местный сицилийский миф, сведения о котором у нас довольно скудны. Кроме Феокрита, о нем упоминают более поздние писатели Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) и Элиан (III в. н. э.), которые дают другие варианты. Диодор пишет (IV, 84):

«Теперь мы попытаемся коснуться того, что рассказывают о Дафнисе. В Сицилии есть Герейские горы, которые, как говорят, по красоте, по природным условиям и по особому местоположению особенно подходят для летнего пребывания и отдыха... Там, говорят, Дафнис родился от Меркурия и Нимфы: так как там были густые лавровые заросли, то его назвали Дафнисом². Он был воспитан нимфами, приобрел большие стада, заботился о них, и его стали называть пастухом (буквально «волопасом». — М. Г.). От природы он был исключительно способен к музыке и изобрел пастушеские песни и мелодии, которые и до сих пор распространены в Сицилии. Говорят, что Дафнис охотился вместе с Артемидой, заслужил большую благосклонность богини и радовал ее игрой на свирели и пастушескими напевами. Одна из нимф, влюбленная в него, предсказала ему, что если он сблизится с кем-нибудь кроме нее, то лишится зрения. И когда одна царская дочь опсала его зельем и он сошелся с ней, то он ослеп, как предсказала ему нимфа». Элиан в основном рассказывает тот же миф, добавляя только, что быки Дафниса были того же рода и племени, что быки Гелиоса, о которых говорит Гомер в «Одиссее», что Дафнис изобрел пастушеские напевы, уже будучи слепым, и «основой этому послужили те страдания, которые причинила ему болезнь»; Элиан сообщает также, что родоначальником пастушеской песни был поэт Стесихор Гимерский³.

Комментатор Вергилия Сервий сообщает, что современник Феокрита, трагик Сосифей, написал сатиrowsкую драму «Дафнис и Литиерс». Дафнис любил нимфу Талию, и когда ее похитили пираты и продали фригийскому царю Литиерсу, он разыскал ее и попал вместе с ней в рабство, из которого их обоих освободил Геракл.

Как видно из всего сказанного, версия мифа в I идилии совсем иная; в характере Дафниса есть сходство с Ипполитом Эврипида — оба во вражде с Афродитой и избегают любви к женщине; но развязка мифа другая: Дафнис влюбляется в нимфу, не уступает любви и умирает; является ли эта версия творчеством самого Феокрита, или он использовал какой-либо неизвестный миф, сказать нельзя. В VII идилии Феокрит опять возвращается к мифу о Дафнисе и говорит, что он «томился с Ксении» и с ним тосковала и вся природа (VII, 73—76).

Любит ли его любимая им нимфа, как иронически утверждает Приап (I, 82—91), ни из I, ни из VII идилий не видно. В VIII идилии, как принято считать, не принадлежащей Феокриту, о трагическом конце Дафниса не сказано ничего: в последних стихах

² По-гречески Δάφνη — лавр.

³ По «Метаморфозам» Овидия Дафнис не ослеп, а превратился в камень (IV, 276—277).

этой идиллии говорится, что Дафнис стал известным певцом и женился на нимфе Наиде.

Песня о смерти Дафниса по содержанию состоит из двух частей: первая — прощанье с Дафнисом его стад, лесных зверей и собравшихся к нему богов — Гермеса, Приапа и Афродиты; вторая часть — прощанье Дафниса с родной природой. Трудно сказать, которая из них выше по своим художественным достоинствам; простой, ясный язык, глубокая мысль и трогательное чувство без фальшивой сентиментальности — отличительные черты этой идиллии.

Едва ли можно сомневаться в том, что песня о Дафнисе создана Феокритом на основании народной поэзии: известная стилизация в ней, безусловно, есть, но основные моменты, особенно прощальный плач самого Дафниса, своей наивностью и в то же время искренним и глубоким трагизмом тесно примыкают к мотивам песен и сказаний разных народов.

Эпилог идиллии краток: он содержит в себе несколько слов Тирсиса и благодарность козопаса.

И идиллии была суждена долгая жизнь и широкая известность: имя Дафнис стало традиционным нарицательным именем для певцов-пастухов. Уже в VI, IX и XXVII идиллиях пастухи, носящие это имя, не имеют с мифическим Дафнисом ничего общего. Это имя использовали также Вергилий в своей V эклоге и Лонг в романе «Дафнис и Хлоя». Впоследствии оно повторяется в десятках идиллий, эклог и пасторалей на всех европейских языках.

- 3 **Пан** — сын Гермеса и Пенелопы, бог лесов и пастбищ, покровитель пастухов, охотников и пчеловодов; изображался в виде бородатого мужчины с козлиными ногами и рожками; изобретатель свирели. Его статуи часто ставились в рощах около пастбищ и деревенское население приносило ему жертвы, иногда очень скромные, — чашки молока, меда, фрукты и овощи.
- 13 **Тамариск** (*tamarix gallica*) — красивый кустарник с красноватыми тонкими ветвями и розовыми цветами.
- 15 Полдень считался тем часом, когда было опасно встречаться с богами или привлекать к себе их внимание. Пан же в это время спал и мог рассердиться, если его разбудить звуком свирели; очевидно, считалось, что пение не мешает его сну, поэтому козопас отказывается играть, но просит Тирсиса петь.
- 18 По представлению древних, желчь помещалась в полостях носа, и при вспышках гнева ее прилив расширял ноздри; у зверей кошачьей породы перед прыжком на добычу ноздри раздуваются; это наблюдение, по-видимому, было перенесено на человека.
- 21 **Приап** — бог плодородия, виноделия и чувственной любви; деревянные, иногда грубо вырезанные из чурбанов статуи Приапа ставились для охраны виноградников (см. эпиграммы III, IV).

- 24 *Ливиец Хромин*. По поводу этого стиха некоторые исследователи высказывали предположение, что здесь заключен намек на самого Феокрита. Тирсис, начиная свою песню, называет себя пастухом с Этны, т. е. сицилийцем; свою песню он поет на Косе после победы над каким-то соперником, уроженцем Ливии; сопоставление таких далеких друг от друга местностей, вероятно, введено нарочито. Предполагают, что под этим соперником из Ливии Феокрит подразумевал Каллимаха, уроженца Киренаики.
- 10—31 Феокрит пишет здесь об особом виде плюща (*Kedera chrysocarpa*) с ярко-желтыми небольшими плодами. Бессмертник, или иммортель, растущий на берегах Средиземного моря, имеет золотистые цветы и нередко называется златоцвет (*Helichrysum aeneum*).
- 53 *Аканф* — растение с красивыми зубчатыми листьями; они часто использовались в декоративной скульптуре; из них образована капитель коринфских колонн.
- 57 *Калиди* (предположительно) — островок недалеко от острова Кос.
- 63 *Аид*, или *Гадес*, — брат Зевса и Посейдона, владыка царства мертвых; его именем называлось и само подземное царство. Другие имена Аида — Плутей, Плутон, Айдоней.
- 67 *Пеней* — река в Фессалии.
- Пинд* — горный хребет в Северной Греции.
- 68 *Анап* — река в Сицилии, протекающая недалеко от Сиракуз.
- 69 *Акис* — река в Сицилии, берущая начало на Этне.
- 95 *Киприда* — эпитет Афродиты, часто заменяющий ее имя. Кипр считался тем местом, где она родилась из морской пены. На Кипре находился ее известный храм.
- 103 *Ида* — горный хребет в северной части Малой Азии.
- 106 *Анхис* — малоазийский царь, которого полюбила Афродита; она приходила к нему на Иду, где он пас свои стада, и родила ему Энея. Впоследствии, когда Анхис не сохранил тайны и похвастался своей близостью с богиней, она наказала его, по одной версии мифа, слепотой, по другой — параличом. О своем сыне Энее она продолжала заботиться во время троянской войны и спасла его и Анхиса в ночь взятия Трои.
- 109 *Адонис* — сын Кинира, царя города Пафа на Кипре, молодой красавец-пастух, возлюбленный Афродиты. Он погиб от клыков дикого кабана, и Афродита горько оплакивала его. Культ Адониса был очень распространен в эпоху эллинизма и был одним из синкретических культов: он слился с восточным культом Таммуза; в основе того и другого лежал культ воскресающей и увядающей природы. Празднество Адониса справлялось ежегодно и продолжалось два дня. См. комментарий к XV идиллии Феокрита и к «Плачу об Адонисе» Биона.

112 *Диомед* — один из героев троянской войны, ранивший Афродиту, когда она вмешалась в бой на стороне троянцев (см. «Илиада», V, 330 и сл.).

Насмешки Дафниса над Афродитой имеют, по-видимому, тот смысл, что он сперва напоминает ей о ее любовных приключениях и о тех мужчинах, которых ей удалось покорить; а потом, назвав Диомеда, вызывает в ее памяти позорное для нее поражение.

117 *Аретуса* — источник вблизи Сиракуз (см. Мосх, VII).

119 *Тимбр* — гора или горный хребет в Сицилии, нигде более не упоминающийся.

123—126 *Ликей* и *Майнал* — горы в Аркадии, считавшиеся любимым местопребыванием Пана.

125 *Гелика* — дочь аркадского царя Ликона, возлюбленная Зевса, превращенная в медведицу и вознесенная Зевсом на небо в виде со звезды Большой Медведицы.

126 *Ликаонид* — сын Гелики и Зевса, которому поклонялись на Майнале в Аркадии; впоследствии останки его были перенесены в Мантинию.

127—136 Тема «обратного порядка мира» нередко разрабатывалась в различных произведениях; у Феокрита она трактована в плане трагическом: смерть Дафниса так противоестественна, что нарушается весь порядок природы. В сказках и в песнях разных народов эта тема, напротив, разворачивается в комическое представление о стране, где лентяи блаженствуют, а жареные гуси летят прямо в рот (см. «Плутос» Аристофана и немецкую сказку о стране «Шларафнии»). Иногда она, наконец, превращается в утопические представления о блаженной стране; в таком плане, с оттенком мистической эсхатологии она разработана Вергилием в его IV эклоге (ст. 20—25).

Сами домой понесут молоком надутое вымя
Козы; не станут стада и львов огромных бояться.
Сгинет также змея и трава с предательским ядом
Сгинет, и будет расти повсюду амом ассирийский.

(Перев. С. Шервинского)

133 *Нарцисс* — цветок, часто упоминающийся в греческой поэзии. По-видимому, этим названием обозначается какой-то дикорастущий красивый цветок; но подразумевается ли под этим то, что у нас называется нарциссом, неизвестно.

136 *Мойра* — судьба; у Гомера *Мойра* — одна, впоследствии *Мойры* — три сестры, пряжущие нить человеческой жизни; первая начинает нить, вторая крутит, третья перерезает.

140 *Темная пучина* — Ахеронт, река, протекающая в царстве мертвых.

- 147 *Айгил* — местность в Аттике, славившаяся сладкими фигами. Возможно, что здесь речь идет не о нем, а о какой-то местности на острове Кос.
- 148 Сравнение с кузнечиком встречается во многих греческих стихотворениях; кузнечик — образ хорошего, искусного певца; ему противопоставляется лягушка как плохой певец (см. VII идиллию Феокрита — 41 и «Плач о Бионе» Псевдо-Мосха, 113—114).
- 150 *Оры, или Горы*, — богини сменяющихся времен года и часов.

Идиллия II

КОЛДУНЬИ

Идиллию II большинство исследователей причисляет к тем идиллиям Феокрита, которые наиболее близки к мимам; действительно, она предполагает наличие двух действующих лиц и в первой своей части как бы комментирует тот ряд магических обрядов, которые совершает героиня идиллии с помощью своей служанки, т. е. описывает драматическое действие; однако мимом в полном смысле слова это стихотворение считать нельзя; служанка не произносит ни одного звука, вся идиллия написана от первого лица, причем вторая ее часть полностью может быть причислена к лирике.

Содержание идиллии II заимствовано из реальной жизни: молодая девушка, Симайта, покинутая своим любовником, красавцем Дельфисом, и узнавшая от соседки о его измене, хочет вернуть себе его любовь с помощью магии и совершает ряд обрядов в полнолуние в пустынной местности за городом возле дороги; потом она посылает служанку завершить колдовство около дома Дельфиса, и, оставшись одна, вспоминает грустную историю своей любви. Уменье Феокрита в немногих словах раскрыть характер не только самого говорящего лица, но и тех, о ком это лицо упоминает, проявляется в данной идиллии, может быть, ярче, чем во всех других его произведениях: из нескольких слов Дельфиса, о которых вспоминает Симайта, видно, что этот красавец-атлет никогда не любил ее и что она сама виновата в своем несчастье; даже болтливая соседка, принесшая Симайте сплетню о поведении Дельфиса на пиршке, сразу выступает перед читателем как живая фигура. Ряд мелких бытовых черточек характеризуют социальное и имущественное положение Симайты: она — свободная девушка, живущая одна и имеющая одну служанку; окружающие ее люди принадлежат к мелкому свободному городскому населению. Симайта небогата — у нее есть одно нарядное платье, но когда она идет на зрелище, то плащ занимает у подруги; она — не гетера, до встречи с Дельфисом она вела скромный образ жизни и

горько жалуется на то, что он не женился на ней, но погубил ее репутацию.

Место действия, по-видимому, остров Кос или малоазийское побережье; Дельфис — уроженец города Минда, лежащего в Карии на берегу Эгейского моря против острова Кос. Предполагают, что на выбор Феокритом этой темы, стоящей несколько особняком среди других его произведений, повлиял один мим комического писателя Софрона, о котором Свидя пишет, что он был современником Эврипида (т. е. жил во второй половине V в.) и писал мимы «мужские и женские» на дорическом диалекте прозой; они пользовались большим успехом, а Платон, по словам Свида, любил их настолько, что даже ежедневно читал их перед сном. Афиней (XI, 480) приводит название одного из женских мимов — «Женщины, заклинанием изгоняющие бога» (очевидно, какого-то злого демона). Из этого мима найден фрагмент, по содержанию несколько сходный с первой частью II идиаллии: речь идет в нем о подготовке к колдовству: кому-то приказывают приготовить стол, принести соль, лавровые листья и щенка; очевидно, готовится жертвоприношение Гекате, покровительнице волшебниц и помощнице в магических обрядах. Упоминание о щенке объясняется тем, что Гекате приносили в жертву собак. В противоположность утверждению Свида, этот фрагмент написан стихами.

В 1896 г. был найден еще один небольшой фрагмент лирического стихотворения, содержащий в себе жалобу обманутой девушки; этот фрагмент написан на папирусе II в. н. э. Автор его неизвестен.

По своей композиции II идиаллия — самое совершенное, до тонкости разработанное стихотворение Феокрита. Если не только относительно I идиаллии Феокрита, но и относительно подражающих ей — «Плаче об Адонисе» Биона и «Плаче о Блоне» псевдо-Мосха нельзя говорить о строфическом построении в полном смысле слова, то во II идиаллии строфы построены абсолютно правильно: в первой половине рефрен включается после каждых четырех стихов, во второй половине — после пяти, причем каждая строфа по содержанию вполне закончена. Рефрены в первой и второй половине II идиаллии различны — первый является заклинанием, второй — обращением к Селене, считавшейся, наравне с Гекатой, покровительницей магических обрядов. Строфические части обрамлены двумя связными повествовательными: в первых 16 стихах Симайта рассказывает о своем решении обратиться к магии, а в последних 30 стихах ее рассказ становится настолько живым и напряженным, что прерывать его рефреном уже невозможно, — Симайта говорит о своем падении, измене Дельфиса и планах мести; но эти мрачные слова заканчиваются примиряющим аккордом — прекрасным прощанием с Селеной.

Общепринятое название для II идиаллии — «Колдунья»; есть.

однако, рукописи, в которых это же название стоит в единственном числе, что больше соответствует содержанию идиаллии II.

Ввиду того, что вся первая часть II идиаллии представляет собой рассказ о совершаемых Симаитой магических обрядах, мы сочли целесообразным дать последовательное объяснение их, а промежуточные стихи, требующие комментария, вынести после этой характеристики собственно «колдовства». Феокрит был, очевидно, хорошо знаком с обрядами, характерными для его времени. Большинство из них принадлежат к так называемым симпатическим, т. е. когда с целым рядом предметов производятся известные действия, которые в усиленной степени должно испытать лицо, подвергающееся колдовству.

1—2 Шерстяными нитями обвязывались разные предметы, — так же должно было стать вновь привязанным к тому, кто совершал обряд, то лицо, на которое направлялось заклинание; при этом речь всегда идет о красной шерсти. Была ли шерсть окрашена пурпуром, или под красной шерстью подразумевается шерсть рыжих овец, неизвестно. В одной эниграмме явно говорится о шерсти рыжей овцы. Кубок служил для приготовления любовного напитка.

18 *Вертишейка* (*iupx*) — небольшая птица из породы жаворонков, отличающаяся тем, что она может поворачивать голову даже назад. Миф рассказывает о происхождении ее следующее: она была нимфой, умевшей колдовать, и дала Зевсу любовный напиток, который пробудил в нем страсть к Ио (см. комментарий к «Европе» Мосха). За это Гера превратила ее в птицу и обрекла на постоянное участие в магических обрядах. Ее привязывали к колесу, которое вращалось; как вращение колеса, так и поворот шеи вертишейки должны были вернуть сердце изменника к прежней любви. Тем же названием обозначали и разные другие предметы, которые можно было вращать, употреблявшиеся при колдовстве, например, продолговатый кусок дерева, который быстро вращали при помощи привязанной к нему веревки. Такой же магический предмет из драгоценных материалов описан в следующей эниграмме («Палат. ант.», V, 205).

Мужа вернуть из заморских краев вертишейка умеет,

В спальный проникнув покой, девушку может завлечь.

Золотом ярким горит, прозрачным блестит аметистом,

Пусть же угодна она будет, Киприда, тебе.

Шерсть от красной овцы ее кругом обвивает.

Это — волшебницы дар, что из Лариссы пришла.

(Перевод М. Грабарь-Пассек)

(Ларисса — город в Фессалии; Фессалия считалась той областью Греции, где особенно процветала магия.) Подобный же предмет —

- «золотой шар с сапфиром посредине, покрытый буквами и знаками» — описан в поздних византийских схолиях.
- 18—21 В огонь сыплют ячмень — так же должны сгореть кости Дельфиса.
- 23—26 В огонь бросают лавровые ветки.
- 28—29 В огне растапливается воск — так же должно растаять жестокое сердце.
- 33—34 Артемида в магических обрядах часто объединяется с Гекатой (а иногда и с Селеной) как богиня ночи; в образе Гекаты она имеет власть отпирать ворота Аида; она должна вновь раскрыть сердце Дельфиса.
- 36 Удары в чашу имели целью отвратить враждебных духов, которые могли повредить успеху заклинаний.
- 48—49 Аркадская травка в тексте названа *hippomanes* — буквально «конское безумие»: какое растение подразумевается под этим названием, неизвестно. У Вергилия («Георгики», III, 280—284) и у Плиния Старшего («Естественная история», VIII, 42, 66) этим именем обозначается какой-то животный яд, выделяемый животными в период случки. Эта травка употребляется Симайтой опять-таки в симпатических целях.
- 53—54 В магических обрядах всегда должен быть употреблен какой-нибудь предмет, принадлежащий тому, на кого направлены чары. У Симайты осталась оторванная от плаща Дельфиса кисть; она жжет ее.
- 58 Симайта изготовляет любовный напиток, который, очевидно, намерена дать Дельфису, когда она дождется его около палестры на следующий день (ст. 8).
- 79—81 Последний симпатический обряд — служанка Симайты должна растереть на пороге дома Дельфиса магические травы, чем, по-видимому, кончается колдовство; Симайта, оставшись одна, не колдует больше, а предается воспоминаниям.
- 12 Геката — древнее божество ночи, тьмы и подземного мира; культ ее носил мистический характер и связан с культом умерших. Она считалась покровительницей волшебниц и колдуний и являлась им на помощь в ночь полнолуния. Ее изображения ставились на перепутьях, считавшихся удобными местами для выполнения магических обрядов, особенно, если сходились три пути. Сохранились тройные гермы с изображением Гекаты, ставившиеся на перепутьях.
- В черной крови* — выражение гомеровское; здесь, по-видимому, — намек на кровавые жертвы в честь Гекаты, которой приносили в жертву собак. Собаки часто воют в ночи полнолуния; поэтому считалось, что они чувствуют приближение страшной богини, несущей им смерть.
- Цирцея* (в греческом произношении *Κίρκη*) — дочь бога солнца, Гелиоса, мощная волшебница, превратившая спутников Одиссея в свиней. Одиссею удалось избежать ее чар (см. «Одиссея», X, 133—574). Местопребыванием ее считался остров Сардиния.

- 16 *Медя* — дочь колхидского царя Аэта, волшебница; она дала Язону, приехавшему в Колхиду за золотым руном, волшебную мазь, которая защитила его от огнедышащих быков. Она же помогла достать золотое руно, усыпив дракона, сторожившего руно, и бежала с Язоном в Грецию (см. трагедию Еврипида «Медя», поэму Аполлония Родосского «Аргонавтика» — III в. до н. э. и латинскую поэму Валерия Флакка — того же названия — I в. н. э.).
- Перимеда* — имя, не встречающееся более нигде, кроме элегий Проперция (II, 4, 18), где его тоже носит колдунья. Предполагают, что Перимеда и «златокудрая Агамеда», упоминаемая у Гомера («Илиада», XI, 740), дочь Авгия, знавшая «все волшебные зелья, которые порождает земля», — одна и та же мифическая колдунья.
- 45—46 *Дий* — название острова Наксоса в Эгейском море, на котором Тесей, возвращаясь с Крита после победы над Минотавром, покинул свою невесту Ариадну, дочь критского царя Миноса, которая помогла ему в борьбе с Минотавром. Покинуть и забыть Ариадну Тесею повелел Дионис, пленившийся Ариадной. В «Одиссее» (XI, 321) есть другой миф — Ариадна была убита Артемидой; по разъяснению схоластика, Артемиды убила ее за нечестие — она вступила в брак с Тесеем в священной роще.
- 48 На общественных празднествах различные предметы, необходимые для жертвоприношения (соль, венки, ножи и т. п.), несли в корзинах; нести такие корзины считалось большой честью и для этого выбирались молодые девушки из лучших семейств, носившие название канефор.
- 72 *Бисс* — желтая хлопчатобумажная ткань, дорого ценившаяся; в византийскую эпоху ее называли виссон — и употребляли для царских одежд.
- 79 Гимнасий (Gymnasion) — здание для гимнастических упражнений, состоявшее из большого двора, окруженного портиками, бань, бассейнов, колоннад со скамьями. Гимнасии были любимым местопребыванием молодежи. Для гимнастических упражнений юноши раздевались и натирались маслом (ст. 78), чтобы во время борьбы легче выскользнуть из рук противника.
- 114 *Бегун Филин* — победитель на олимпийских играх в 264—260 гг. Он был родом с Коса, и Феокрит, очевидно, хотел почтить любимым им остров, упомянув это имя в своем стихотворении. Это имя дает возможность приблизительно определить время написания идиаллии II.
- 110—120 Поднесение яблок считалось объяснением в любви. Листвой серебристого тополя был увенчан Геракл, когда вывел Кербера из Аида, тополь был посвящен ему; Геракл считался покровителем гимнастов, поэтому юноши-атлеты надевали венки из тополевых листьев.
- 133 *Липара* — остров около Сицилии с вулканом, считавшимся кузницей Гефеста.

- 161—153 По греческому обычаю вино на пирушках пили, смешивая его с водой; цельное вино пили в небольшом количестве в честь возлюбленных. Украшение двери дома, где жила возлюбленная, тоже было обычным и сопровождалось так называемой песней перед запертой дверью (*paraclausithyron*).
- 161 Ассирия (как и Халдея), по представлению греков, была страной, где магия была особенно хорошо известна.
- 147 и 162 Солнце и луна, по представлению древних, поднимаются из океана, опоясывающего землю, и при заходе погружаются в него. Эос — богиня утренней зари.

Идиллия III

КОЗОПАС, ИЛИ АМАРИЛЛИС

Идиллия III носит комический характер. Содержание ее крайне несложно: простой неуклюжий козопас хочет ненадолго отлучиться от своего стада, чтобы воспеть равнодушную, или, вернее, охладевшую к нему красотку Амариллис. Поручив своих коз подпаску Титиру, он идет к пещере, где, по его мнению, спряталась Амариллис, и сперва пытается ее упросить и убедить своими мольбами и заверениями в любви, соблазнить подарками и запугать угрозой немедленного самоубийства; когда все это не ведет к желанному результату, он поет, очевидно, заученную им песню, состоящую из мифических примеров удачного сватовства, слабо связанных между собой. Комизм положения достигается целым рядом средств: во-первых, читатель так и не узнает, действительно ли находится Амариллис в пещере — может быть, и мольбы, и угрозы, и пение затрачиваются даром; во-вторых, наивные, даже грубоватые комплименты (сравнение красавицы с куском сала и др.), полная уверенность в надежности примет образуют резкий контраст с «ученой» песней, блистающей эллинистической эрудицией и заканчивающейся ребяческой угрозой отдать себя на съедение волкам.

Относительно подлинности этой идиллии никаких сомнений ни у кого не возникало; более того — в ней пытались видеть автобиографические черты из жизни Феокрита: эпитет, который прилагает к самому себе козопас «*σπιός*» (курносый) сопоставлял с псевдонимом Феокрита (в VII идиллии и в «Свирели») — Симикид. Это предположение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть; во всяком случае, если Феокрит и подразумевал под злосчастным козопасом самого себя, то он, несомненно, хотел подшутить над собой, над каким-то своим любовным приключением и дать искусную пародию на вычурные мифологические объяснения в любви, подобные поэме Гермесианакта Колофонского: Гермесианакт, чтобы смягчить сердце своей возлюбленной Леонтион, посвятил ей три книги мифологических эле-

гий на любовные темы (одну элегию сохранил нам Афиней — «Пирующие софисты», XIII, 71—72); возможно даже, что данная пародия относится именно к элегиям Гермесианакта, так как этот поэт, как и сам Феокрит, принадлежал к косскому кругу поэтов, группировавшихся вокруг Филета.

III идиллия носит также название «Κόμος», которое трудно перевести на русский язык; ближе всего к нему подходит заимствованное слово «серенада».

Композиция идиллии проста и изящна: после краткого пролога она распадается на три двустишия (ст. 6—11) и тринадцать трехстиший, из которых восемь принадлежат к свободной речи козопаса, четыре — к песне, и тринадцатое, последнее, является эпилогом: речь прерывается ровно на половине одним стихом (ст. 24), заключающим в себе отчаянный возглас козопаса, убитого молчанием Амариллис.

10 Яблоки как символ любви (см. примеч. к идиллии II, ст. 120).

23 Бутоны — вероятно, подразумеваются нерасцветшие розы.

Сельдерей (*arrium graveolens*) имеет красивые резные блестящие листья и поэтому часто употреблялся как обрамление букетов и венков.

29—30 Гаданье, о котором здесь идет речь, описано в «Словаре» Поллукса (II в. н. э.). «Листья телефила кладут на два пальца левой руки (большой и указательный), сложенные в кольцо и ударяют по ним ладонью другой руки; если удар оказывался удачен и лист от удара разрывался, то считалось, что тот, кого лубят, вспоминает о гадающем». У Феокрита же лист этого растения кладут не на левую руку, а на локоть. Какое растение подразумевается под названием *telephilon*, неизвестно; схолиасты истолковывают его как мак. Легран полагает, что это название относится не к растению, а к способу гаданья о «далеком любимом».

31 Гаданье на сите заключалось в том, что подвешенное сито должно было двинуться в тот момент, когда называли имя лица, на которое гадали; обычно так разыскивали воров. В чем состояло неблагоприятное показание сита — неизвестно.

31, 35 Имена старух-гадалок и Мермнона — вымышленные.

37 Миганье правым глазом считалось хорошей, левым — дурной приметой.

40 Гиппомен — юноша, победивший хитростью знаменитую охотницу Аталанту, обещавшую свою руку тому, кто победит ее в беге; Гиппомен получил от Афродиты яблоки и на бегу бросал их на землю; Аталанта, поднимая их, отстала от него, а яблоки Афродиты пробудили в ней любовь.

43—45 Биант, царь Аргоса, просил руки Перо, дочери Нелея, царя Пилоса. Нелей потребовал, чтобы ему пригнали из Фессалии стада быков.

принадлежавшие некогда его матери Тиро и угнанные фессалийским царем Ификлом; стада паслись на фессальском горном хребте Отресе. Задача была нелегкой, так как Пирос, лежащий в южной части Пелопоннеса, отдален от Фессалии более чем на 300 км. Брат Бианта, Меламп, прорицатель и врач, отправившийся к Ификлу, сперва был задержан им как пленник, но потом за многие услуги в качестве врача получил в награду стада, которые пригнал Нелею. Биант взял в жены Перо и имел от нее дочь Алфесибою.

¹⁷ *Кифрея* — эпитет Афродиты от острова Кифера, где был ее известный храм.

¹⁹ *Эндимион* — красавец-пастух, в которого влюбилась богиня луны Селена, когда он спал в пещере горы Латмос в Карии.

⁵⁰ *Язион* — возлюбленный богини Деметры, пользовавшийся поклонением в Элевсинских мистериях. Элевсинские мистерии — культовые празднества в честь Деметры и Персефоны в Элевсине, в Аттике; празднества совершались ночью и для участия в них требовался особый обряд посвящения.

Идиллия IV

ПАСТУХИ, ИЛИ БАТТ И КОРИДОН

Данная идиллия, которую можно скорее назвать мимом, не имеет какой-либо определенной темы, а представляет собой непринужденную болтовню двух случайно встретившихся, но уже знакомых между собою молодых деревенских парней — Батта и Коридона. Согласно заголовку идиллии, они оба — пастухи, но из самой идиллии этого не следует; по своему социальному положению они, очевидно, свободные поселяне, а не рабы, как пастухи в идиллии V. Коридон пасет стадо коров по поручению некоего Айгона, владельца стада, отправившегося на олимпийские состязания; однако отец Айгона присматривает за тем, чтобы Коридон честно выполнял поручение. О том, чем занимается Батт, в идиллии речи нет; по-видимому, он был некоторое время в отсутствии и теперь, встретив товарища, спешит расспросить его о деревенских новостях. Беседа легко переходит с предмета на предмет: сперва обсуждается отъезд Айгона, хозяинского сына, в Олимпию: Айгон — известный деревенский силач (ст. 33—37), но Батт выражает сомнение в том, сможет ли он выступить на состязаниях в Олимпии, требующих, конечно, особой подготовки (ст. 7 и 26—28); потом Батт начинает подшучивать над Коридоном, видимо, честным, но не очень ловким пастухом; за время их болтовни стадо разбрелось и им приходится гоняться за непослушными коровами, причем Батту впиивается в ногу колючка; после

удачного извлечения ее приятели заканчивают свою веселую беседу сплетней о старом хозяине, равнодушно к какой-то чернобровой красоте.

Вся эта, по существу бессодержательная, сценка передана в высшей степени просто и естественно; мастерство Феокрита сказывается особенно в том, что даже в беглых, как будто случайных, вопросах и ответах совершенно ясно очерчены различные характеры обоих собеседников: Коридон добродушен, доверчив и недогадлив, Батт — любопытен и насмешлив.

Место действия — южная Италия; в идиллии много географических названий местностей, лежащих около южной части Тарентского залива (см. примеч. к отдельным стихам). Несколько противоречит общему реалистическому характеру идиллии упоминание о поэте Пирре и сочинительнице мелодий Главке; Пирр и Главка — современники Феокрита, уроженцы островов Эгейского моря; имена их были хорошо знакомы самому Феокриту, но известность их была не настолько велика, чтобы простые пастухи Южной Италии знали о них. Введение намеков на современные ему события — частый прием Феокрита. Относительно подлинности идиллии IV никаких сомнений нет.

⁶ *Алфей* — река в Элиде, протекавшая мимо храма Зевса в Олимпии и поэтому считавшаяся священной (миф об Алфее — см. примеч. к Мосху, «Разные стихотворения», III). Здесь название реки употреблено вместо названия самого города Олимпии.

Милон — имя знаменитого атлета VI в. до н. э., который был родом из Кротона, — победителя на олимпийских, истмийских и пифийских играх; Милон прославился тем, что пронес на плече четырехлетнего быка, в тот же вечер зарезал его и съел один все его мясо; эти черты Феокрит перенес в идиллии IV на Айгона (ст. 35—39); а Милону идиллии IV Феокрит дал имя его знаменитого предшественника, чтобы читатель вспомнил об этом анекдотическом герое.

^{8—9} На сравнение Айгона с Гераклом, которое Коридон делает в серьезном тоне, Батт отвечает шуткой: его мать, которая едва ли была авторитетным судьей в атлетических играх, говорила ему, что Айгон слабей Полидевка, одного из Диоскуров, мифического кулачного бойца (см. идиллию XXII — «Диоскуры»).

¹⁰ Айгон взял с собой лопату, чтобы посыпать песком арену перед состязанием и разравнять ее. Эту работу атлеты обычно делали сами, не доверяя ее никому. У Афиней имеется забавное сообщение на этот счет: «Когда в Кротоне один из атлетов равнял лопатой песок, некоторые жители Сибариса, видя это, удивились и сказали: неужели в таком огромном городе нет рабов, которые расчистили бы для атлетов палестру?» (Афиней, «Пир соф.», XI, 15).

Два десятка баранов, которые Айгон взял с собой, должны были служить пищей для него (а может быть, и для покровительствовавшего ему Милона) в течение пути и десяти дней состязаний.

- 11 *Пригласить волков смотреть за стадом* — вероятно, поговорка, соответствующая русской «пустить козла в огород».
- 17 *Айсар* — река в Южной Италии, на которой во времена Феокрита стоял город Кротон; в настоящее время ее русло изменилось и она впадает в Тарентский залив севернее его.
- 19 *Латимн* — гора около Кротона.
- 21—22 *Ламприад* — имя, нигде больше не встречающееся. Вероятно, это — имя героя или полубога, считавшегося покровителем данного округа; такие покровители назывались эпонимами, так как по их имени назывался округ. Батт, недоброжелательно относящийся к жителям этого дема, насмехается над их бедностью, советует им приобрести захудалого бычка для жертвы в праздник Геры; сельские демы соперничали между собой в устройстве таких празднеств.
- 23 *Стомалинн* — частое название морских заводей, буквально «устье залива».

Выгоны Фиска — значение точно не известно, схолиасты считают Фиск названием горы, современные комментаторы — собственным именем какого-то богатого человека.

- 24 *Неайт* — река в окрестностях Кротона.
- 25 *Козья мука* (*melampyrum agrvense*) — «полевой марьянник», цветок, родственник «Иван-да-Марье».

Сухостебель (*Conyza squarrosa*) — обиходное название «комарник».

Медвянка — *Meliteia* = *Melissa officinalis* — мята лечебная.

- 27 *Аид* — см. примеч. к идиллии I ст. 63.
- 29 *Писа* — в древности главный город средней части Элиды (Писатиды), лежавший недалеко от Олимпии и разрушенный, по мнению некоторых писателей, во время мессенских войн в V в. до н. э. Другие, в том числе Страбон, вообще отрицают его существование, так как от него не осталось никаких следов. Однако его название нередко употреблялось вместо названия Олимпии.
- 32 *Кротон* — большой город в Южной Италии, колония, основанная греками в VIII в. до н. э.; в III в. до н. э. была покорена римлянами.
- Упоминание Коридоном Закинфа вызвало полемику между комментаторами; Закинф (теперь Закинтос) — красивый остров, лежащий около западного берега Пелопоннеса; почему его воспевают южно-италийский пастух, комментаторы объясняют так: во-первых, между Закинфом и Кротоном существовали тесные политические связи, что отразилось, например, на общем типе их монет; во-вторых, возможно, что Коридон приводит здесь начало какой-то известной в то время песни, восхваляющей красоту Закинфа; он же сам хочет сравнить с ним красоты своего родного города Кротона.

- 33 *Лакиний* — мыс на юго-восток от Кротона с знаменитым храмом Геры, о котором пишет в I в. н. э. Тит Ливий: «В шести милях от Кротона лежит храм Юноны, более знаменитый, чем сам город, почитаемый всеми окрестными народами, славящийся не только как святилище, но известный и своим огромным богатством» (XXIV, гл. 3).
- 63 *Сатиры* — веселые козлоногие, похотливые божества, спутники Диониса, главные участники его празднеств, вакханалий.

Идиллия V

КОМАТ И ЛАКОН

Идиллия V имеет некоторое сходство с предыдущей идиллией IV, она разыгрывается в той же местности, на восточном берегу Тарентского залива, но несколько севернее, между Сибарисом и Фуриями. В ней также участвуют два пастуха, Комат, старый козопас, и Лакон, молодой пастух, пасущий стадо овец и баранов. Однако и социальное положение их, и характеры совсем иные, чем у веселых собеседников IV идиллии; и Лакон, и Комат — рабы; господин Лакона — фуриец Сибирт, Комата — сибарит Эвмар (ст. 72—73). Комат и Лакон относятся друг к другу с нескрываемой враждебностью и подозрительностью, что видно из первых же стихов; в дальнейшем же они переходят к прямым оскорблениям и грубым намекам.

Идиллия V, подлинность которой не подвергалась сомнениям, открывает собой ряд идиллий, центральной частью которых является состязание в пении; этот ряд заканчивается идиллией X (см. комментарий к ней). Идиллии VIII и IX, признающиеся неподлинными, включены сюда, по всей вероятности, именно по этому характерному признаку.

В состязании Комата и Лакона Феокрит, как признают все исследователи и комментаторы, воспроизвел наиболее примитивную форму соперничества в искусстве так называемого амебейного пения, — обмена короткими двустушиями самого разнообразного, иногда очень примитивного содержания. По свидетельству этнографов и путешественников такие состязания имеют место и в наше время у южных и восточных народов; в частности, именно в Сицилии происходят такие испытания поэтических дарований; певцы обмениваются импровизированными куплетами, называемыми *sfide*.

Из двух состязающихся положение второго более затруднительно: первый, так сказать, задает тему, постоянно меняя ее; второй должен немедленно отвечать репликой, аналогичной вступлению соперника и по содержанию, и по форме. В V идиллии ведущим является ста-

рик Комат, он же и выигрывает состязание: дровосек Морсон, призванный в качестве судьи, присуждает ему награду. Это обстоятельство не раз вызывало удивление исследователей, поскольку Лакон, на долю которого выпала более трудная роль, очень удачно и метко реагирует на постоянно меняющиеся по содержанию двустушия Комата. Это недоумение ученых свидетельствует лишь о том, что к спору Комата и Лакона ученые подходили с чисто литературным анализом, не учитывая тех, весьма конкретных, намеков, которые дает сам Феокрит: дело в том, что состязание затевает Лакон, молодой и самоуверенный, твердо надеющийся на успех (ст. 22). Однако для состязания нужен судья, а пастуха Ликопа, который был бы желателен для Лакона, поблизости не оказывается. Тогда хитрый Комат предлагает позвать дровосека Морсона, очевидно, своего хорошего знакомого, но не зовет его сам, а предлагает Лакону позвать его (ст. 66), чтобы потом не навлечь на себя нареканий; однако по тому, как они оба обращаются к дровосеку, видно, что Лакон с ним незнаком — он называет его чужаком или гостем — ξένε, а Комат говорит ему два раза «Морсон дружище» и «милый мой», иронически представляя ему Лакона как раба фурийца Сибирта, за что Лакон сердится (ст. 74—75), очевидно, желая выдать себя за владельца стада; Комат, опять-таки с насмешкой упрекает его в хвастовстве и жадности. Далее, неслучая на то, что открыть состязание должен тот, кто затеял его, т. е. Лакон, Комат спешит взять на себя первую роль; заручившись благосклонным судьей и поставив себя в более выгодное положение, он, конечно, выигрывает состязание; а что Морсон ясно понимает, зачем его пригласили, явствует из его слов: «Пришли-ка Морсону кусочек получше» (ст. 140), так как он своим приговором доставил Комату хорошего барашка. Лакон же, даже в случае победы, получил бы в награду козла, т. е. совершенно несъедобное мясо, ибо имел неосторожность отказаться от козленка (ст. 25—30).

По всей вероятности, то, что не сразу бросается в глаза нам, было вполне ясно читателям Феокрита, которые воочию видали такие состязания, хорошо знали о тех приемах, с помощью которых можно их выиграть, и потешались над тем, как хитрый старик провёл молодого нахала.

- 14 Лакон обижен Коматом, назвавшим его «рабом Сибирта» и в своем ответе иронически обращается к нему как «к свободному» гражданину ἀλεύερε.
- 16 *Кратис* — река в Южной Италии, приток реки Сибариса, впадающий в нее недалеко от города Сибариса.
- 18 *Свинья спорит с Афиной* — поговорка.
- 20 *Спорить с кузнециком* — см. примеч. к идиллии I, ст. 148.

- 43 Пожелание неглубокой могилы считалось проклятием, так как такая могила могла быть легко разрыта голодными собаками; соответствует русскому ругательству «ни дна, ни покрывки», в полной форме глаголю «гроб тебе без дна и покрывки».
- 51 *Грезы нежней* — ср. идиллию XV, ст. 125.
- 83 *Карнейские дни* — дорийский праздник в честь Аполлона, справлявшийся в Спарте и ее колониях скотоводами и пастухами.
- 121—122 *Сцилла* (*scilla maritima*) — морской лук и *цикламен* (теперь называемый обычно альпийской фиалкой) считались слабительными и рвотными средствами; Комат и Лакон рекомендуют друг другу обратиться к ним, чтобы освободиться от накопившейся желчи. Возможно, здесь имеется и намек на какие-то магические свойства этих растений, особенно ввиду того, что цветы, выросшие на могилах, употреблялись при магических обрядах.
- 123 *Галент* — название многих рек; здесь река в Южной Италии.
- 124 *Гимера* — название нескольких рек в Сицилии.
- 129 *Земляничные кусты*, или *земляничное дерево* (*arbutus unedo*), — цветет весной белыми душистыми цветами; его мелкие и красные плоды напоминают ягоды земляники.
- 131 *Пышный кустарник* (*Kissos — cystus cretica* — ладанник) — кусты, растущие в обилии по берегам Средиземного моря и выделяющие ароматную смолу.
- 150 *Мелангий* — пастух Одиссея, изменивший ему и жестоко им наказанный; по-видимому, форма проклятия — пожелание себе такой же гибели, как Мелантию, в случае измены своему слову (соответствует русскому «провалиться мне на этом месте» и т. п.).

Идиллия VI

ПАСТУХИ-ПЕВЦЫ ДАФНИС И ДАМОЙТ

В идиллии VI, одной из самых коротких и изящных идиллий Феокрита, поэт рассказывает о состязании двух молодых пастухов, один из которых носит классическое пастушеское имя Дафниса, другой зовется Дамойтом. В противоположность V идиллии, вполне реалистической, даже скорее натуралистической, данное стихотворение является идиллией в буквальном, современном смысле слова: место действия не определено, время действия — прекрасный летний день: пастухи не враждуют и даже не соперничают друг с другом, а забавляются, разыгрывая в своих песнях комическую сценку, по окончании которой обмениваются подарками и на подаренных друг другу музы-

кальных инструментах — флейте и свирели — играют так весело, что даже их коровы пускаются в пляс. Состязание заключается не в пении двустий, а в двух «ариях» на мифологическую тему о любви Киклопа Полифема к прелестной nereиде Галатее — тему весьма подходящую для разработки ее в комическом плане.

Мысль о такой трактовке образа страшного и отвратительного Полифема, похравшего живьем спутников Одиссея и ослепленного им, принадлежит не Феокриту: его предшественником был поэт Филоксен (435—380 г. до н. э.), написавший дифирамб (небольшое театральное представление) на эту тему, из которого до нас дошло только несколько разрозненных стихов. В схолиях к Аристофану о Филоксене рассказывается, что он, живя при дворе Дионисия Старшего, стал ухаживать за его наложницей, сравнивая ее с Галатеей; за это он был брошен в тюрьму, но бежал на Киферу, там сочинил драму и вывел в ней Дионисия под видом неуклюжего Киклопа, безнадёжно влюбленного в красавицу Галатею. В схолиях же к Феокриту добавлено, что Филоксен изобразил Киклопа, говорящего с самим собою о своей любви и просящего дельфинов рассказать об этом Галатее, а также сказать ей, что его утешают только Музы. Этот момент Феокрит развивает в идилии XI (см.), которая заканчивается тем, что Киклоп решает не обращать внимания на Галатею и своим мнимым равнодушием покорить ее; именно это его поведение и изображено в песнях Дафниса и Дамойта⁴: Дафнис поет свою песню от лица не названного им какого-то приятеля Полифема, который в шуточном тоне изображает пробудившуюся страсть Галатее и ее попытки снова пленить Киклопа. Дамойт исполняет роль самого Полифема; глупость и самоуверенность, характерные для этой роли, изображены Феокритом с присущим ему мастерством.

Идилия VI посвящена некоему Арату, вероятно, тому же другу Феокрита, о котором говорит в своей песне Симихид в VII идилии (см.). Является ли этот Арат тем поэтом, от которого дошла до нас астрономическая поэма «Φαινόμενα», установить не удалось; новейшие исследователи склоняются к тому, что это — разные лица. Имя Арата было распространено на острове Кос, и об Арате, друге Феокрита, никаких сведений, кроме двукратного упоминания его имени у Феокрита, не имеется.

- ¹⁸ Ставку последнюю ставит — приблизительный перевод греческого выражения «двигает камень с черты». Это выражение происходит от игры под названием «petteia», несколько сходной с шахматами: в нее играли на доске в 36 клеток маленькими камешками, которые передвигались по линиям между клетками; доска была разделена пополам

⁴ Предполагают, что идилия XI написана раньше VI, так как VI идилия по содержанию является как бы продолжением XI.

- линией, называвшейся священной чертой, и камешки, попавшие на нее, пускались в ход только в случаях крайней необходимости.
- ²³ *Телем* — прорицатель, предсказавший Полифему, что он будет ослеплен (*Одиссея*, I, 509).
- ³⁸ *Парос* — остров в Эгейском море, славившийся каменоломнями белоснежного мрамора, употреблявшегося для самых дорогих статуй.
- ⁴⁰ *Колдунья Котигарис* — имя вымышленное.

Идиллия VII

ПРАЗДНИК ЖАТВЫ

Идиллия VII признается всеми исследователями творчества Феокрита за одно из лучших его произведений. Она написана от первого лица; в ней Феокрит вспоминает о прогулке, которую он совершил когда-то в прекрасный день в конце лета со своими друзьями во время своего пребывания на острове Кос. Хотя в эту идиллию, как и в большинство буколических, включено состязание певцов, оно носит здесь особый характер (см. ниже), и главная прелесть идиллии VII заключается не в песнях соперников, а в описаниях ландшафта и в передаче радостного настроения людей, вырвавшихся из города на лоно природы.

Однако интерес исследователей к данной идиллии, которой посвящено немало страниц в комментариях, объясняется не столько ее красотами, сколько ее значением для истории литературы. Ее биографический характер совершенно ясен, что, конечно, в известной степени интересно; но гораздо важнее другое обстоятельство. В этой идиллии Феокрит дает понятие о вкусах и интересах того литературного направления, к которому он примкнул, и не только намечает свою программу, но даже вступает в полемику с представителями других тенденций в литературе. Эта историко-литературная основа VII идиллии раскрывается в ходе бесед со спутником, с которым Феокрит и его друзья проходят часть пути. Спутника этого Феокрит называет Ликидом и выводит в одежде пастуха, но по ходу их беседы читателю становится ясным, что это — только буколический маскарад и что спутник Феокрита не козопас, а поэт. Сам Феокрит, называющий себя пастухом Симихидом, сейчас же предлагает начать состязаться в «пастушеских» песнях, причем со скромностью, недалекой от хвастовства, говорит, что он не верит тем похвалам, которые ему пришлось слышать на свой счет, и что он не мог бы победить Сикелида Самосского и Филета. Феокрит прибегает здесь к своеобразному литературному приему — начав повествование от своего лица и включившись в буколический маскарад, он вдруг вводит

в него подлинные имена действительно существовавших поэтов, чем сам же разоблачает свою маскировку под пастуха. Под именем Сикелида, по указанию схолиаста, Феокрит подразумевал Асклепиада Самосского, известного поэта (в одной только «Палатинской антологии» имеется около 400 его эпиграмм), которого называли Сикелидом по его отцу; Филета же, которого в это время, вероятно, уже не было в живых, Феокрит называет без псевдонима; в лице Ликида, «кидонийского мужа», как предполагают, изображен Досиад Критский (Кидония — город на Крите).

В своей беседе Ликид и Симикид высказываются за поэзию «малых форм» против эпических поэм и их творцов, подражающих «хиосскому старцу» — Гомеру (ст. 45—49), и после этого поют свои «пастушьи напевы», в которых, кроме имен и упоминания о нескольких пастушеских мифах и о лесном боге Пане, нет ничего пастушеского. Обе песни ничуть не напоминают ни двустиший V идиллии, ни перепевов VI и X идиллий, ни серенад пастуха III идиллии и Полифема XI; это — вычурные стихотворения, переполненные собственными именами и намеками, не вполне понятными нам, но, вероятно, доставившими большое удовольствие участникам того кружка поэтов, к которому принадлежал Феокрит. Кто подразумевается в песне Ликида под именем Агеанакта, схолиасты не объясняют, но едва ли можно сомневаться и в том, что это имя обозначает какое-то реальное лицо, и в действительном факте его отъезда. В песне Симикида — Феокрита упоминается имя Арата (см. VI идиллию), одного из его близких друзей. Симикид еще больше, чем Ликид, почитает свою эрудицию в географии и мифологии. После этого спутники расстаются, и Феокрит переходит к лучшей части своей идиллии — описанию богатого урожая и сладкого отдыха. Идиллия заканчивается обращением к Деметре — богине, пославшей этот урожай.

1 Галент — сельская местность на острове Кос; из одной косской надписи известно, что на северном берегу Коса был дем под названием Галентинский и местечко Галент (теперь Аликэ). Кого подразумевает Феокрит под именами Эвкрита и Аминта, неизвестно. Имя Аминта многократно использовалось в буколиках и пасторалях новой европейской литературы.

2 Део — другое имя Деметры.

3—8 Антиген и Фрасидам и их отец Ликопей, были, согласно схолиям, представителями местной косской аристократии. Феокрит здесь же дает их родословную: они произошли от мифического косского царя Эврипила, сына Посейдона, женатого на Клитии и имевшего сына Халкона. Источник Бурина, миф о происхождении которого Феокрит

- рассказывает здесь, действительно существует и находится в расстоянии часа ходьбы от города Кос.
- 10 Могильные насыпи известных лиц часто помещались около дорог; имя Брасил, упоминаемое Феокритом, больше нигде не встречается.
- 12 Кидония — город на Крите (см. комментарий к идиллии VII).
- 35 Буквально: «общий путь — общая заря»; по-гречески — рифмованная поговорка.
- 40 См. комментарий к идиллии VII.
- 41 О сравнении с кузнечиком и лягушкой см. примеч. к идиллии I, ст. 148 и «Плач о Бионе», ст. 106—107.
- 47 Хиосский старец — Гомер. За честь считаться родиной Гомера спорили семь городов; но Хиос упоминается в литературе чаще других. Геллий приводит такую эпиграмму (III, 11):
Спорят семь городов за честь быть Гомера отчиной:
Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины.
- 52 Митилена — главный город острова Лесбос.
- 53—54 Козлята и Орион — созвездия, стоявшие на западе по утрам в октябре, в период осенних бурь.
- 57 В древности было распространено поверье, что чайки строят гнезда прямо на морских волнах во время осеннего равноденствия и что после этого в течение двух недель не бывает бурь, так как неренды охраняют чаек, пока они не выведут птенцов. Поэтому Ликид обращается к чайкам с просьбой о затишье на море.
- 65 Кратер — большая чаша, в которой смешивали вино с водой.
- 66 Птелея — название двух городов в Греции, одного в Фессалии, другого — в Аркадии. Вино, вероятно, производилось в первом из них.
- 71—72 Ахарна — дем в Аттике, Ликопея — местность в Этолии.
- 73 Ксения — см. комментарий к идиллии I.
- 75 Гимера — см. примеч. к идиллии V, ст. 124.
- 76—77 Гем и Родопа — горные хребты во Фракии.
- 78—82 Здесь передается, по-видимому, южноиталийский или сицилийский миф, больше нигде не встречающийся; в схолиях он разъяснен так: пастух Комат, раб-певец, приносил часто в жертву Музам коз из стада своего хозяина; заключенный за это в ларь и обреченный на голодную смерть, он был спасен Музами, по велению которых его кормили медом пчелы.
- 96 Чиханье считалось приметой близкого счастья для того, против кого находился чихнувший.
- 98 Арат — см. примеч. к идиллии VI, ст. 1.
- 101 Форминга (phorminx) — семиструнная лира особой формы.
- 103 Гомола — гора в Фессалии, где Пан пользовался особым поклонением.

- 106 Пан, по-видимому, считался хотя и богом, но таким, с которым можно было обращаться запросто и наказывать его изображения, если он плохо помогал своим почитателям. Угрозы Симихида по отношению к нему (ст. 110—114) носят шуточно-непочтительный характер.
- 111 Эдоны — горное фракийское племя.
- 112 Геброн — река во Фракии (теперь Марица).
- 114 Блемии — племя эфиопов, живущее в пустыне у верховьев Нила. Так как с ними культурные народы античного мира не встречались до правления Траяна, то о них рассказывали всевозможные небылицы.
- 115 Гиегид и Библид — источники в Малой Азии около Милета.
- 116 Ойкунт — город в Карии (Малая Азия) со святилищем Афродиты. Диона — мать Афродиты, дочь Океана и Тефии.
- 130 Пикса — город на острове Кос.
- 148 Кастальский ключ — источник неподалеку от дельфийского святилища.
- 148 Фол — кентавр, у которого Геракл был гостем, когда шел сражаться с Эрмимантским вепрем; он угощал Геракла старым вином, за что подвергся нападению других кентавров, но его защитил Геракл.
- 130 Хирон — старый кентавр, учитель и друг Геракла.
- 151—152 Анап — см. примеч. к ст. 68 идиллии I.
- Полифем — см. комментарий к идиллии VI.

Идиллия VIII

ПАСТУХИ-ПЕВЦЫ ДАФНИС И МЕНАЛК

Идиллия VIII — буколическое стихотворение в полном смысле слова; более того, она, может быть, больше всех других идиллий является идиллией в современном значении этого термина. Центральную часть ее составляет состязание в пении, причем — что необычно — оно состоит из двух разных частей: первая часть заключает в себе в данное время семь строф, написанных элегическим дистихом; каждая строфа состоит из двух дистихов. По композиции строф и по соответствию их друг другу легко определить, что эта часть состязания дошла до нас не полностью; нечетного числа строф быть не может; во всяком случае, отсутствует одна строфа (после 6-й по счету). Возможно, что перед последней строфой выпали еще две строфы, так как нынешние 6-я и 7-я строфы не соответствуют друг другу по содержанию. Вторая часть состязания тоже построена по-новому: она состоит из дистихов уже не элегических, а написанных гексаметром, как дистихи в V идиллии. Однако они не перемежаются друг с другом попарно, а даются группой по четыре дистиха в «партии» каждого певца; содержание вторых четырех дистихов не соответствует содержанию четырех первых.

Как всегда, состязание имеет пролог и эпилог; действующие лица — мальчики-пастушки, Дафнис и Меналк, из которых первый пасет рогатый скот, второй — овец и коз. Имя Дафниса здесь, по-видимому, употреблено не случайно, так как в заключительном стихе идиллии сообщается, что он, возмужав, женился на нимфе Наиде, т. е. здесь подразумевается мифический пастух Дафнис (см. I Идиллию), но еще в детском возрасте.

Пролог — разговор между мальчиками, выбор наград и приглашение в судьи козопаса, пасущего неподалеку свое стадо, — написан живо и легко. В эпилоге и победитель Дафнис, и побежденный Меналк ведут себя сообразно своему возрасту: первый прыгает и хлопает в ладоши, второй — плачет от обиды. В таком же ребяческом наивном тоне написана вторая часть состязания; напротив, песни, написанные элегическими дистихами, изображают не мальчиков, а взрослых влюбленных мужчин.

Вокруг VIII идиллии много раз разгоралась ярая полемика, темой которой служили два момента: во-первых, единое ли это произведение или контаминированное; во-вторых, принадлежит ли оно Феокриту или кому-либо из его подражателей.

Признаками контаминации считают введение лирического размера в жанр буколики, придерживающийся во всех известных нам образцах эпического гексаметра; разный, как сказано выше, характер песен в первой и второй части состязания.

Оба эти соображения не вполне убедительны: введение лирического размера могло быть, так сказать, экспериментом по комбинации форм. Что такие случаи бывали, доказывает упоминание Аристотелем в «Поэтике» некоего Херефона, испробовавшего в своей поэме самые разнообразные размеры. Второе возражение еще менее доказательно: мальчики могли петь на состязании не только сочиненные ими самими песни, а и песни, знакомые им, — как поет свою мифологическую серенаду пастух в III идиллии. Кроме того, именно мальчики-подростки, какими изображены здесь Дафнис и Меналк, более всего склонны подражать взрослым мужчинам и могли и сами сочинять песенки, в которых изображали себя страстно влюбленными. Во второй же части они решили нарисовать самих себя; именно такую мысль мог иметь поэт; следует признать ее остроумной и соответствующей изображаемым характерам.

Был ли автором VIII идиллии сам Феокрит или нет, решить, конечно, невозможно. Восьмая идиллия помечена в большинстве рукописей именем Феокрита, что, правда, не может служить надежным доказательством, так как в этих рукописях с его же именем встречаются и другие стихотворения, безусловно не принадлежащие ему; более убедительны чисто лингвистические доводы — идиллия VIII переполнена словами и оборотами, не встречающимися нигде в под-

линых идиллиях. Следует признать, как это бывает в большинстве случаев, что на вполне надежное решение этих вопросов едва ли возможно рассчитывать. Однако по своим художественным достоинствам идиллия VIII вполне достойна быть причисленной к лучшим образцам буколического жанра. Недаром в защиту ее выступало немало видных филологов — в XVIII в. голландец Фалькенаар, в XIX — итальянцы Биньоне и Ростаньи. Да и Легран, поместивший VIII идиллию, согласно традиции, в раздел неподлинных, приводит во введении к ней столько доводов, вызывающих сомнение в ее неподлинности, что он сам, по-видимому, хотел бы иметь возможность с уверенностью приписать ее Феокриту.

18—22 Свирель в девять трубок существовала в действительности; ее изображение имеется на сиракузских и аркадских монетах. По всей вероятности, она ценилась выше обычной семистволенной.

52 *Протей* — морской бог, сын Посейдона (по другой версии — Океана), живущий на острове Фарос возле дельты Нила; о нем упоминает уже Гомер («Одиссея», IV, 404, 441); большую роль он играет в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Протей обладал способностью превращаться в различных животных и даром предсказывать будущее; он изображался в виде старого пастуха, пасущего стадо тюленей. Поэтому Меналк и приводит Протея как пример того, что занятие пастуха — дело почетное.

53 *Пелопс* — внук Зевса, сын Тантала, владевший почти всем Пелопоннесом; от него полуостров и получил свое название.

Крез — лидийский царь VI в. до н. э., славившийся своим чрезвычайным богатством; впоследствии побежден Киром.

Идиллия IX

ПАСТУХИ-ПЕВЦЫ ДАФНИС И МЕНАЛК

Идиллия IX в настоящее время признается всеми исследователями за неудачную имитацию подлинных буколических стихотворений Феокрита. Центральная часть ее, как и в идиллиях V и VI, — соствязание певцов. Песенки, которые поют пастухи, носящие те же имена, что и мальчики-пастушки в идиллии VIII, состоят каждая из семи стихов и построены с соблюдением параллелизма. Они содержат в себе похвалы жизни пастухов: один из пастухов живет около ручья, где он постелил себе шкуры коров, другой в пещере, где горит огонь, около которого он отдыхает на овечьих и козьих шкурах; первое приятно летом, второе зимой. Бессодержательность этих

песенок бросается в глаза при сравнении их не только с изящным состязанием в «ариях» VI идиаллии, но и с двустихиями V идиаллии, требующих от первого исполнителя изобретательности в нахождении все новых мотивов, а от второго — большой находчивости в сочинении подходящего ответа.

Состязанию предшествует строфа — шесть стихов, представляющих собой обращение к обоим пастухам с просьбой согнать их стада вместе (мотив, заимствованный из VI идиаллии) и спеть песни. Кстати, между этим введением и песнями имеется забавное противоречие: во введении оба пастуха пасут рогатый скот, в песнях — второй пастух оказывается владельцем козьих и овечьих шуток.

За состязанием следует заключение — вернее, два заключения, что не раз вызывало недоумение филологов. Первое написано от первого лица — вероятно, от имени того, кто во введении просил пастухов петь; оно рассказывает о тех примитивных наградах — дубинке и ракушке — которые были вручены обоим певцам. Состязание, как в VI и в VII идиаллиях, не привело к победе одного из двух певцов, оба оказались награждены.

Второе заключение (обращение к Музам), более изящное и поэтичное, чем все предыдущее стихотворение, совсем не связано с ним по содержанию и, по всей вероятности, механически присоединено к нему. В свою очередь в нем имеется один стих (не включенный нами в перевод), тоже, несомненно, к нему не принадлежащий. Он вставлен между ст. 29 и 30.

Пусть на конце языка у меня не появится прыщик.

Этот стих говорит о примете, по которой прыщи появляются после каких-либо лживых заверений, обличая лжеца; сходный стих имеется в идиаллии XII (ст. 24); но там он вполне обоснован, так как он подтверждает любовные клятвы; здесь же, в обращении к Музам, он совершенно неуместен.

Таким образом, вся идиаллия IX представляет собой неискусно слаженный конгломерат буколических мотивов, заимствованных из разных идиаллий.

¹¹ *Земляничный куст* — см. примеч. к идиаллии V, ст. 129.

²⁵ Огромная раковина, о которой здесь идет речь, называется *tuba tritonia*; мясо ее улитки съедобно.

²⁴ *Гикара* — город на северном берегу Сицилии, недалеко от Панорма (теперь Палермо).

³⁵ *Цирцея* — см. примеч. к идиаллии II, ст. 15.

Идиллия X

РАБОТНИКИ ИЛИ ЖНЕЦЫ

Идиллия X выходит за рамки собственно буколических идиллий в узком смысле слова; действующие лица в ней — не пастухи, а два наемных свободных жнеца (ст. 45). Кроме того, она не имеет ни пролога, ни эпилога и поэтому по форме это мим. Хотя в идиллию X включены две песни, исполняемые обоими собеседниками. Букаем и Милоном, но они не являются песнями на состязании в пении, а сплетены с самим действием и служат для характеристики двух людей, различных и по возрасту; и по душевному облику: Букай молод, наивен и влюблен; Милон — пожилой работник, суровый и насмешливый. Букай поет песню, восхваляющую прелесть флейтистки Бомбики, а Милон — рабочую песню, состоящую из отдельных двустиший, довольно слабо связанных между собой, но, по всей вероятности, наиболее близко воспроизводящих подлинную песню с ее бодрым, суровым и грубоватым юмором; поэтому эта идиллия особенно ценна для историков литературы. Помимо песни Милона, в идиллии X много оборотов и изречений, явно носящих характер народных поговорок и пословиц. Подлинность X идиллии сомнению не подвергается.

- 2 *Вести прямо полосу* Букай должен был потому, что жатву собирали не серпом, а косой; поэтому выбивавшийся из ряда косарь мешал другим товарищам.
- 11 *Пусть собака не пробует мяса* — поговорка, встречающаяся у Горация («Сатира», II, 5, 83). В буквальном переводе речь шла бы не о мясе, а о требухе.
- 13 *Хлещешь вино...* — по-видимому, тоже поговорка. Милон считает, что любовь — пустое дело и занятому человеку не до нее.
- 17 В тексте буквально *«Бог нашел преступника»* — поговорка. Милон хочет сказать, что Букай ничего лучшего не заслуживает за свои нелепые мечты. Бомбику он называет саранчой за худобу и загар.
- 19 *Плутос, бог богатства, сын Деметры и Язиона* (см. III идиллию, ст. 50), изображался слепым — как символ того, что он распределяет богатство не по заслугам (см. Аристофан «Плутос»).
- 26 Сирийкой зовут Бомбику за смуглый цвет лица. Это сравнение — косвенный намек на то, что действие происходит на Востоке, в Малой Азии или на Эгейских островах, где сирийцев было много.
- 27 Этот стих был, по-видимому, использован Лукрецием (IV, 1160) в его насмешках над слепотой влюбленных («Черная кажется им медоцветной»).
- 28 *Гиацинт, часто упоминаемый в лирических стихотворениях.* — не тот

цветок, который мы теперь называем этим именем; предполагают, что в древности так называли дикорастущий фиолетовый ирис (*Iris germanica*); на его лепестках действительно видны черточки, которые можно истолковать как две буквы «Δι»; происхождение этих букв объяснялось различными мифами; по одной версии — это плачевный возглас Аполлона после смерти любимого им юноши Гиакинфа, из крови которого вырос цветок; по другой — эти две буквы являются начальными буквами имени Аякса Теламонида, покончившего с собой (см. трагедию Софокла «Аякс»); гиацинт, согласно мифу, считался выросшим из его крови.

32 См. примеч. к Идиллии VIII, ст. 53.

33 В Греции существовал обычай приносить портретные статуи жертвователей в храм.

34 *Яблоко и роза* — символ любви; флейта в данном случае должна показать, чем занимается Бомбика — игрой на флейте.

35 *Амиклейские сандалии* — изящная обувь, которую носили богатые люди; так как ее фасон был изобретен в пелопонесском городе Амиклах, то она и получила от него свое название.

37 *Трихн*. Смысл этой похвалы не вполне понятен, так как растение неизвестно. В схолиях указано на нежность и мягкость его листьев. Если же «трихн» то же, что и «стрихн», то он оказывает одурманивающее действие.

38—37 Похвалы Букаю от лица Милона носят иронический характер.

41 *Литиерс* — мифический царь Фригии, сын Мидаса. Он был отличным косарем и требовал от всех приезжавших к нему, чтобы они потягались с ним в косьбе; так как сравниться с ним не мог никто, то Литиерс убивал своих соперников, ударом косы снося с них голову. Геракл, пришедший во Фригию, убил Литиерса за его жестокость. Однако образ царственного косаря долго сохранялся в мифах и ему приписывались рабочие песни.

45 *Чурбаны* — буквально «люди из фигового дерева».

46—47 *Борей* — северный ветер, *Зефир* — южный.

54—55 Насмешка над скупым надсмотрщиком. Зернышки тмина очень малы; их нельзя расколоть, хотя они состоят из двух половинок, разделённых бороздкой.

Идиллия XI

• КИКЛОП

По своей теме идиллия XI тесно связана с VI. Киклоп Полифем, который в идиллии VI хвастался тем, что прекрасная nereida Галатея уже заигрывает с ним, якобы огорченная его показным равнодушием, в идиллии XI показан влюбленным по уши, умоляющим

Галатею хотя бы о разрешении поцеловать ей руку. Однако под конец он вдруг вспоминает о своем достоинстве и убеждает себя в том, что ему достанется кто-нибудь даже получше Галатеи. Характеристика Киклопа в XI идилии дана в более привлекательных тонах, чем в VI — его скромность и почти ребяческая наивность вызывают снисходительную улыбку, а не отвращение; только его пожелание, чтобы сюда «чужеземец на лодке явился» (ст. 61), напоминает о том, как Полифем впоследствии поступит с этим чужеземцем.

Идилия XI адресована другу Феокрита, врачу Никию. — Это имя встречается в произведениях Феокрита еще три раза: в идилии XIII (см.), в послании «Прялка» (XXVIII идилия) и в одной эпиграмме. В идилии XI Феокрит обращается к Никию с советом, что надо делать влюбленному, чтобы ему стало легче на душе, — вероятно, Никию в это время такой совет был нужен, так как о том же идет речь и в идилии XIII (см. ниже). В «Прялке» (см.) Никий уже женат и Феокрит восхваляет добродетели его жены. Если вспомнить, что VI идилия посвящена другому другу Феокрита — Арату, то можно предположить, что образ влюбленного Полифема в кружке этих трех друзей играл какую-то роль, составляя часть того буколического маскарада, картина которого дана полностью в идилии VII и в котором опять-таки встречается имя Арата; но в VII идилии, как мы видели, Феокрит дает советы уже не Никию, а Арату, безнадежно влюбленному.

Относительно композиции любовной серенады Киклопа Лэгран делает интересное предположение, что она является пародией на шаблонные «мадригалы» эллинистической поэзии; однако сопоставления, которые он делает, не очень убедительны (например, согласие Киклопа на то, чтобы Галатея опалила его косматую гриву, — сопоставляется им с обычными жалобами влюбленных на огонь, зажженный Эросом).

В схолиях сохранилось двестише, которым Никий ответил на благоразумный совет Феокрита:

Правда твоя, Феокрит; даже те, кому Музы не близки,
Стали поэтами вдруг, поступив в науку к эротам.

Кроме этого двестишия, от Никия до нас дошло девять эпиграмм разного содержания, сохранившихся в «Палатинской антологии» (V, 122, 127, 270; VII, 200; IX, 315, 564; XI, 398; XVI, 188, 189).

Наиболее интересны три, носящие буколический характер (VII, 200; IX, 315, 564) и одна сатирическая (XI, 398) — о человеке, который хотел выкрасить себе волосы и потерял их; здесь Никий насмехается над шарлатанскими рецептами и лекарствами.

- 3 *Пиериды* — Музы. Это название происходит от Пиерии, области, лежащей между Фессалией и Македонией по берегу Эгейского моря. Пиерия считалась родиной Орфея и жилищем Муз (правда, вместе с несколькими другими местностями). Орфей был сыном одной из Муз, Каллиопы, и название «Пиерия» стало символом родины музыкального искусства наряду с Геликоном и Парнасом.
- 10 *Яблоки, локоны, розы* — подарки, которые поклонники подносили предмету своей любви.
- 18 По представлению древних, от любви болело не сердце, а печень (см. идилию XXX).
- 21 Шутливый намек на бесполезность медицинского воздействия на любовную болезнь, обращенный к Никию.

И д и л л и я XII

В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Й

Любовная песня, которая включена в собрание стихотворений Феокрита между собственно буколическими стихотворениями и произведениями иного характера, написана не на обычном для Феокрита дорийском диалекте, а на ионийском. Ее содержание, чуждое современному читателю, представляет собой восхваление «любимца» (то же см. идилии XXIX и XXX), лишенное, однако, всякого живого чувства. После длинного ряда сравнений, построенного недостаточно логично, автор высказывает странное желание, чтобы воспоминание о его любви сохранилось на вечные времена и даже дошло до подземного царства мертвых. При этом он вспоминает о полумифическом геросе, афинянце Диокле, любимцем которого был юноша-мегарянин; в честь Диокла были учреждены игры, описанные в ст. 27—34. Однако сравнение с Диоклом не выдерживает критики: Диокл-чужестранец, как говорит схолиаст, защитил любимого юношу в битве и пожертвовал своей жизнью за него; именно за это, а не только за его любовь, мегаряне чтят его память.

Несмотря на то, что против подлинности этой идилии не выдвигалось серьезных возражений, она, если она подлинна, — одно из слабейших произведений Феокрита. Вернее всего, это, так сказать, — упражнение в сочинении любовных стихотворений, может быть, даже носящее школьный характер. Чужой диалект, нагромождение сравнений, привлечение иллюстративного мифа, отсутствие и теплого чувства, и юмора — двух характернейших черт подлинных произведений Феокрита — все это заставляет либо отнести идилию XII к очень раннему периоду творчества Феокрита, когда он еще не на-

шел себя, либо высказать сомнения в подлинности ее. За первое предположение говорит то, что среди немногочисленных фрагментов Филета, к кругу которого принадлежал Феокрит (см. идиллию VII), имеется один, сходный с идиллией XII; Филет высказывает пожелание, чтобы о его любви вспоминали после его смерти.

- 13—14 Автор идилли XII, по-видимому, намекает на то, что в различных греческих диалектах терминология любовных объяснений была различной.

Амиклы — город в Пелопоннесе, лежащий недалеко от Спарты; диалекты южногреческие отличались от северных (фессалийского, эпирского).

- 19 *Ахеронт* — река в Эпире, местами текущая под землей и считавшаяся поэтому одной из рек подземного царства мертвых.
- 27 *Город Ниса* — гавань Мегары.
- 29 *Диокл* — см. комментарий к идилли XII.
- 35 *Ганимед* — сын царя Троса, красивый пастушок; пленившись им, Зевс послал своего орла, чтобы похитить его на Олимп, где Ганимед стал виночерпием богов.
- 36 *Лидийский камень* — пробирный камень, впервые открытый на реке Тмоле в Лидии.

Идиллия XIII

ГИЛАС

Небольшой мифологический эпиллий «Гилас» имеет, подобно идилли VI и XI, лирический пролог и посвящен другу Феокрита, врачу Никию (см. комментарий к идилли XI). Феокрит на примере Геракла доказывает Никию, что от любви страдают не только люди, но и полубоги, каким был Геракл. Этот тезис не был ни в коей мере оригинален, особенно для знатоков греческой мифологии. Оригинален, однако, тот жанр, в котором Феокрит разрабатывает миф о Гиласе, являющийся одним из эпизодов мифа о походе аргонавтов.

Гилас — прекрасный юноша, сын царя дриопов и нимфы Менодики, был воспитанником и любимцем Геракла. Гера, ненавидевшая Геракла и покровительствовавшая Язону, вождю аргонавтов, направила Гиласа на одной из остановок корабля Арго к ручью, где плененные им нимфы увлекли его на дно. Обезумевший от горя Геракл не вернулся к отплытию корабля и пошел пешком в Колхиду, где освободил прикованного Прометея; к аргонавтам он больше не присоединился. Тот же эпизод рассказан у Аполлония Родосского

(«Аргонавтика», I, 208—272) и у Валерия Флакка («Аргонавтика», III, 480—725). Но в обеих эпических поэмах есть излишние подробности; особенно богата ими поэма Аполлония, большого любителя географии, этнографии и этиологии мифов. Феокрит рассказывает историю Гиласа кратко и просто, внося в нее много бытовых черточек: он описывает спуск с корабля (ст. 31), упоминает о благоприятных приметах для отплытия (ст. 50—51), о страхе поселян перед нимфами ручьев (ст. 43), завлекающими к себе тех, которым понравится. С обычным мастерством в нескольких словах нарисован ландшафт (ст. 39—43).

Филологи употребили немало усилий на то, чтобы установить чья разработка мифа о Гиласе — Феокрита или Аполлония — является более ранней: они, несомненно, соприкасаются друг с другом во многих моментах. Аполлоний моложе Феокрита и более естественно, как будто, предположить, что он (как думает Лерган) ввел этот эпизод в свою поэму, чтобы высказать свое почтение к старшему современнику. Однако передача мифа у Аполлония настолько слабей и многословнее, настолько придерживается традиционной эпической манеры изложения, что скорее напрашивается другая мысль: Феокрит, уже зная, как Аполлоний изложил миф о Гиласе, хотел показать, что из древнего мифа можно сделать легкий, свежий и образный рассказ о живых людях и их чувствах. И это ему удалось.

- ⁴ *Амфитрион* — см. примеч. к ст. 19.
- ¹¹ *Эос* — см. примеч. к идиллии II, ст. 147.
- ¹⁵ *Язон*, вождь аргонавтов, был сыном Эзона, которого его брат Пелий сверг с престола.
- ¹⁸ *Иолк* — гавань в Фессалии, откуда Язон отплыл за золотым руном; там же по указанию Афины был построен корабль Арго.
- ¹⁹ *Мидея* — город в Арголиде, где царем был Электрион, отец Алкмены. Алкмена вышла замуж за царя тиринфского Амфитриона, своего двоюродного брата; ею пленился Зевс, и она стала матерью двух сыновей: Геракла, от Зевса, и Ификла, от Амфитриона (см. идиллию XXIV и «Мегару» псевдо-Мосха).
- ²¹ *Кианийские скалы*, или *Симплегады*, — скалы в Дарданелльском проливе, по преданию сталкивавшиеся каждый раз, когда между ними проплывало судно. Арго, корабль Язона, благодаря помощи Геры и Афины пролетел так быстро, что скалы не успели его раздавить и с тех пор, как было ранее предсказано, стоят недвижимо.
- ²³ *Фасис* — река в Колхиде (теперь Рион).
- ²⁴ *Плеяды* — созвездие, восходящее на рассвете в конце апреля — начале мая.
- ²⁹ *Пропонтида* — Мраморное море.
- ³⁶ *Геламон* — сын Эака, отец Аякса и Тевкра, героев троянского похода.

- 56 *Меотия* — Скифия. Скифы были знаменитыми стрелками из лука, поэтому их луки высоко ценились.
- 71 В Вифинии на берегах Мраморного моря, где впоследствии был основан город Пруса, существовал культ Гиласа; около ручья, считавшегося местом его гибели, ему приносили жертву; потом участники процессий ходили по горам, выкликая его имя.

Идиллия XIV

ЭСХИН И ТИОНИХ, ИЛИ ЛЮБОВЬ КИНИСКИ

Идиллия XIV имеет, кроме своего основного заголовка «Эсхин и Тионих», более выразительный и соответствующий ее содержанию заголовок «Любовь Киниски» и представляет собой прелестный бытовой мим. Хотя он и не имеет ничего общего с буколичкой, но явно носит на себе типичные черты таланта Феокрита: живая обрисовка характеров и неподдельный юмор говорят сами за себя. Тема идиллии носит комический характер (возможно, что в основе ее лежит какой-нибудь мим Софрона): два легкомысленных приятеля встречаются после разлуки в несколько месяцев. Один из них, пораженный расстроенным видом другого и его неряшливым нарядом, спрашивает о причинах этого и узнает трагикомическую историю: его приятель покинут своей «дамой сердца», которая получила от него пощечину на веселой пирушке и убежала к молодому соседу; на этого соседа она заглядывалась и раньше, что и повело к столь печальному столкновению. Тионих дает бедному Эсхину совет идти в наемное войско к египетскому царю Птолемею Филадельфу, и Феокрит пользуется удобным случаем, чтобы дать краткую похвальную характеристику этого правителя (ст. 60—64); правда, похвалив его щедрость, он все же не без юмора замечает, что «просить слишком часто не надо».

Место действия идиллии XIV точно определить нельзя; судя по тому, что Тионих упоминает о странствующем философе-пифагорейце, более вероятно, что сцена разыгрывается где-то в Южной Италии; последователи Пифагора встречались там чаще, чем в других областях. Однако так как этот пифагореец оказывается уроженцем Афин, а участники пирушки, устроенной Эсхином, — фессалиец и аргивянин, то возможно, что речь идет о Греции. То, что Эсхину приходит мысль идти в наемники, вполне естественно — все его сотрапезники принадлежат именно к этому слою людей. Кто такой сам Эсхин, остается неизвестным: он не беден; для пирушки на пять человек, считая Киниску, которая в качестве единственной дамы присутствует

на пиру, Эсхин подает три жарких, цыплят и поросенка, открывает старое вино; пирующие собираются у него за городом. Вернее всего, это — поселянин среднего достатка, одинокий, не слишком разборчивый в знакомствах, грубоватый и вспыльчивый — именно из таких людей формировались наемные полки царей и царьков эллинистической эпохи. Поэтому едва ли можно согласиться с большинством исследователей, считающих конец беседы Тиониха и Эсхина искусственным привеском к ней, прибавленным в угоду Птолемею. Такой конец совершенно логично и естественно вытекает из создавшегося положения; сотрапезники Эсхина — военные: какой-то Сим, излечившийся авантюрой за морем от любви (ст. 53—54), да и более уравновешенный Тионих толкают Эсхина на жизнь наемника. Шутливо показав маленькую картинку, частный случай из жизни кутящих молодых людей, Феокрит на самом деле показал наглядно нечто гораздо более важное — беспочвенность рядового человека эллинистической эпохи, его оторванность от родины и общественной жизни, его неразборчивость в средствах и готовность идти в услужение к любому, кто согласится его нанять. Именно этот смысл — «наниматель» заключается в понятии «misthodotas», которым Тионих характеризует Птолемея (ст. 59) и которое не полностью передается русским словом «господин».

Язык идиаллии XIV, живой и идиоматичный, изобилует шутками и поговорками.

- 5 *Пифагор* — греческий философ VI в. до н. э.; он был родом с Самоса, но провел почти всю жизнь в Южной Италии. Его ученики, принадлежавшие большей частью к аристократии, носили особую одежду, соблюдали специальный устав в еде и в поведении. Большое число их погибло в Кротоне при победе демократии во второй половине V в. При жизни Феокрита пифагорейский союз уже не играл никакой роли и отдельные философы этого направления превратились в странствующих учителей мудрости, не пользовавшихся большим уважением; их нередко выводили в комедиях, осмеивая их одежду и наружность. Типы комических философов, попрошайек и обжор, дает Афиней (кн. IV, гл. 55—60). Он же указывает, что неряшливую одежду и длинную растрепанную бороду стал впервые носить некий Диодор, «желавший, чтобы его принимали за пифагорейца... он носил длинную бороду, изношенный плащ, отпускал волосы и из пустого тщеславия придерживался такого поведения. А до него пифагорейцы носили очень красивое платье, пользовались банями и благовониями и волосы отпускали такой длины, как это было принято» (гл. 56). По-видимому, пифагорейцы этого времени становятся близки к киникам и, как нечто необычное, входят в комедию и анекдот.

- 15 *Библ* — по мнению схолиаста Стефана византийского, — местность во Фракии, славившаяся своим вином. Афиней (I, 31) считает, что название библинского вина означает не происхождение вина, а его выработку из особого сорта винограда, называвшегося библиа.
- 22—24 *Или волка увидела* — непереводаемая игра слов. Волк по-гречески *lukos*; так же зовут сына соседа, в которого влюблена Киниска. Само выражение «увидеть волка» — поговорка, основанная на поверье, что тот, кто увидит волка, лишается дара речи.
- 46 Фракийцы носили очень длинные волосы и поэтому казались грекам нечесаными.
- 49 Жители Мегары запросили однажды дельфийского оракула, какой город в Греции лучше всех. Пифия назвала много городов, не назвав Мегары; а когда они спросили ее вторично, она ответила, что о них и говорить не стоит. К этому случаю относится эпиграмма в «Палатинской антологии» (XIV, 73):

Лучший край на земле — пеласгов родина, Аргос,
 Лучше всех кобылиц — фессалийские; жены — лаконки.
 Мужи — которые пьют Арегусы-красавицы воду.
 Но даже этих мужей превосходят славою люди,
 Что меж Тиринфом живут и Аркадией овцеобильной,
 В панцырях из полотна, зачинщики войн, аргивяне.
 Ну а вы, мегаряне, ни в-третьих и ни в-четвертых
 И ни в-двенадцатых: вы ни в счет, ни в расчет не идете.

(Перев. Ф. А. Петровского).

- 59 *Птоломей Филадельф* — сын Птолемея Лагида и Береники (дочери Антигоны), его третьей жены, могущественный царь Египта (309—246). Он был женат на Арсиное, своей родной сестре. Птоломей Филадельф много сделал для материального и культурного расцвета Египта, особенно Александрии (см. идилии XVII и XV).

И д и л л и я XV

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ НА ПРАЗДНИКЕ АДОНИСА

Мим «Сиракузянки, или женщины на празднике Адониса» пользуется наибольшей известностью из всех произведений Феокрита. Хотя по своим художественным достоинствам ни «Песня о Дафнисе» в идилии I, ни «Колдуньи» не уступают «Сиракузянкам», а по глубине психологического анализа даже превосходят их, все же успех

«Сиракузянок» — вполне понятен и заслужен: нигде уменьше Феокрита изображать характеры и воспроизводить в изящной стихотворной форме непринужденную разговорную речь не выявилось так полно, как в «Сиракузянках». В схолиях указывается, что мим со сходным названием был в числе произведений Софрона («Женщины — зрительницы на Истмийских торжествах») и что он был переделан Феокритом; но так как мы не имеем ни одного фрагмента прототипа, то не можем сказать, в чем состояла переделка. Однако нельзя сомневаться в том, что эта переделка должна была только пойти на пользу миму Софрона, расширив полотно картины и углубив психологическую характеристику действующих лиц. Уже тот факт, что мимы Софрона предназначались для постановки на сцене, исключал возможность вводить в действие так много лиц и так метко и тонко характеризовать их в кратких и беглых репликах непрерывной легкой беседы, как это сделано в «Сиракузянках».

Мим «Сиракузянки» по своей композиции распадается на две части, что, по-видимому, было любимым композиционным приемом Феокрита (см. идилии I, II, VI, X). В первой части две подруги, свободные горожанки среднего достатка Праксиня и Горго, собираются на праздник, обсуждают семейные дела и свои туалеты. Даже в этой болтовне метко показано различие их характеров: Праксиня легкомысленна и болтлива, Горго — сдержанней и умней подруги и не раз делает ей замечания (ст. 11 и 96). Вторая часть разыгрывается сперва на улице, потом у входа в зал, где происходит торжество, и, наконец, в самом зале. Минмоходом Феокрит умеет обрисовать в одном-двух стихах случайных встречных — двух мужчин, любезного и сердитого, и старуху, не упускающую случая сказать молодым женщинам несколько поучительных слов. Уже такая частая смена места действия также исключала возможность постановки на сцене и определяла созданный Феокритом жанр «мима для чтения». Во вторую часть включена песня в честь Адониса, которую поет приезжая певица-аргивянка. По окончании этой торжественной песни, носящей явно культовой характер, Феокрит сразу возвращает читателя к реальной жизни: Горго вспомнила, что ей надо бежать домой, чтоб накормить своего капризного мужа, и контраст этой бытовой черточки с последними трагическими словами плача об Адонисе является искусным приемом литературной техники, о которой заботились все поэты — приверженцы «малых форм», но которая ни у кого из них не достигала такого совершенства, как у Феокрита. Его искусство заключается именно в том, что оно совсем незаметно и что его художественно продуманные стихотворения производят впечатление безыскусственных набросков.

Однако уже давно замечено, что в безыскусственности «Сиракузянок» кое-где просвечивает политическая тенденция — восхваление

Птолея Филадельфа и его жены-сестры Арсиной; в беседе женщин одна из них мимоходом восхищается тем, что Птолею удалось навести порядок на улицах Александрии (ст. 46—50), а в песне аргивянки и в многословных излияниях Праксиной (ст. 80—86) описано роскошное убранство зала, где происходит празднество, за что восхваляется Арсиной.

Так же как в «Любви Киниски», Феокрит в этой идиллии дал верную картину общественных условий (см. комментарий к идиллии XIV) и точно отразил одно важное явление, которое особенно ярко подчеркивает контраст между бытом классической Греции и эллинистических монархий — полное угасание религиозного чувства в его общественно принятой культовой форме: праздник Адониса воспринимается горожанами Александрии только как зрелище, где можно потолкаться и поглазеть, и правители умеют использовать это обстоятельство. Религиозные же интересы питаются различными тайными культами, иногда изуверскими (как культ Кибелы и Аттиса); что же касается олимпийского пантеона, то он становится исключительно литературным украшением эпических поэм.

- 23 О празднике Адониса см. примеч. к идиллии I, ст. 109 и «Плач об Адонисе» Биона.
- 28 В египетских домах принято было держать ласок, уничтожавших мышей, как и кошки: греческое слово «galee» обозначало и ласку, и кошку.
- 36—84 Праксиная была одета дома в хитон, легкое открытое платье; сверх него она надевает более широкое платье с пряжкой на плече и плащ. *Гера и Зевс*... — поговорка, также ст. 77.
- 92 *Беллерофонт* — сын коринфского царя Главка, герой, чтимый среди дорийцев, победивший чудовище Химеру с помощью крылатого коня Пегаса.
- 100—101 Кипр был местом особого почитания Афродиты; в городе Идалии и на горе Голге были ее храмы.
Эрик — гора в Сицилии, тоже с храмом Афродиты.
- 106 *Дионея* — эпитет Афродиты, происходящий от имени ее матери Дионы.
- 107—110 *Береника* и *Арсиной* — см. примеч. к идиллии XIV, ст. 59.
- 110 *Елена* — прекраснейшая из женщин, дочь Зевса и Леды, жена царя Менелая, бежавшая от него с Парисом, сыном троянского царя Приама, из-за чего и началась троянская война.
- 137 *Агамемнон* — царь Микен, сын Атрея, старший брат Менелая, главный вождь греков в троянскую войну.
- 138 *Аянт* — герой троянского похода.
- 139 *Гекуба* — жена Приама, царя Трои во время троянского похода. Ее старший сын Гектор — главный защитник Трои.

140 *Патрокл* — ближайший друг Ахилла, погибший от рук Гектора (см. Бион, фрагмент XI).

Пирр, или *Неоптолем* — сын Ахилла и Дейдамен (см. Бион, «Эпиталамий Ахилла и Дейдамен»), прибывший под Трою в последний год осады. Он был очень жесток, убил старого Приама, оторвав его от жертвенника, взял себе в наложницы вдову Гектора Андромаху; был по возвращении в Грецию убит Орестом, сыном Агамемнона, за то, что принудил невесту Ореста, Гермionу, дочь Менелая и Елены, выйти за него замуж.

141 *Лапифы* — фессалийское племя, воевавшее с кентаврами.

Девкалион — сын Прометея, спасшийся от всемирного потопа на корабле и положивший начало новому роду людей, происшедших из камней, которые он и его жена бросали назад через плечо.

142 *Пелопиды* — потомки мифического царя Пелопса (см. примеч. к идиллии VIII, ст. 53).

Пеласги — древнейшее население Греции, потомки мифического Пеласга, сына Зевса, уроженца Аркадии.

Идиллии XVI и XVII («ХАРИТЫ, ИЛИ ГИЕРОН», «ЭНКМИЙ ПТОЛЕМЕЮ»)

Название «Идиллии», которое условно прилагается ко всем стихотворениям Феокрита, менее всего подходит к стихотворениям XVI и XVII, принадлежащим к жанру хвалебных поэм, или энкомиев. Первый из энкомиев адресован сицилийскому правителю Гиерону (305—215 гг. до н. э.), второй — египетскому царю Птолемееу Филadelphу (309—246 гг. до н. э.).

Исследователи придавали большое значение анализу этих двух энкомиев, надеясь извлечь из них точные данные, касающиеся биографии Феокрита; однако к убедительным и единодушным выводам прийти не удалось. Анализ этих стихотворений по содержанию подсказывает мысль о более ранней дате написания идиллии XVI, так как Феокрит жалуется в ней на бедность, на то, что его Хариты никому не нужны. В энкомии Птолемееу, напротив, так же как в идиллии XIV (см.), он хвалит Птолемея за щедрость и покровительство искусствам. По-видимому, Гиерон не оправдал возлагавшихся на него надежд (ст. 73), что при условиях его жизни, проведенной в почти непрерывных войнах, вполне понятно.

Птолемей же, богатый и честолюбивый царь, имел возможность заботиться не только о военной славе, но и о блеске своего двора и своей столицы.

Что касается художественной ценности энкомиев, то предпочтение, безусловно, следует отдать энкомии, обращенному к Гиерону: в нем есть характерный для Феокрита юмор в описании его голодающих Харит (ст. 5—12) и прекрасная картина страны, возвращающейся к мирной жизни после разрушительной войны (ст. 88—97). Это описание оканчивается призывом к миру.

«...Пусть паутиною легкой
Латы затынет паук и слово «война» да умолкнет»,

(ст. 97)

Забавно звучат также негодующие возгласы Феокрита по адресу тех, кто заботится о наживе больше, чем о своем прославлении в песнях поэтов (ст. 13—21, 58—68).

Энкомий Птолемею — произведение чисто официальное и мертвенное; если Феокрит и прибавил этим энкомием славы Птолемею, то во всяком случае не прибавил ее себе.

Идиллия XVI

ь и др. Хариты — три дочери Зевса и Геры, богини красоты праздников и радости.

34 *Алев* — родоначальник фессалийского княжеского рода, воспетого Симонидом Кеосским.

34 *Антиох* — фессалийский царь, воспетый Симонидом Кеосским.

35 *Пенесты* — полукрепостное население Фессалии.

36 *Скопады* — фессалийский аристократический род; один из Скопадов воспет Симонидом Кеосским.

36 *Краннон* — город и равнина в Фессалии, принадлежавшая роду Скопадов.

39 *Креонды* — аристократический фессалийский род.

41 *Кеосский певец* — Симонид, поэт начала V в.

49 *Кикн* — пастух Аполлона, красавец-охотник.

55 *Филойгий* — пастух Одиссеевых стад, оставшийся верным Одиссею.

Евмей — свинопас Одиссея, тоже оставшийся верным ему.

56 *Лаэрт* — отец Одиссея.

57 *Ионийский муж* — Гомер.

74 *Ахилл (Пелид)* — сын Пелея и нимфы Фетиды, главный герой троянской войны.

75 *Ил* — мифический основатель троянской крепости (Илиона).

Фригия — страна в Малой Азии.

Симоэнт — река около Трои.

- 77 *Ливия* — древнее название Африки; финикийцы, живущие в крайних пределах Ливии — карфагеняне; Карфаген был основан выходцами из Финикии.
- 80 *Герон* (так называемый Младший) — сиракузский царь III в., предводитель аристократической партии; он вел искусную политику между Римом и Карфагеном и стремился к восстановлению прежней мощи греков в Южной Италии.
- 84 *Эфира* — старое название Коринфа, метрополии Сиракуз; эфиры — сиракузяне.
- 84 *Лисимела* — озеро около Сиракуз, известных культом Деметры и Персефоны.
- 100 *Семирамида* — знаменитая вавилонская царица, прославившаяся грандиозными постройками.
- 104 *Этеокл* — мифический царь Орхомена Минийского (см. ниже), по преданию, первый принесший жертвы Харитам.
- 105 *Фивы* — главный город Беотии.
- 105 *Орхомен* — один из древнейших городов Беотии, около Копайдского озера; называется Минийским в отличие от Орхомена в Аркадии.

И д и л л и я X V I I

- 14 *Лагид* — прозвище Птолемея по его отцу Лагу, полководцу Александра Македонского.
- 18—19 Александр Македонский был покорителем Персидского царства (поэтому он «гроза для персов»).
- 83 *Чернобровая аргивянка* — Деипила, дочь Адраста, жена Тидея.
- 53 *Тидей* — отец Диомеда.
- 55 *Фетида* — морская нимфа, мать Ахилла.
- 56 *Пелей* — царь мирмидонов в Фессалии, отец Ахилла. Эак — отец Пелея, дед Ахилла.
- 58 *Коос (Кос)* — остров в Эгейском море.
- 61 *Илифия* — богиня, облегчающая родовые муки.
- 67 *Делос* — остров в Эгейском море, посвященный Аполлону.
- 68 *Триоп* — мыс в Малой Азии, где устраивались игры в честь Аполлона.
- 70 *Реня* — небольшой остров около Делоса.
- 88 *Памфилия* — прибрежная страна в Малой Азии между Ликией и Киликией.
-
- Киликия* — горная страна в Малой Азии.
- 89 *Кария* — область в Малой Азии.
- 90 *Киклады* — острова в Эгейском море.
- 132 *Рея, или Кибела*, — мать Зевса и Геры, жены Кроноса.
- 134 *Ирида* — богиня радуги, вестница богов, прислужница Геры.

Идиллия XVIII

ЭПИТАЛАМИЙ ЕЛЕНЫ

Форма эпиталамия, песни перед спальным покоем новобрачных (epithalamios), распространена у греческих лириков. До нас дошла эпиталамия Саффо. По-видимому, было принято сочинять эпиталамии и на браки мифических героев (см. Бион «Эпиталамий Ахилла и Дейдамеи»). Схоллии указывают, что Феокрит примыкает в этом стихотворении к поэту VI в. до н. э. Стесихору, написавшему «Эпиталамий Елены», до нас не дошедший.

- ¹ *Менелай* — младший сын Атрея, муж Елены Прекрасной.
⁵ *Тиндарсева дочь* — Елена Прекрасная.
²³ *Эврот* — река в Спарте.
^{41—48} Здесь, по-видимому, указывается на существовавший в Спарте и на острове Родосе культ Елены «древесной» (dendritis).
⁸⁰ *Латона* — мать Аполлона и Артемиды.

Идиллия XIX

ВОРИШКА МЕДА

Данное маленькое стихотворение попало в сборник идиллий Феокрита, по всей вероятности, случайно. Оно не похоже ни на одно стихотворение Феокрита, у которого Эрос нигде не выступает в образе маленького ребенка (в идиллии XXX он рисуется мощным неведомым божеством).

Делались попытки приписать «Воришку меда» Биону или Мосху; действительно, мысль о контрасте между малым ростом ребенка Эроса и его мощью есть и в «Эросе-беглеце» Мосха, и в VII отрывке Биона; но никаких убедительных доказательств в пользу этой атрибуции привести нельзя.

Наиболее близко это стихотворение по своему характеру к анакреонтическим стихотворениям, среди которых имеется одно, полностью совпадающее по содержанию с «Воришкой меда». Приводим перевод его:

Однажды не заметил
На розах Эрос пчелку,
Но был ужален ею
Он в палец и, от боли
Слезами обливаясь,
Помчался он на крыльях

К прекрасной Киферее.
«Погиб я, — закричал он, —
Ах, мать, я умираю!
Ужален змейкой малой
Крылатою; крестьяне
Зовут ее пчелою».
Она же: «Если больно
Тебе от жала пчелки,
Подумай, как страдают,
В кого ты бросишь стрелы».

(Перевод М. Грабарь-Пассек)

В этой анакреонтике ситуация менее естественна, чем в «Воришке меда», в нее внесены черты искусственной наивности и гиперболичности: Эрос не ворует мед и запускает руку не в соты, а в розу, он называет пчелу «крылатой змейкой», уверяет мать, что он умирает. Поскольку оба стихотворения анонимны, нельзя решить, которое из них является оригиналом, которое подражанием; вернее считать подражанием анакреонтику ввиду ее ложной сентиментальности. Однако возможно, что оба стихотворения описывают, независимо друг от друга, какое-либо произведение изобразительного искусства.

Идиллия XX ПАСТУШОК

Идиллия XX, по общему мнению исследователей, не принадлежит Феокриту; доказательства ее неподлинности носят преимущественно характер лингвистический: в ней встречается много слов, чуждых словарю Феокрита и имеющих более позднее происхождение; метрические наблюдения тоже заставляют признать ее произведением, которое, возможно, на несколько веков моложе подлинных идиллий.

Ее художественная форма и система образов тоже свидетельствуют о явном подражании и не очень удачном контаминировании разных мотивов. Молодой деревенский пастух, считающий себя неотразимым красавцем, был отвергнут и осмеян хорошенькой горожанкой. Стихотворение написано от первого лица — следовательно, он кому-то повествует о своей неудаче; на это указывает и его обращение к пастухам (ст. 19), перед которыми он начинает хвастаться своей красотой и под конец произносит длинную речь о достоинстве пастуха, переполненную мифологическими сравнениями. Ясно выступают отдельные элементы, из которых скомпоновано это стихотворение; образ глупого и неуклюжего пастуха заимствован из III и XI идиллий (пастуха, поющего серенаду, и Полифема); самоуверенность и

восхищение своей красотой из VI и XI идиллий — опять-таки подражание речам Полифема; наконец, мифологические сравнения варьируют в расширенном виде песню из III идиллии. Однако там она была более уместна, так как предполагалось, что Амариллис слышит ее, кроме того, она исполнялась пастухом, как выученная им песня, а не вплеталась в его собственную речь; здесь же пастух приводит все доказательства своего достоинства совершенно напрасно: гордая горожанка его не слышит, его слушатели-пастухи — если таковые имеются — не нуждаются в них, а вся мифологическая эрудиция звучит в устах этого пастуха крайне неестественно.

Можно привести еще одно доказательство: Феокрит рисует своих пастухов — даже грубых Комата и Лакона (V идиллия) и неуклюжего Полифема (в VI и XI идиллиях) — без прикрас и с юмором, но без враждебности и издевательства; данное же стихотворение дает намеренную и недоброежелательную карикатуру на деревенского жителя, пришедшего в город, приближающуюся к изображению «деревенщины» в комедии. Тем не менее некоторые моменты и в этой подражательной буколке удачны и вызывают невольную улыбку читателя (например ст. 11—15, 21—27).

33 Этот стих считается включенным в идиллию XX из какого-то другого стихотворения; намек, содержащийся в нем, также непонятен, так как никакого мифа, в котором Дионис выступал бы в качестве пастуха, до нас не дошло.

34—36 *Киприда* и *Адонис* — см. примеч. к идиллии I, ст. 109 и к «Плачу об Адонисе» Биона.

37—39 *Селена* и *Эндимион* — см. примеч. к идиллии III, стр. 49.

40 и 43 *Резя* — жена Кроноса, мать Зевса и Геры; в Малой Азии ее культ слился с культом азиатской богини Кибелы; к ней прилагался эпитет «мать богов». В эпоху эллинизма и римского владычества над Грецией ее культ стал все шире распространяться и достиг даже Рима. По восточному мифу, она любила молодого пастуха Аттиса; после его смерти она учредила в честь его празднество, справлявшееся в начале весны и имеющее некоторые общие черты с празднеством в честь Адониса. Однако весь культ Кибелы носил более оргиастический характер, чем чисто греческие культы. По поводу мифа об Аттисе см. поэму Катулла «Аттис».

40—41 «Пастушок», которого Зевс в образе орла (по другой версии, послал орла) похитил на Олимп и сделал виночерпием богов, — Ганимед. См. примеч. к ид. XII, ст. 35.

Идиллия XXI

РЫБАКИ

Идиллия XXI в целом ряде рукописей приписывается Феокриту; но филологический и лексикологический анализ, учитывающий мельчайшие детали словаря, синтаксиса и метрики, привел большинство исследователей к заключению, что автором этой идиллии его невозможно признать. Было высказано предположение об авторстве Леонида Тарентского, во многих эпиграммах которого выступают в качестве действующих лиц именно рыбаки; моральная сентенция, с которой начинается данная идиллия, тоже соответствует тенденциям творчества Леонида Тарентского, питавшего живой интерес и симпатию к простому люду и его трудовой жизни. Имя Диофанта, которому адресованы «Рыбаки», встречается в одной эпиграмме Леонида («Палат. антол.», IV, 6); налицо и некоторые мелкие совпадения в образах и выражениях, указывающие, если не на авторство Леонида, то на намеренно подчеркиваемую связь с ним. Однако имеются и доводы против этого предположения: от Леонида до нас дошли только эпиграммы, и мы не имеем никаких сведений о том, писал ли он произведения более крупных размеров; кроме того, филологический анализ опять-таки устанавливает существенные различия между языком эпиграмм Леонида и «Рыбаками». Ввиду этого принято считать «Рыбаков» произведением анонимного поэта, не лишённого литературного таланта.

Композиция «Рыбаков» очень проста; в прологе описана с большими подробностями та обстановка, в которой живут два бедных рыбака; перечисление всех орудий их ремесла — характерный прием поэтов «малых форм». Центральную часть стихотворения занимает рассказ одного из рыбаков о своем сновидении — он видел, что поймал золотую рыбу и поклялся не выезжать более на рыбную ловлю; теперь он смущен, следует ли ему, проснувшись, соблюдать эту клятву? Его товарищ успокаивает его и советует заняться своим обычным делом, чтобы не умереть с голоду. Соотношение двух характеров этих рыбаков сходно с двумя типами работников в X идиллии Феокрита — мечтательного Букая и трезвого Милона. Конечно, в «Рыбаках» они намечены бледнее, но автор этой идиллии все же умеет использовать лучшие основные приемы эллинистических поэтов — описание ландшафта (ст. 15—18), живое изображение настроений и чувств; пересказ сновидения тоже дан просто и в реалистических тонах. Эта идиллия удачно переведена Гнедичем.

¹ Кто такой Диофант, к которому обращена эта идиллия, неизвестно.
² Как осел в колючках и как светильник в пританеи — вероятно, погов-

ворки. Пританей — правительственное здание в Афинах, в котором горел неугасимый светильник. Такие же здания имелись и в некоторых других крупных городах.

53 *Амфитрита* — жена Посейдона, царица моря.

Идиллия XXII

ДИОСКУРЫ

«Диоскуры» — самое крупное произведение, приписываемое Феокриту, не подвергающееся сомнению относительно подлинности. Это — характерный эпиллий эллинистической эпохи; герои древних мифов выступают в нем как обычные люди, причем Феокрит не останавливается перед внесением некоторых изменений в основной миф.

Эпиллий разделен на две части, связанные между собой только тем, что Полидевк и Кастор, братья-близнецы, совершают свои подвиги вместе. В первой части, посвященной кулачному бою Полидевка с грубым великаном-варваром Амиком, который не хотел пропустить аргонавтов, высадившихся на берег, к источнику, Кастор не играет никакой роли. Во второй части, героем которой является Кастор, вступивший в единоборство с Линкеем, весьма малую роль играет Полидевк.

Первая часть более богата характерными для творчества Феокрита бытовыми подробностями: в ней имеется прекрасное описание типичного «буколического» ландшафта — ручья, протекающего в густом лесу, и подробное — для современного читателя излишне подробное, описание кулачного боя между Полидевком и Амиком. Вторая часть написана в духе традиционного эпического повествования и даже не избегает приема вмешательства божества в ход событий (ст. 210). Перед поединком герои по образцу гомеровских вступают в беседу. Нельзя не заметить, что древний миф о похищении Диоскурами двух дочерей Левкиппа по своему моральному содержанию трудно поддается той трактовке, какую мог дать ему Феокрит с точки зрения морали своего времени, и ему пришлось несколько изменить миф. Подлинный миф имеет следующее содержание: у трех братьев — Тиндарея, Афарея и Левкиппа было несколько детей: у Тиндарея — Клитемнестра, Кастор, Полидевк и Елена (последние двое были детьми Зевса). По другой версии мифа, и Кастор, и Полидевк были сыновьями Зевса и оттого получили свое прозвище Диоскуров, что в буквальном переводе значит «Зевсовы юноши». У Афарея — сыновья Линкея и Ид, у Левкиппа — дочери Гилаира и Феба. Дочери Левкиппа были обручены с сыновьями Афарея, но были похищены с брачного пира Диоскурами; в бою между похи-

телями и женихами Кастор — сын смертного отца — был убит, а Полидевк, сын Зевса, не захотел расставаться с братом-близнецом; оба были вознесены Зевсом на небо и превращены в звезды, указывающие путь кораблям.

Феокрит изменил миф: похищение девушек происходит до заключения брака, Кастор не погибает в бою и побеждает Линкея, а Ид нарушает договор о единоборстве и за это несет кару от руки Зевса. Несмотря на все эти изменения, которые должны оправдать поступок Диоскуров, это не удается, и у читателя остается впечатление, что право на стороне сыновей Афарей. Этот пример служит явным доказательством того, насколько менее благодарной задачей для поэта эпохи эллинизма было приспособление древнего мифа к современным ему понятиям, чем изображение действительной жизни его эпохи.

1 *Леда* — мать Елены и Диоскуров, Кастора и Полидевка, жена Тиндарея.

4 *Тестий* — отец Леды.

81—22 *Медведи, Ослы, Ясли* — созвездия.

28 *Понт* — Черное море.

29 *Бибрики* — племя, жившее на берегу Мраморного моря.

78 *Магнесия* — прибрежная полоса Фессалии у горы Пелиона; в ней находится гавань Июлк, откуда отправились в поход аргонавты.

94 *Титий* — один из гигантов.

157 *Ахайя* — область на севере Пелопоннеса.

158 *Мессена* — город в Аркадии:

Сизиф — сын Эола, царь Коринфа; *берег Сизифов* — Истм.

205 *Лаокоса* — жена Афарей, мать Ида и Линкея.

209 *Стела* — надгробный камень.

220 *Илион* — Троя.

Идиллия XXIII

СТРАСТНО ВЛЮБЛЕННЫЙ

Из всех стихотворений на любовные темы, включенных в сборник буколических поэтов, данное стихотворение — самое неудачное по своим литературным качествам и самое чуждое современному читателю по своей моральной — вернее, аморальной — тенденции. Мысль, что любимый человек — кто бы он ни был — должен непременно идти на все уступки, если кто-то в него страстно влюблен, кажется весьма странной, особенно если оказывается, как в данном стихотворении, что за холодное отношение к назойливому поклоннику карает божество.

В данной небольшой эротической поэме есть, помимо указанной странной общей мысли, ряд литературных неувязок и неестественных ситуаций: кому и для чего произносит длинную и скучную риторическую речь будущий самоубийца, пишущий даже свою собственную эпитафию на стене дома? Возможно ли, чтобы юноша не обратил никакого внимания на удавленника у своих дверей, хотя бы и ненавидел его при жизни? Как мог юноша, утопая, поучать кого бы то ни было правилам любовных отношений? Все эти черты характеризуют идиллию XXIII как очень слабое риторическое произведение, включаемое в сборник буколических поэтов исключительно в угоду традиции.

58 *Осмеянный юношей бог* — Эрос, статуи которого часто ставились в гимнасиях.

Идиллии XXIV и XXV

(«ГЕРАКЛ-МЛАДЕНЕЦ», «ГЕРАКЛ—
УБИЙЦА ЛЬВА»)

Два крупных эпиллия, касающиеся судеб любимого героя древнегреческой мифологии — Геракла, помещаются во многих рукописях, а также в изданиях, следующих традиционному порядку издания Стефануса, один за другим. С точки зрения их содержания и общего характера изложения это совершенно правильно; однако детальный филологический анализ привел ученых к выводу о подлинности первого эпиллия и неподлинности второго.

Несмотря на этот вывод о различном происхождении данных эпиллиев, в них имеется важная черта сходства; и тот, и другой полностью верны основному излюбленному приему поэтов-буколиков — переносить древний миф из области чудесного в мир повседневных человеческих поступков и мыслей, изображать полубогов и героев как обычных людей, хотя и храбрых, но способных переживать общечеловеческие радости и печали. Именно такими чертами охарактеризованы окружающие Геракла люди в обоих эпиллиях, а во втором из них и сам Геракл.

Идиллия XXV начинается с семейной сцены — Алкмена укладывает спать своих малюток-сыновей, Геракла и Ификла, и уходит к себе в спальню. Через некоторое время ее будит необычный, внезапно вспыхнувший свет — это тот момент, когда младенец Геракл душит двух змей, подсланных Герой ему на гибель. Собираются домочадцы, удивляются подвигу Геракла, но немедленно после этого ложатся спать. Любимые Феокритом бытовые подробности занимают немало места в этой части эпиллия: дети спят в круглом щите, кото-

рый служит им колыбелью; ночью на зов Амфитриона первой откликается домоправительница и будит других слуг; родители берут детей к себе в спальню, причем мать хватает на руки не героического малютку Геракла, а более слабого младшего Ификла, окоченевшего от ужаса и крика; все эти черты приближают древних героев к уровню рядового читателя, делают их человечнее.

Вторая и третья части эпиллия написаны в более сдержанном, чисто повествовательном тоне эпоса: на следующий день после победы над змеями Алкмена призывает прорицателя Тиресия, чтобы он разъяснил ей происшедшее. Тиресий дает ей длинное предсказание о будущей героической судьбе ее старшего сына; наконец, в третьей части описано воспитание Геракла, сводящееся к сухому перечню его учителей.

Второй эпиллий, касающийся посещения Гераклом Авгия, состоит из трех крупных частей, из которых две даже носят в рукописях отдельные названия: первая — «Беседа Геракла с земледельцем», вторая — «Обзор» (подразумевается обзор стада Авгия), третья часть в рукописях названия не имеет, но в первых же изданиях получила заголовок «Геракл — убийца льва»; потом этот заголовок был перенесен на весь эпиллий в целом.

Хотя Геракл, согласно мифу о его двенадцати подвигах, пришел к Авгию, чтобы произвести знаменитую уборку хлевов и стойл, направив в них течение реки, об этом в эпиллии нет ни слова. Геракл изображен сперва мирно беседующим со стариком земледельцем, работающим на полях Авгия; потом он любителю стадами Авгия и укрощает быка; наконец, он, по просьбе сына Авгия, рассказывает о своей победе над немейским львом. Хотя и старик-земледелец, и сын Авгия удивляются про себя мощному сложению Геракла и его силе, но они не проявляют этого удивления и любопытства и, видимо, не считают Геракла каким-то необычайным явлением, полубогом; да и в рассказе самого Геракла нет ничего сверхъестественного в буквальном смысле слова. Приемы его борьбы со львом свидетельствуют о его ловкости и большой силе, но не имеют ничего общего с другими сказочными подвигами — победой над лернейской гидрой, над трехглавым псом Кербером и т. п. Поэт выбрал из ряда подвигов Геракла именно тот, который легче всего поддается объяснению естественными причинами. Что в Арголиде был лев, для времени эллинистических поэтов уже кажется странным, и автор эпиллия не упускает случая устами сына Авгия выразить свое удивление по этому поводу и даже заметить, что многие, слышавшие рассказы пришельцев из Арголиды, подозревали их во лжи. Однако знакомство с Гомером, постоянно пользующимся сравнением со львом, а также и с прозаиками (Геродотом, Ксенофонтом и даже Аристотелем) могло убедить читателя III в. в том, что ничего сверхъестественного и в рас-

сказе Геракла нет, — он говорит только о явлении редком, но не невозможном. Свой рассказ Геракл ведет спокойно, не опуская ни одной детали битвы, но не заканчивает его гибелью немейского льва, а продолжает рассказывать о том, как он содрал с мертвого льва шкуру, разрезав ее острыми когтями самого льва, и как она теперь защищает его от ран. Это — опять-таки бытовая подробность в духе эллинистической поэзии.

Идиллия XXIV

- 5 *Перелай* — царь тафийцев, с которыми начал войну отец Алкмены, а закончил, по ее требованию, Амфитрион, ее муж, случайно убивший ее отца.
- 85 *Тиресий* — знаменитый фиванский старец-прорицатель.
- 73 *Персей* — сын Зевса и Данаи, победитель чудовища Горгоны, прадед Геракла.
- 106 *Лин* — сын Аполлона, с именем которого связаны мифы и празднества, сходные с мифом об Адонисе. В более древний период изображался юношей-певцом, впоследствии — мудрецом и ученым.
- 110 *Эвмолп* — имя нескольких мифических лиц, означющее «прекрасно поющий».
- 116 Гарпалик упоминается у Аполлодора; но он сын не Гермеса, а Ликаона, царя Аркадии. Возможно, что Феокрит имеет в виду не его, а Автолика, сына Гермеса, получившего от отца дар обмана и ловкости.
- 116 *Фанотей* — город в Фокиде.
- 131 *Адраст* — царь Аргоса, дед Диомеда через свою дочь Деипилу, жену Тидея (см. идиллию XVII, ст. 53—54).

Идиллия XXV

- 7 и др. *Авгий* — царь эпеян в Элиде, сын бога солнца Гелиоса, владевший огромными стадами. Геракл по приказу Эврисфея должен был в один день очистить его скотный двор от навоза, что и сделал, направив через двор течение реки Мения.
- 9 *Элисунт* — река в Элиде.
- 11 *Бупрасий* — древний город на севере Элиды, впоследствии исчезнувший.
- 55 *Филей* — сын Авгия.
- 139 *Фэтон* — бык Авгия.
- 169 *Немея* — горная долина в Арголиде.

- 171 *Микены* — один из древнейших городов Пелопоннеса в Арголиде.
Тиринф — древний город в Арголиде.
- 183 *Апида* — Пелопоннес.
- 200 *Фороней* — местный аргивский герой, по имени которого аргивяне называются форонейскими мужами.
- 202 *Бембина* — местечко в Арголиде, недалеко от Немейской долины.
- 205 *Эврисфей* — двоюродный дядя Геракла, родившийся по воле Геры ранее его и имевший над ним власть; по его поручению Геракл совершил свои двенадцать подвигов.

Идиллия XXVI

ВАКХАНКИ

«Вакханки» — небольшой эпиллий, рассказывающий страшный миф о том, как вакханки в Фивах по воле Вакха—Диониса убили молодого царя Пенфея за то, что он сопротивлялся введению вакханалий; при этом убийцей Пенфея была его родная мать. Тема, а в особенности заключительная часть этого стихотворения, в которой автор оправдывает любое убийство, если оно угодно Дионису, настолько дисгармонирует с общим характером творчества Феокрита, что вопрос о подлинности этого эпиллия до сих пор остается открытым. Большинство исследователей склоняется к отрицательной оценке. Были попытки раскрыть тайный смысл этого эпиллия, приурочив его к какому-нибудь преступлению, которых немало совершалось при дворах эллинистических владык, но дальше предположений дело не пошло. Более вероятной представляется гипотеза, выставленная Леграном, что «Вакханки» — гимн, написанный для праздника Диониса, излагающий поэтому древний миф без всяких изменений и критики; тогда его финал — восхваление Диониса и выражение покорности его воле, какова бы она ни была, — не требует объяснений.

- 1 *Ино, Автоноя и Агава* — дочери Кадма, первого фиванского царя, учредительницы мистерий Диониса. Дионис был сыном их сестры Семелы от Зевса. Самой Семелы уже не было в это время в живых. Она упростила Зевса показаться ей в своем божественном образе громовержца и погибла, сраженная его молнией. Зевс спас еще не родившегося Диониса и отдал его на воспитание нимфам и Гермесу.
- 34 *Дракан* — гора на Крите.
- 36 *Кадм* — сын финикийского царя Агенора, брат Европы, осовладелец Фив.

Идиллия XXVII

ЛЮБОВНАЯ БОЛТОВНЯ

Веселый эротический мим, помещенный в сборнике буколических поэтов, представляет собой сплошную «стихомифию», т. е. диалог, в котором оба действующих лица обмениваются репликами, состоящими каждая из одного стиха. Начало мима, по-видимому, утеряно; в конце его имеется небольшое заключение в эпической форме. Поэтому предполагают, что перед началом беседы соблазнителя Дафниса с девушкой, которая, правда, сама не слишком упорно сопротивляется ему, — был такой же эпический пролог, введивший в ситуацию мима.

Диалог построен легко и живо; анонимный автор многому научился у Феокрита, что касается построения беседы, но сильно отличается от него в психологическом анализе характеров, ограничиваясь внешней передачей реплик. Но поскольку данный мим, возможно, является подлинным мимом, т. е. мог быть исполнен на сцене, то раскрытие характера и не входило в его задачи; впрочем, характер девушки достаточно ясно выступает из ее насмешливых и кокетливых речей (см. ст. 7, 21, 25) и из перемены ее тона с того момента, как заходит речь о браке и хозяйстве (ст. 31—43).

- 1 *Парис* — сын троянского царя Приама; пользуясь покровительством Афродиты, обещавшей ему прекраснейшую из женщин в жены, он похитил Елену, жену царя Менелая, и увез ее в Трою.
- 14 *Пафосская богиня* — Афродита; на острове Пафос был ее известный храм. Девушка, притворно сопротивляясь Афродите, призывает на помощь девственную богиню Артемиду.
- 27—28 *Илифия* — богиня родов, причиняющая родовые боли. Артемиду, напротив, помогает роженицам и облегчает их страдания.
- 40, 43 Автор использует уже ставшие традиционными в буколке имена Дафниса, Меналка, Ликида.

Идиллия XXVIII

ПРЯЛКА

Стихотворение «Прялка» написано лирическим размером, большим асклепиадовым стихом.

Схема его такова:

— — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — —

Этот стих впоследствии был принят римскими поэтами; он принимается Горацием в одах (I, 11, 18 и IV, 10).

По своему содержанию «Прялка» — послание, сопровождающее подарок Феокрита жене его друга, врача Никия (см. комментарий

к идиллии XI), жившего в это время в Милете. Феокрит пользуется в этом стихотворении эолическим диалектом. Причина его обращения к этому диалекту не подсказана необходимостью, так как Милет находится не в Эолии, а в Ионии, на что указывает и сам Феокрит (ст. 21). Однако возможно, что Феокриту хотелось написать лирическое стихотворение именно на том диалекте и тем размером, какими пользовались великие древние лирики — Алкей и Сапфо.

Была ли прялка, которую Феокрит вез с собой для жены Никия, свадебным подарком, как предполагали некоторые филологи, старавшиеся сделать из этого вывод относительно даты написания этого послания, неизвестно. Из самого стихотворения можно скорее сделать отрицательное заключение — Феокрит восхваляет Тевгенис уже как прилежную хозяйку, искусную пряжу и ткачиху, а Никий уже излечил многих людей от «болезней злых», однако она еще молода, иначе упоминание о легких прозрачных тканях, которые она будет ткать для себя, и употребление гомеровского эпитета «с тонкими лодыжками» было бы неуместно. Мы заменили этот характерно греческий эпитет прилагательным «стройная».

- 1 Афина Паллада считалась искусной прялкой и ткачихой и покровительницей женских рукоделий.
- 3 *Нелей* — основатель Милета, сын Кодра, последнего афинского царя.
- 7 Никий был и поэтом (см. комментарий к идиллии XI), поэтому Феокрит называет его сыном Харит.
- 17 *Архий* — выходец из Коринфа (Эфира — прежнее название Коринфа, см. идиллию XVI, 84) — основатель Сиракуз.

Идиллии XXIX и XXX

(«ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ», «ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ»)

Оба стихотворения, название которых буквально перевести на русский язык невозможно, наиболее правильно будет характеризовать как «любовные песни». Оба написаны на эолийском диалекте; по-видимому, как и в «Прялке» (идиллия XXVIII), Феокрит намеренно примыкает к традициям мелической лирики, созданной за несколько веков до него Алкеем и Сапфо. Первая песня (XXIX) написана четырнадцатисложным сапфическим стихом, вторая — тем же большим асклепиадовым стихом, как и «Прялка» (см. схему идиллии XXVIII).

Схема стиха идиллий XXIX такова:

— ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ ◡

Хотя обе любовные песни сходны по своему содержанию, по эмоциональному оттенку они противоположны друг другу. Первая, в которой автор убеждает юношу быть не столь суровым, написана

в юмористическом тоне, как и должно быть, — говорящий сам признает с первых же слов, что он пьян; поэтому его советы нельзя принимать всерьез, да он и сам их не принимает. Легкой грустью звучат только слова о быстро проходящей молодости, которую нельзя догнать (ст. 28—30). Напротив финал стихотворения — угроза юноше оставить его (ст. 35—40) и не преследовать его своими похвалами, звучит комически, поскольку юноша, видимо, будет этому только рад.

Легран делает попытку придать обоим любовным песням биографическое значение: они якобы выражают настроение стареющего поэта. Едва ли это предположение правильно; гораздо вероятнее как раз обратное: XXIX, а может быть, и XXX идиллии являются такими же юношескими упражнениями Феокрита в сочинении любовных лирических стихов в разных размерах и на разных диалектах, как идиллия XII.

Вторая любовная песня носит действительно более серьезный характер, чем первая; жалоба на непобедимую силу любви, на невозможность для смертного сопротивления Эросу, покорявшему даже богов, звучит естественно. Красивые образы и сравнения, музыкальный стих делают эту песню лучшей из трех любовных песен; но того горячего чувства, которое пытаются здесь найти, нет и в ней.

Идиллия XXIX

- ³⁴ Подразумевается дружба Ахилла с Патроком.
Золотые плоды — яблоки из сада Гесперид, которые Геракл принес Эврисфею (см. примеч. к «Мегаре»), подвергшись множеству опасностей, — это был один из двенадцати подвигов Геракла. Другим подвигом была победа над Кербером.
- ³⁸ *Кербер* — трехглавая собака, сторожившая вход в подземное царство мертвых. Геракл по приказу Эврисфея привел ее к нему, но Эврисфей так испугался страшного пса, что Геракл сейчас же отвел его обратно. Подвыпивший герой идиллии XXIX чувствует себя в силах повторить все подвиги Геракла.

Идиллия XXX

- ¹⁰ См. примеч. к идиллии XI, ст. 16.

ИЗ «БЕРЕНИКИ» (ФРАГМЕНТ)

Данный фрагмент сохранен Афинеем (VII, 284 A). О какой Беренике в нем идет речь, точно не известно; о матери ли Птолемея Филадельфа, которую Феокрит восхваляет в «Энкомии Птолемею», или о жене сына Филадельфа, Птолемея Эвергета. В первом случае фрагмент относится к 70-м годам III в., во втором — ко второй половине III в. Более вероятно первое предположение, так как неизвестно, прожил ли Феокрит так долго.

3—4 Речь идет о каком-то магическом жертвоприношении, которое должно обеспечить богатый улов.

ЭПИГРАММЫ

Эпиграммы, помеченные в рукописях именем Феокрита, по общему мнению, далеко не все принадлежат ему. Они имеются в трех рукописях, содержащих произведения буколических поэтов и в рукописях «Палатинской» и «Планудовой» антологий. Текст антологий кое-где расходится с текстом рукописей, но иногда и здесь, и там встречаются одни и те же ошибки. Эпиграммы Феокрита были собраны поздно, возможно, еще позже, чем его буколики. В большом сборнике эпиграмм, составленном Мелеагром Гадарским во второй половине I в. до н. э., их нет; следовательно, Мелеагр их не знал — едва ли он мог не дать ни одной из них.

По содержанию эпиграммы распадаются на несколько групп, расположенных; однако, часто вперемежку: шесть первых имеют чисто буколический характер, используют буколические традиционные имена и образы и, как считают исследователи, Феокриту не принадлежат. Другую группу составляют десять надписей посвятельного характера и эпитафий; эпиграммы, написанные лирическими размерами, посвящены известным древним поэтам⁵ и имеют самое разнообразное содержание. По вопросу о подлинности эпиграмм мнения исследователей сильно расходятся: Аренс признает подлинными девять, Виламовиц — пять, Легран — восемь. Наиболее надежной считается эпиграмма VII, посвященная врачу Никию, другу Феокрита (см. комментарий к идиллии XI).

Некоторые эпиграммы описывают, как полагают, различные произведения изобразительного искусства; другие являются подлинными надписями на статуях и могильных камнях, третьи — просто небольшими лирическими стихотворениями. Однако точно определить характер каждой эпиграммы невозможно.

Э п и г р а м м а I

Пеан — имя Аполлона; пифийским Аполлон называется потому, что его знаменитейшее святилище в Дельфах лежало в той области Фокиды, которая в древности носила название Пифо.

Э п и г р а м м а V

Пектида — палочка или небольшая крепкая пластинка, которой удаляли по струнам кифары.

⁵ Среди них, по-видимому, из-за особого лирического размера попала эпитафия какой-то неизвестной женщины, кормилицы ребенка.

Эпиграмма VIII

Данная эпиграмма приписана в «Палатинской антологии» Леониду Тарентскому.

Эпиграмма IX

Тасос — остров в Эгейском море.

Келесирия — область в Сирии, лежащая между горными хребтами Ливаном и Антиливаном.

Эпиграмма XVI

Анакреонт — знаменитый лирический поэт VI в. до н. э., уроженец Теоса в Малой Азии.

Размер этой эпиграммы — усеченный на один слог трохаический тетраметр (ст. 1, 5 и 9), адонические стихи с анакрузой (четные стихи) и ямбический триметр (ст. 3 и 7).

С х е м а

— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | —

(усеченный трохаический тетраметр)

∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ — | ∪ —

(ямбический триметр)

Эпиграмма XVII

Эпихарм — известный греческий комик VI—V вв. до н. э. Размер эпиграммы одиннадцатисложные фалековы стихи (ст. 1 и 3) и архилоховы стихи, состоящие из четырех дактилей и трех трохеев (ст. 2 и 4).

С х е м а

— ∪ | — ∪ ∪ | — ∪ | — ∪ | ∪ ∪

(Фалеков стих)

— ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — ∪ ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪

(Архилохов стих)

Эпиграмма XVIII

Размер эпиграммы — архилоховы стихи (ст. 1 и 4), ямбический триметр (ст. 2 и 5) и усеченный ямбический триметр (ст. 3 и 6).

С х е м а

○ — | ○ — | ○ — | ○ — | ○ — | ○

(усеченный ямбический триметр)

Э п и г р а м м а XIX

Архилох — знаменитый ямбограф VII в., родом с Пафоса. Размер эпиграммы одиннадцатисложный фалеков стих.

Э п и г р а м м а XX

Писандр — эпический поэт VII в. до н. э.
Размер эпиграммы — хориамбы.

С х е м а

○ — | ○ — | ○ — | ○ — | ○ — || — ○

Э п и г р а м м а XXI

Гиппонакт — поэт VI в. до н. э.
Размер эпиграммы — ямбический усеченный на один слог диметр.

Э п и г р а м м а XXIV

Главка — см. примеч. к идиллии IV, ст. 31.

С м е р т ь А д о н и с а

Это небольшое стихотворение, написанное ямбами, по общему признанию, позднего происхождения: возможно, оно принадлежит даже какому-то анонимному византийскому поэту.

С в и р е л ь

Стихотворение «Свирель» является так называемым «фигурным» стихотворением, какие были в моде среди александрийских поэтов; постепенно уменьшающиеся строки (каждая пара уменьшается на один слог, начиная с гекзаметра и доходя до дактиля с добавкой долгого слога от второй стопы) дают форму свирели, правда, в десять, а не в одиннадцать трубок.

По содержанию это стихотворение — посвящение свирели поэтом Симикидом (псевдоним Феокрита) Пану. Оно изложено в форме мифологической загадки. Имя каждого упоминаемого лица не называется, а изображается иносказательно.

- 1 Жена «Никого» и мать «бойца издалека» — Пенелопа; Одиссей в пещере Киклопа назвался «Никто»; имя «Телемах» по-гречески значит «сражающийся издалека».

- 2 Известен миф о том, что Пан был сыном Пенелопы от Гермеса. Пан — пастух коз; коза вскормила Зевса; Зевс же был «обменен на камень» Реей, которая дала Кроносу, пожравшему своих детей, камень вместо Зевса.
- 3 *Рогач* — Комат, пастух-певец; миф о нем излагается в идиллии VII. Он был заключен в деревянный ларь, где его питали медом пчелы; пчела — «дочь быка», так как рой пчел, кормивших Комата, вывелся в трупе быка.
- 4 *Край щита* — по-гречески «itys» с буквой «р» «Pitys»; нимфа Питида (Pitys) любила Пана.
- 5 Слово «рап» по-гречески значит «все» (Пан — получеловек, полукозел).
- 6 Пан любил нимфу Эхо — «чадо эфира и голоса».
- 7 Пан был поклонником одной из Муз и подарил ей свирель; в тексте — игра слов, буквально не переводимая.
- 9—10 Пана считали помощником греков в войнах с персами; персы — тезки Персея, который был невольным убийцей своего деда Акрисия.
- 11 *Сумоносцы* — пастухи; в тексте непереводимая игра слов.
- 12 Феокрит называет себя, кроме обычного псевдонима «Симихид» (идиллия VII), Парисом, так как его имя Theocritos с переменной одной буквы («о» на «е») — Theocrites значит «судья богинь», а Парис был избран судьей в состязании трех богинь в красоте.
- 13 Игра слов, буквально не переводимая: Пан ходит по вершинам гор, в тексте же — «ходящий по людям»; в нашем переводе слова «главы» до некоторой степени передает смысл стиха, так как «главы» есть и у гор, и у людей.
- 14 В городе Саетта одна женщина влюбилась в Пана; он является, таким образом, «жалом», пронзившим ее сердце любовью.
- 15 *Сын вора* — сын Гермеса, покровителя воров.
Без отца — ввиду того что у Пенелопы было много поклонников, происхождение ее сына якобы неясно. В этом стихе скрыта ирония над прославленной Гомером верностью Пенелопы Одиссею.
- 16 Пан ходит в охотничьей обуви; в тексте непереводимая игра слов, так как название этой обуви на одну букву отличается от слова «ларь», «сундук»; поэтому, буквально «с ногами в сундуках». Слово «лубок» до некоторой степени передает текст, так как из луба делают и деревянные башмаки, и короба.
- 17—20 *Безгласная дева без лика, со сладким голосом* — нимфа Эхо, для которой Пан, влюбленный в нее, играет на свирели.

МОСХ

Именем Мосха принято пометать в настоящее время восемь стихотворений: четыре из них можно назвать небольшими поэмами. Другие носят характер эпиграмм. Четыре первых приписывались

в ранних изданиях Альда Мануция, Юнты и Каллиерга Феокриту, три из них (кроме «Европы») впервые были напечатаны как принадлежащие Мосху в издании Меткерке, вышедшем в Брюгге в 1565 г. под названием «Идиллии Мосха Сицилийского и Биона Смирнского» — «Moschi Siculi et Bionis Smyrnali». *Idyllia, ed. Adolphus Mekerchus. Brugis Flandrorum, MDLXV*; к ним были добавлены три эпиграммы. В следующем году в издании Стефануса были напечатаны уже семь стихотворений, к которым в издании Орсини 1568 г. присоединилась еще одна эпиграмма из Планудовой антологии — «Эрос-сеятель».

Подлинность всех стихотворений оценивается различными учеными по-разному.

ЭРОС-БЕГЛЕЦ

В художественном отношении эта поэма заслуживает высокой оценки: она изящна и остроумна по мысли, красива по стиху и стилю. Характеристика Эроса в ней оригинальна и не типична для эллинистической поэзии, в которой образ Эроса, таинственного и мощного божества, снизился до образа капризного шаловливого ребенка (как в «Аргонавтике» Аполлония Родосского III, 90—160 и в XIX идиллии Феокрита); нередко же вместо одного Эроса выступает толпа Эротов, тоже шаловливых малюток, сопровождающих Афродиту (см. «Плач об Адонисе» Биона и анакреонтическое стихотворение в ямбах «Смерть Адониса»). В поэме Мосха его характеристика дана в двух планах: во-первых, основной его атрибут — пламя; у него огненный лик, горящие глаза, он носит при себе факел, который жарче солнца и в пламя окунуто его оружие — лук и стрелы; очевидно, по мысли поэта, он — воплощение жгучей любовной страсти; во-вторых, главным приемом его характеристики у Мосха служит антитеза: Эрос — маленький мальчик, но он страшен для взрослых мужчин и женщин, за которыми он охотится; его голос — как мед, а в сердце — желчь, он ходит обнаженным, но мысли его никому неизвестны и т. д. Эти антитезы не являются внешним риторическим приемом, а служат изображению противоречивости чувства любви; форма стихотворения естественно вытекает из содержания.

Такой же внутренней антитезой является описание «страшного» бога любви и юмористической ситуации: Афродита ищет сына выкликая его приметы так, как было принято объявлять о беглых рабах; она даже называет его этим термином *δραπέτιδης*. Она просит всякого, кто его увидит, притащить его к ней, не жалея и не поддаваясь на его уловки, — но во всей ее речи сквозит ее восхищение этим ребенком. Также юмористически звучит и обещани

Афродиты подарить тому, кто вернет ей сына, что-нибудь «побольше поцелуя», свидетельствующее об ее легкомысленном нраве.

Поэму «Эрос-беглец» использовал в XVI в. Торквато Тассо в своей пасторальной драме «Аминта». Амур, выступая в прологе, довольно длинном, местами буквально повторяет слова Афродиты из «Эроса-беглеца», местами дает перифраз их или развивает дальше тему Мосха:

... несмотря на резвые поступки
На детский вид мой — не ребенок я!
Мне, а не ей⁶ дарованы судьбою
Лук золотой и факел всемогущий...
Она меня разыскивает всюду,
Суля тому, кто ей укажет, где я,
И поцелуи сладкие, и то,
Что слаще поцелуя.

... мать
Меня еще ни разу не поймала.
Чтоб по приметам не могла она
Найти меня, как видите, не взял я
Ни лука, ни колчана, спрятал крылья.
Но все ж не безоружен я: свой факел
Вот в эту я лозу преобразил,
И светит пламенем она...

(Перевод М. Столярова и М. Эйхенгольца)

Тассо вносит и новые мысли, чуждые Мосху: например, что Венера не хочет отпускать Амура к простым людям; она требует, чтобы он жил в высшем обществе, а к поселянам посылает его младших братьев.

¹⁴ Ахеронт — см. примеч. к XII идиллии Феокрита; ст. 19.

Аид — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 63.

В этом стихе содержится намек, что даже боги царства мертвых подвластны любви: Аид — владыка (Плутей) влюбился в Персефону, дочь Деметры, а сама Персефона — в Адониса, любимого Афродитой (см. «Плач об Адонисе» Биона, ст. 54—55, 96).

²¹ Афродита не раз бывала уязвлена стрелами Эроса: ее благосклонностью пользовались Арес, Анхис и Адонис.

⁶ Матери — Венере.

ЕВРОПА

Три рукописи XIII в. приписывают поэму «Европа» Мосху; нет никаких оснований сомневаться в этом; в «Европе» и «Эросе-беглеце» много общих черт — красивый легкий стих, пластичность образов, наличие антитез, юмор.

Поэма «Европа» излагает в форме поэтического эпиллия миф об одном из любовных походов Зевса: влюбившись в молодую девушку, Европу, Зевс превратился в быка и, похитив ее, перенес ее на своей спине через море на остров Крит, где она родила ему двух сыновей — Миноса и Радаманта, ставших впоследствии судьями в загробном царстве. Существовали различные варианты мифа: так, у Гомера («Илиада», XIV, 321—22) Европа названа дочерью Феникса, у Овидия («Метаморфозы», II, 858) — дочерью Агенора. Имя Феникса было впоследствии истолковано как название народа и Европа стала «финикийской царевной». Но основной стержень мифа — превращение Зевса в быка и его бег по морю — всюду сохранен. Эллинистические поэты охотно разрабатывали мифы эротического содержания, дававшие при этом возможность живой «человеческой» характеристики действующих лиц в несколько ироническом тоне. Миф о Европе предоставлял подходящий материал для такой трактовки.

Композиция эпиллия «Европа» довольно сложна; он состоит из четырех частей: 1) сон Европы; 2) описание золотой корзины, в которую Европа собирает цветы; 3) появление быка и 4) бег через море.

Сон Европы служит введением к поэме: под видом двух женщин два материка — Азия и Европа — привлекают к себе то одна, то другая юную девушку; сон носит характер пророческий и символический, поэтому не реалистичен. Описание золотой корзины во второй части интересно в двух отношениях: во-первых, с точки зрения литературной — описание какого-нибудь предмета художественного ремесла является обязательной составной частью каждой эпической поэмы, начиная с описания щита Ахилла в «Илиаде» и кубка Нестора в «Одиссее». Мосх остался верен этой традиции. Во-вторых, имел ли Мосх, составляя это описание, подобное произведение искусства перед глазами или нет, но его подробное и точное изображение трех различных способов литья или штамповки золота и — что еще важнее — упоминание об эмали, из которой сделана голубая река, — имеют значение как доказательство высокого уровня эллинистической техники.

Вторая часть поэмы может показаться искусственно включенной в поэму только как дань традиции и не связанной ни с предыдущим, ни с последующим. Однако это не так. С первой частью она связана тем, что ей тоже присущ символический характер: на корзине изобра-

жен миф об Ио, дочери аргивского царя Инаха, которую любил Зевс и которую ревнивая Гера превратила в корову и отдала под охрану недремлющего стоокого чудовища Аргуса; но Аргус был усыплен игрой Гермеса на лире, и Ио удалось бежать. Она долго блуждала по разным странам, преследуемая шершнем, который все время жалил ее и довел до безумия. Переплыв море, Ио достигла Египта, где Зевс вернул ей человеческий образ и где она стала родоначальницей египетских царей, родив Зевсу сына Эпафа. Дочерью Эпафа была Ливия, упоминаемая Мосхом в ст. 39, а мать Европы — Телефасса была ее родственницей (ст. 40) и получила корзину от нее в подарок. Таким образом, описание золотой корзины связано с историей Европы и генеалогически, и символически; вся судьба Ио как бы предвещает будущее Европы. Но составные части мифов варьируются: Ио превращена в корову и плывет по морю сама, то же в мифе о Европе выполняет Зевс; Ио — родоначальница египетских царей, Европа — критских; таким образом, описание корзины органически сливается с темой эпиллия: оно в символических образах также предсказывает дальнейшую судьбу героини эпиллия, Европы, как и первая часть поэмы.

Третья часть носит характер юмористический, но приукрашена риторикой: описание чудесного быка начинается с ряда отрицательных сравнений (он ведь, конечно, не похож на простых быков, несущих тяжелый труд) и переходит в восхваление его качеств — его синих глаз, золотистой шкуры, голоса флейты и дыхания ароматней цветов; серьезность тона этого описания невольно вызывает улыбку у читателя — в чем, несомненно, и заключалась цель поэта.

Самой удачной с художественной точки зрения является часть четвертая — описание бега быка по морю; свадебный поезд Зевса — морские чудища, тритоны, nereиды, сидящие на спине у дельфинов, — все это изображено настолько живо, что, как и во второй части, напрашивается мысль, не описал ли Мосх какое-либо известное ему произведение изобразительного искусства. В картине имеется несколько мелких реалистических деталей: Европа подбирает свое длинное платье, чтобы не замочить его, а ветер раздувает ее покрывало, как парус. В юмористическом тоне построен разговор Европы с быком: девушка, видимо, не столько испугана похищением или огорчена разлукой с семьей и родиной, сколько удивлена способностью быка бежать по воде и обеспокоена тем, чем он будет кормиться: это — характерное для эллинистических поэтов легкое подшучивание над древним мифом, своеобразная, но не слишком явная «травестия» его.

Миф о Европе отражен во многих произведениях изобразительного искусства различных народов и эпох.

- 39—42 *Сотрясающий землю* — бог моря, Посейдон. Телефасса — мать Европы; после похищения Европы отправилась на поиски ее в сопровождении брата Европы Кадма, и умерла во Фракии.
- 44 Ио, дочь аргиевского царя Инаха, была жрицей; миф о ней использован несколькими античными писателями; наиболее известная литературная обработка его — трагедия Эсхила «Прикованный Прометей». Ио, терзаемая шершнем, появляется около кавказских гор, где несет наказание Прометей, и бежит дальше, испуская вопли отчаяния. Ио изображалась как женщина с изогнутыми рогами на голове, и поэтому иногда отождествлялась с египетской богиней Исидой, тоже изображавшейся с коровьими рогами, а иногда просто в виде коровы.
- 43—82 Расположение изображений на корзине Европы не ясно: в первой группе четыре фигуры — два юноши, Зевс и корова, во второй — две: Аргус и Гермес; кроме того, птица с пестрыми крыльями, которыми она «покрывает» или «охватывает» корзину. По всей вероятности, обе группы расположены симметрично по бокам корзины, поскольку фигуры Зевса и двух юношей находятся в вертикальном положении и занимают мало места (возможно также, что юноши, стоящие на берегу, находятся над Зевсом и изображены в уменьшенном размере); фигура спящего гиганта Аргуса должна занять почти всю вторую половину, оставив место только для Гермеса, по всей вероятности, сидящего. Птица, по-видимому, служила либо ручкой, перекинутой через корзину, либо была изображена на ее крышке.
- Нарцисс* — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 133.
- Гиацинт* — см. примеч. к X идиллии Феокрита, ст. 28.
- 75 *Оружье Киприды* — на Афродиту перенесен здесь атрибут ее сына Эроса — стрелы, возбуждающие любовную страсть.
- 98 *Мигдонская флейта* — фригийская. Фригийцы славились искусством игры на флейте; фригийские мелодии считались особенно нежными и страстными. Мигдония — северная часть Фригии, около Олимпа Вифинского.
- 118 *Нереиды* — морские девы, дочери морского старца Нерея и Дориды; они олицетворяют тихое море и приходят на помощь морякам. Гесиод насчитывает пятьдесят нереид. Гомер — тридцать четыре. Наиболее известны из них — Амфитрита, жена Посейдона, и Фетида, жена Пелея, мать Ахилла.
- 122 *Тритоны* — морские божества, полулюди, полурыбы, по приказанию Посейдона успокаивающие море звуками, извлекаемыми из больших изогнутых морских раковин. Первоначально Тритон считался сыном Посейдона и Амфитриты; впоследствии его образ, как и Эроса (см. комментарий к «Эросу-беглецу»), раздробился на множество мелких вспомогательных божеств.
- Оры* — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 150.

ПЛАЧ О БИОНЕ

Поэма «Плач о Бионе» приписывается в нескольких рукописях XIV в. Феокриту, а в одной носит пометку: «Мосха или Феокрита сикелиота», причем слова «или. . .» написаны другим почерком, чем вся рукопись и чем слово «Мосха». По-видимому, переписчики сами сомневались в том, кому принадлежит это стихотворение, и, не желая оставить его анонимным, помечали его одним из уже известных имен.

Между тем «Плач о Бионе» носит на себе черты позднего происхождения и ни по хронологическим соображениям, ни с точки зрения художественной не дает оснований приписывать его кому-либо из известных нам буколических поэтов. И Мосх, и Бион жили на столет позже Феокрита, а Бион — позже Мосха; следовательно, автор «Плача о Бионе», сокрушающийся о его смерти и называющий себя «наследником его дорийской песни» (102—103), был одним из эпигонов буколической поэзии.

Был ли автор «Плача» непосредственным учеником Биона, который, по его словам, «учил своих учеников пастушеским песням» (100—101), или он был только его почитателем и последователем, из самого «Плача» не видно: автор «Плача» — италиец, он поет «о горе авсонян» (Авсония — Южная Италия), Бион же — житель Малой Азии; но при оживленных сношениях, существовавших издавна между Сицилией, а также и Великой Грецией и бассейном Эгейского моря, весьма возможно, что италийский поэт учился у Биона или что Бион бывал на родине буколики — в Сицилии. Именно на это, как будто, указывают и те стихи «Плача», где автор просит соловьев рассказать Аретусе о смерти Биона (ст. 10), и те, где он говорит, что Бион должен спеть Персефоне в Аиде «сицилийскую песню» и тогда она его вернет любимым горам (131) — очевидно, горам Сицилии. Возможно, однако, что все это — дань литературной традиции, согласно которой Сицилия, а не Аркадия, в то время считалась классической страной буколики.

Что касается художественной формы и содержания «Плача о Бионе», то и в том, и в другом автор его не проявил оригинальности: «Плач» — произведение подражательное, местами даже комплиментное, свидетельствующее о том, что его автор хорошо знаком с произведениями своих предшественников, умеет искусно комбинировать их мотивы и владеет стихом, но весьма редко проявляет самостоятельность.

«Плач о Бионе» и по форме, и по содержанию связан с двумя произведениями: с I идиллией Феокрита и с «Плачем об Адонисе» Биона. Он построен в той же форме не равных между собою стрóf, разделенных рефреном; однако это последнее средство в «Плаче о Бионе» использовано менее искусно: рефрен не изменяется на про-

тажении всего стихотворения, между тем как у Феокрита обращение к Музам к концу песни о Дафнисе несколько меняется, а у Биона возглас «погиб прекрасный Адонис» нередко вплетается в ткань повествования. Что касается содержания, то автор «Плача о Бионе» развивает подробно и слишком многословно ту мысль, которая выражена в одной строфе I идиллии — что вся природа скорбит, когда умирает певец-пастух: в «Плаче» бесконечно перечисляются все те, кто горюет о смерти Биона: цветы, птицы, люди, превращенные в птиц, боги и полубоги и, наконец, все почитатели прежних поэтов, которые, однако, якобы ценят Биона больше, чем всех его знаменитых предшественников: он, оказывается, равен только Гомеру, а все остальные поэты ниже его. Эти длинные перечисления и гиперболы снижают впечатление от «Плача», в котором есть и удачные лирические места, касающиеся самого Биона и полные искреннего чувства: таковы, например, характеристика творчества Биона (ст. 80—84) и жалоба на краткость и бесцельность жизни (ст. 105—110), ясно отражающая то упадочное настроение, которое владело многими умами в покоренной и обесиленной Греции. Итак, хотя «Плач о Бионе» является убедительным примером омертвения созданного Феокритом жанра буколики, но даже и в нем сохранились следы подлинного греческого лиризма.

- 1 *Дорийские воды* — подразумеваются, по-видимому, реки и ручьи Сицилии.
- 5 О происхождении роз и анемонов имеется поэтический миф: Афродита плакала над истекавшим кровью Адонисом, и там, где ее слезы падали на землю, выростали белые анемоны, а из крови Адониса — алые розы; по другой версии, из капель его крови произошли анемоны, а розы, до того бывшие белыми, окрасились кровью богини, израненной шипами терновника. См. «Плач об Адонисе» Биона, ст. 65—66.
- 10 *Аретуса* — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 113.
- 12 *Дорийская песня* — пастушеская песня, буколика.
- 14 *Стримон* (теперь Струма) — река на границе Македонии и Фракии, на берегах которой погиб Орфей, мифический певец, зачаровавший своими песнями даже диких зверей.
- 17 *Эагр* — супруг одной из Муз, Каллиопы, и отец Орфея; Эагровы девы — Музы.
- 18 *Бистония* — часть Фракии.
- 27—28 *Сатиры* — см. примеч. к IУ идиллии Феокрита, ст. 63. Использование имен Приапа и Пана во множественном числе необычно; по-видимому, образ того и другого в эллинистической поэзии раздробился на несколько мелких божеств, как образы Эроса (см. комментарий к «Эросу-беглецу») и Тритона (см. примеч. к ст. 122 «Европы» Мосха).

- 29 Нимфы ручьев и источников, обычно называемые «наядами», здесь названы «кранидами» от «κράνος» — источник.
- 30 Эхо — см. примеч. к «Свирели» Феокрита.
- 37 Сирена — одна из трех сестер, прислужниц Персефоны, с которыми она играла в то время, когда ее увидел Плутей. После похищения дочери Плутием Деметра в наказание превратила их в птиц; они жили после этого на острове в Средиземном море и, сидя на берегу, пели печальные напевы, настолько очаровательные, что ни один мореход не мог проехать мимо них, не пристав к острову, где его ждала голодная смерть. От них спаслись только аргонавты благодаря Орфею, заглушившему своей песней песню сирен, и Одиссеей со своими спутниками (см. «Одиссея», IX). В эллинистической поэзии они обычно выступают не как соблазнительницы, а как плакальщицы. О них говорят во множественном числе; возможно, что и в данном случае имя «Сирена» в единственном числе употреблено как родовое имя (см. ниже примеч. к ст. 43). В одной рукописи вместо Сирены назван дельфин.
- 38—39 Аэдона — буквально «соловей» (по-гречески женского рода). Есть различные версии мифа о превращении Аэдона, жены фиванского царя Зета, в соловья. По одной, она, завидуя многодетной царице Ниобе, пыталась убить одного из ее сыновей, но убила своего родного сына Итиса; превращенная Зевсом в соловья, она оплакивает гибель сына, восклицая «Итис, Итис» (считалось, что в пенье соловья можно различить эти слоги). По другой версии, она была оскорблена мужем, обесчестившим ее сестру Хелидону (по-гречески это имя означает «ласточка»), и обе сестры, чтобы отомстить ему, убили Итиса и, спасаясь от преследования, превратились в соловья и ласточку.
- 40 Кеикс и Алкиона, нежно любившие друг друга супруги, были превращены Зевсом из жалости в чайку и нырка, после того как один из них погиб при кораблекрушении (по одной версии, Кеикс, по другой — Алкиона). Группа стихов 37—41 истолкована Леграном как перечисление мифологических героев, превращенных в птиц; Аренс считает ее перечислением просто названий животных и птиц, принимает версию «дельфин» (см. ст. 37), а другие названия пишет с маленькой буквы и истолковывает как «соловей, ласточка» и т. д. Поскольку в нашем переводе мы следуем тексту Леграна, мы переводим эти слова как имена собственные; однако толкование Аренса также имеет много оснований.
- 41 Этот стих, по мнению Леграна, является интерполяцией.
- 42—43 Мемнон — сын богини зари Эос, царь эфиопов, пришедшей на помощь троянцам после смерти Гектора; он был убит Ахиллом. Его спутники так горько оплакивали его смерть, что превратились в птиц, которые то жалобно кричали над его гробницей, то устраивали над ней бон в честь его. «Мемнонова птица» — здесь в единственном числе — как родовое понятие.

- 87—80 *Галатя и Киклоп* — см. примеч. к VI идиллии Феокрита, ст. 6.
- 89 *Адонис* — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 109.
- 70—71 *Мелеса* — река около Смирны, вытекающая из пещеры, в которой, согласно поверью, Гомер создал свои гимны.
- 72 *Каллиопа* — Муза эпической поэзии.
- 76 *Пегасидский ключ* — буквально «Ключ Пегаса», или «Гиппокрена», источник на горе Геликон, образовавшийся от удара копыта крылатого коня Пегаса и обладающий чудесной силой вдохновлять поэтов.
- 78 *Прекрасная дочь Тиндарея* — Елена, жена спартанского царя Менелая, бежавшая с Парисом, сыном троянского царя Приама, из-за чего разгорелась троянская война.
- 79 *Мощный сын Фетиды* — Ахилл.
- Менелай Атрид* — сын Атрея, царя Аргоса, муж Елены.
- 87 *Аскра* — город в Беотии, родина Гесиода, знаменитого эпического поэта VIII в. до н. э., автора «Теогонии» и «Трудов и дней».
- 88 *Пиндар* — знаменитый поэт V в. до н. э., автор дифирамбов (хорическая лирика), уроженец Фив в Беотии. Почему здесь упомянуты «беотийские леса», не ясно; Беотия не богаче лесами, чем многие другие области Греции, а Пиндар не был поэтом, воспевавшим именно леса.
- 89 *Алкей* — знаменитый лирический поэт VII—VI вв. до н. э., уроженец Лесбоса, большого богатого острова у берегов Малой Азии.
- 90 *Теосский певец* — Анакреонт.
- 91—92 *Архилох* — см. примеч. к XIX эпигр. Феокрита.

Сапфо — знаменитая греческая поэтесса, уроженка города Митилены на острове Лесбосе, современница Алкея (VII—VI вв. до н. э.).

Все те певцы, кому песню пастушью в уста положили
Звонкие Музы, рыдают о том, что ты смертью настигнут.
Самоса слава, скорбит Сикелид, в кидонийских пределах.

- 100 { Тот, в чьих глазах искони затаилась, сияя, улыбка,
Слезы льет нынче Ликид; и среди триопидских сограждан.
Там, где Алент протекает, Филет предается печали.

Эта строфа (ст. 94—99) спорная и не раз вызывала полемику между исследователями Феокрита. Она впервые появилась в издании Каллиерга (1516); отмеченная астериском и снабженная следующим примечанием: «Марк Мусур сказал, что нечто такое было пропущено» (подразумевается — в предыдущих изданиях).

В издании Орсини (1568) на полях около этой строфы имелась пометка «Мусура». Неясность этих замечаний побудила многих исследователей опускать ее, не помещая даже в комментариях. Однако такие знатоки, как Скалигер в XVII в. и Фалькенаар в XVIII в. выступили в защиту ее. Фалькенаар пишет: «Несколько стихов Мосха, опущенных в изданиях Вулкания, Гейнзия и Давида

Витфорда, я вернул на их законное место, откуда они были несправедливо удалены. Я даже удивляюсь, как могло прийти критикам в голову, что эти шесть стихов принадлежат Марку Мусуру и что этот поэтически настроенный муж ловко и хитро придумал их, чтобы заполнить пробел в рукописи. Ведь дело обстоит так, что Мусур нашел их в древнейшей рукописи⁷; на это указывает Иосиф Скалигер в своих примечаниях к Мосху: он признал их подлинными чадами Мосха и от его мнения не следовало уклоняться» («Theocriti Bionis Moschi carmina cum commentariis integris Valckenarii», t. II. Berolini, MDCCCX, p. 330—31).

Мейнке и Аренс, не признавая этих стихов подлинными, тем не менее поместили их в своих изданиях в подстрочных примечаниях, Виламовиц и Легран не привели их совсем. Несмотря на то, что мы придерживаемся текста Леграна, мы сочли нужным их привести, тем более, что с точки зрения композиции всего «Плача о Бионе» их помещение здесь весьма уместно: они описывают, как сами поэты более нового времени, хотя тоже в это время уже умершие, скорбят о смерти Биона; если эти стихи опустить, то имя Феокрита без всякого основания примыкает к перечислению городов, скорбящих о своих поэтах. Виламовиц почувствовал это и, на наш взгляд, произвольно изменил текст «ἐν Σираκοσίῳσι» на «εἰ Σираκοσίῳσι», т. е. вместо «меж сиракузян Феокрит [грустит]» на «ты — для сиракузян Феокрит»; смысл сильно изменен и притом не логично: это можно было бы сказать, если бы Бион был сиракузянин, а Феокрит — уроженец другого города (т. е. «ты для сиракузян являешься тем же, чем Феокрит для...»); но Феокрит сам сиракузянин и он сокрушается о Бионе среди своих сограждан. Этому вполне естественно могут предшествовать жалобы Сикелида, Ликида, Филета; эти имена явно заимствованы из VII идиллии Феокрита, и после них стоит имя ее автора. То, что все эти поэты во II в. до н. э. уже умерли, для автора «Плача о Бионе», перечислившего уже всех богов, полубогов и т. д., конечно, не имеет значения. Таким же намеком на VII идиллию Феокрита является в ст. 112—113 упоминание о «поющих лягушках» (см. идилию VII, ст. 41), однако этот стих не взят под сомнение.

Сикелид, Ликид, Филет, река Галент — см. примеч. к VII идиллии Феокрита.

116—118 Сведение о том, что Бион был отравлен или сам отравился, мы находим только здесь. Возможно, что оно анекдотично; биографии античных писателей нередко заканчиваются сообщением о их насильственной смерти.

120 *Дике* — богиня справедливости, раскрывающая преступления.

⁷ Фалькенаар подразумевает, очевидно, тот «codex Patavinus», который Мусур видел и который потом сгорел.

122—123 *Тартар* — подземное царство мертвых; это название часто употребляется как синоним Гадеса, или Аида. В него нисходили и вышли обратно живыми лишь Алкид, т. е. Геракл (назван так по своему деду по матери, Алкею), Орфей и Одиссей (о последнем см. «Одиссея», XI).

125 *Кора, или Персефона*, — по мифу, была похищена Плутеем, когда играла с подругами на склонах Этны, поэтому автор «Плача» зовет ее сицилийкой.

128—130 Орфей после смерти Эвридики, горячо любимой им жены, отправился в царство мертвых и пел там так сладко, что Плутей, по просьбе Персефоны, отдал ему жену, предупредив, чтобы он до выхода из Аида не оглядывался на нее. Орфей не выдержал испытания и потерял Эвридику навсегда.

Форминга — семиструнная лира.

МЕГАРА

Автор небольшой поэмы «Мега́ра» неизвестен. В одной рукописи XIV в. она приписывается Феокриту, в большинстве же других она помещена без имени автора среди других буколик Феокрита и Биона; в нескольких рукописях перед ней или после нее находится поэма «Геракл—убийца льва» (см. XXV идиллию Феокрита); и, наконец, иногда она вместе с «Европой» и «Эросом-беглецом», помеченными именами Мосха, включается в ряд крупных поэм (Аполлония Родосского, Никандра, Оппиана и др.). С XVI в., начиная с издания Стефануса, принято относить ее вместе с «Плачем о Бионе» к стихотворениям Мосха, помечая ее, однако, как недостоверно принадлежащую ему.

Помещение «Мега́ры» рядом с эпиллием «Геракл—убийца льва», по всей вероятности, объясняется родственной темой: обе поэмы примыкают к циклу мифов о подвигах Геракла и имеют некоторые общие черты.

Поэма «Мега́ра» предполагает, что читатель знаком с тем трагическим эпизодом в судьбе этого героя, который разработан Эврипидом в трагедии «Геракл-безумец» и кратко рассказан в прозе в «Библиотеке» Аполлодора⁸. Содержание эпизода таково: Фивы были некогда покорены жителями древнего минийского города Орхомена (об этом упоминает Феокрит в идиллии XVI, 105) и сделались его данниками; Геракл пришел на помощь фивянам, освободил их от уплаты дани и получил в награду руку дочери царя Креонта, Мега́ры; на младшей дочери Креонта, Пирре, женился брат Геракла.

⁸ Имеется упоминание о Мега́ре и в «Одиссее» (XI, 269—270); ее и Алкмену встречает в царстве мертвых Одиссей.

Ификл. Геракл и Мегара имели двух сыновей. Гера, преследовавшая Геракла своей ненавистью, не хотела допустить, чтобы он жил счастливо, и ввергла его в безумие: стрелами, полученными в подарок от Аполлона, он убил своих сыновей, а по трагедии Эврипида, и свою жену Мегару.

В данной поэме Мегара, оставшаяся в живых, оплакивает гибель детей, живя уже не в Фивах, а в Тиринфе с матерью Геракла, Алкменой, и своей сестрой Пиррой. Геракл странствует по свету, совершая подвиги по приказанию Эврисфея, Ификл сопровождает его, и о судьбе их ничего неизвестно. Горькие сетования Мегары и Алкмены и составляют содержание поэмы.

Поэма носит скорее лирический, чем эпический характер: она распадается на две равные части, два «плача» — Мегары и Алкмены, — между которыми от автора дан только небольшой переход в шесть стихов. Композиция поэмы своеобразна: она начинается без всякого введения, прямо с обращения Мегары к Алкмене и также внезапно обрывается на проклятии Алкмены Эврисфею, мучителю ее сыновей. Именно этот художественный прием дал повод исследователям сопоставлять поэму «Мегара» с эпилием «Геракл—убийца льва» (см. комментарий к XXV идиллии Феокрита), тоже лишенным эпического обрамления. Высказывалось предположение, что они принадлежат одному и тому же автору; но поскольку никаких объективных данных мы не имеем, дальше гипотезы, созданной исключительно на основании композиционного сходства, дело пойти не может. Нельзя, однако, не заметить, что «Мегара» гораздо более насыщена лирическим элементом, чем XXV идиллия.

Плач Мегары и плач Алкмены в свою очередь распадается каждый на две части: первый — на рассказ Мегары о безумии Геракла и на плач в собственном смысле слова; речь Алкмены, наоборот, начинается с жалоб и кончается рассказом о страшном сне, который она видела в предыдущую ночь. Таким образом, отсутствие эпического повествования от автора восполнено рассказами обеих женщин; именно эти рассказы и являются эпической рамкой, в которую включены чисто лирические горестные жалобы Мегары и Алкмены. Лирические части поэмы несколько растянуты, многословны, излишне слезливы и сентиментальны. Наиболее удачно построен рассказ о страшном сневидении: мать видит во сне, будто Геракл и Ификл во время тяжелой работы на поле — они роют глубокий ров — гибнут от внезапно вспыхнувшего пожара, причем Ификл пытается спасти брата, но поражен полным бессилием. Сон носит отчасти символический характер, так как он связан с судьбой Геракла: Геракл копает ров — намек на один его подвиг — отвод реки Алфея для очистки хлебов царя Авгия; Геракл гибнет в огне — предсказание его смерти на костре в Трахине. В то же время сон

написан в реалистических тонах: быстрая смена событий, падение и бессилие Ификла, испуг и плач Алкмены во сне, ее внезапное пробуждение на заре и невозможность освободиться от тягостного впечатления, оставленного страшным сном, — все это описано живо, ярко и художественно. Кто бы ни был автором этой небольшой поэмы, нельзя отрицать у него известного литературного дарования.

- 4—5 Геракл, сын Зевса и Алкмены, жены тирифского царя Амфитриона, находился в подчинении у двоюродного брата своей матери, Эврисфея, и по его приказанию совершал свои подвиги. В день, когда Геракл должен был появиться на свет, Зевс похвалился тем, что в этот день родится тот, кто станет владыкой над всеми своими родичами (потомками Персея). Ревнивая Гера заставила Зевса поклясться, что это действительно исполнится, задержала роды Алкмены и ускорила роды жены Сфенела, дяди Алкмены; сын Сфенела Эврисфей родился раньше Геракла и, не будучи сам храбрым героем, получил власть над всем родом Персеидов.
- 14 *Керы* — страшные божества, приносящие смерть в бою или от повальных болезней; *Эриннии* — первоначально только богини мщения за пролитую кровь родича; однако уже у Эсхила в «Эвменидах» эти образы сближаются.
- 36 *Дивы* — главный город Беотии, расположен в средней Греции; Тиринф — в Пелопоннесе. Расстояние между ними более 100 километров.
- 49 *Истм* — Коринфский перешеек.
- 75 *Кора* — см. примеч. к «Плачу о Бионе», ст. 125.
- 82 *Ниоба* — жена фиванского царя Амфиона, похваставшаяся своей многодетностью — у нее было семь сыновей и семь дочерей — перед Латоной, матерью Аполлона и Артемиды. За это Аполлон и Артемида убили всех ее детей невидимыми стрелами; Ниоба же превратилась в камень, источающий воду.
- 108 Гефестовы стрелы — огонь.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Первые три небольших стихотворения приписываются Моску Стобеем: первое находится в разделе, озаглавленном «О мореплавании и кораблекрушениях», второе — в разделе «Об Афродите плотской и об Эросе» и третье — в разделе «Осуждение Афродиты и о том, что Эрос коварен...» Четвертая эпиграмма, написанная элегическим дистихом, носит заголовок «На Эроса пахаря» и помещена именем Мосха в так называемой «Anthologia Planudea», IV, 200.

I

Стихотворение написано от первого лица и по содержанию несколько приближается к песенкам мальчиков в VIII идиллии Феокрита; однако всякий намек на труд пастуха, на его реальную жизнь здесь отсутствует; речь идет только о том, что приятно нежиться в тени платана на берегу журчащего ручья. Это — уже та искусственная, идиллическая в нашем смысле слова ситуация, которая в новой европейской литературе развилась в пастораль. Трудности жизни рыбака отмечены уже Феокритом в идиллии I, а идиллия XXI «Рыбаки» (см. примеч. к ней) развивает эту тему подробно.

Чисто литературная ценность этой маленькой буколики настолько велика, что она привлекла к себе внимание молодого Пушкина, который в 1821 г. дал поэтическое переложение ее под названием «Земля и море», включенное им впоследствии в издание 1826 г. в раздел «Подражания древним».

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет,
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут,
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы:
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

Сам Пушкин слабо знал греческий язык, так что его переложение сделано или по какому-либо прозаическому подстрочнику, или является подражанием французскому переводу буколик, которых в XVIII в. было уже не мало.

II

Данная эпиграмма шуточного эротического характера заимствует из буколических стихотворений только традиционные имена Пана, Эхо и добавляет к ним имя Лида, ставшее известным с элегической поэмы «Лида» Антимаха (V в. до н. э.). Едва ли автор давал совет, заключенный в последнем стихе, так сказать, «всерьез»; по всей вероятности, его больше интересовала игра слов на три разных глагола, которыми выражается в греческом языке понятие любви.

III

Алфей — река в Пелопоннесе, несколько раз менявшая свое течение и исчезающая в подземных пещерах; с этим явлением связан миф о любви бога реки Алфея к прекрасной нимфе Аретусе, которая, спасаясь от его преследований, бросилась в море, доплыла до острова Ортигии около Сицилии и там превратилась в речку; но влюбленный Алфей нырнул, проплыл под морем, догнал ее на Ортигии и стал ее мужем.

Лиса — см. примеч. к IV идиллии Феокрита, ст. 29.

Это стихотворение было использовано итальянским поэтом XVI в. Батистом Гварини в прологе к его пасторальной драме «Верный пастух»; оно сильно расширено, но основная его тема несомненно заимствована у Мосха: Алфей выступает сам и говорит, что, может быть, зрители слышали невероятную повесть о влюбленном потоке, который, чтобы последовать за бегущей волной любимой им Аретусы, проник в глубочайшие недра земли.

В использовании Мосха Гварини следует примеру Тассо (см. комментарий к «Эросу-беглецу»), которому он сильно подражал.

IV

Данная эпиграмма, возможно, описывает какой-то барельеф или статуэтку. В греческих антологиях такие эпиграммы встречаются.

Деб — одно из имен Деметры.

Европин бык — см. «Европу» Мосха.

БИОН

Из всех стихотворений, помещенных в следующем разделе, достоверно принадлежат Биону только семнадцать маленьких стихотворений и фрагментов, сохраненных Стобеем с указанием: «из буко-

лики». Единственное крупное стихотворение — «Плач об Адонисе» — было в первых изданиях (Альда Мануция, Юнты и Каллиерга) приписано Феокриту на основании лишь одной группы рукописей (XIV в. и позже), и уже в 1565 г. Меткерке, опираясь на гипотезу крупного филолога Камерария, включил его в свое издание малых буколических поэтов с именем Биона, присоединив еще пять фрагментов из Стобэя. Стефанус в первом издании 1566 г. принял эту атрибуцию и добавил еще два мелких стихотворения; в издании Орсини 1568 г. число фрагментов было доведено до тринадцати; именно в нем впервые появился крупный фрагмент эпиллия «Эпиталиямий Ахилла и Дейдамеи»; наконец, последние четыре фрагмента были напечатаны в женевском издании Виньона в 1584 г. С тех пор во всех изданиях воспроизводятся все эти стихотворения, однако достоверность их оценивается учеными по-разному.

ПЛАЧ ОБ АДОНИСЕ

Гипотеза Камерария о принадлежности «Плача об Адонисе» Биону опирается в основном на сличении этого «Плача» с подражательным «Плачем о Бионе» (см. выше); в последнем имеется, несомненно, несколько ясных намеков на мотивы первого: так, ст. 68—69 «Плача о Бионе» (о прощальном поцелуе Афродиты, который она дарит Адонису) связаны со ст. 13—14 «Плача об Адонисе»; стих 5 («алеите, розы и анемоны») первого — со ст. 65—66 второго (о происхождении роз и анемонов из крови Адониса и слез Киприды). Есть некоторые сходные моменты в концовках стихов, в эпитетах и т. п. Камерарий исходил из предположения, что автор «Плача о Бионе» сознательно старался ввести мотивы из произведения своего учителя, которое было, по всей вероятности, достаточно известно читателю, чтобы он мог уловить эти внутренние связи. Однако нельзя сказать, чтобы эти «ретроспективные» доказательства были вполне убедительны; мотивы, приводимые в качестве примеров заимствования из Биона могли быть тем, что принято называть общими местами плачей (как и миф о происхождении возгласа плакальщиц «Аи») графическое изображение которого якобы можно было увидеть на лепестках ириса). См. прим. к ид. X, ст. 28. Сходство между стихотворениями и повторные мотивы — довольно слабые доказательства заимствования и тем более авторства, особенно применительно к античной поэзии, обладавшей огромным арсеналом таких общих мест. Едва ли можно на этом основании с достоверностью устанавливать имя автора.

По композиции «Плач об Адонисе» ясно распадается на три части: первая (ст. 1—38) носит в основном эпический характер — в ней описана смерть Адониса и плач всей природы над ним. Плач

природы значительно сильнее и поэтичнее, чем в сухих перечислениях «Плача о Бионе», но данная трактовка его все же не может сравниться с ясностью и простотой I идиллии Феокрита, где мы впервые встречаемся с этим мотивом: в ней есть сентиментальность и, если употребить современный термин, нарочитый «эстетизм». Вторая часть — лирическая (плач Афродиты и эротов, ст. 39—66) и третья — опять преимущественно эпическая — подготовка к погребению Адониса (ст. 67—97).

От лица автора в этой поэме дано значительно больше, чем обычно в эпиллиях; он обращается к Киприде в ст. 3—5 (говоря ей о гибели Адониса), в ст. 68—78 (напоминая ей о том, что надо оказать Адонису все погребальные почести) и в последних стихах (97—98). Эти последние стихи дали повод предполагать, что «Плач об Адонисе» представляет собой гимн, написанный для исполнения его на празднике Адониса, подобный тому, который поет аргивянка-певица в XV идиллии Феокрита. Это предположение нельзя отвергать с полной уверенностью; хотя в «Плаче об Адонисе» преобладает эпический элемент, но он имеется и в песне аргивянки; в «Плаче об Адонисе» он даже сильнее пронизан лирическими мотивами, чем в более традиционной, изобилующей мифологией песне в XV идиллии. Если принять, что этот гимн мог исполняться на празднике Адониса, то, несомненно, это могло иметь место только на второй день праздника — на погребении Адониса — и быть той «пронзительной песней» печали, которую поют женщины, «с плеч одеянья спустивши» (см. XV идиллию Феокрита).

В «Плаче об Адонисе» есть рефрен; но применительно к этому стихотворению о строфическом построении можно говорить еще меньше, чем относительно I идиллии Феокрита и «Плача о Бионе»: кроме указанных трех главных частей, в нем нет других мелких подразделений; рефрен искусно включается в общую ткань стихотворения, причем не раз варьируется.

С художественной стороны наиболее высокой оценки заслуживает, на наш взгляд, средняя часть — плач Киприды. Автору удалось вложить в традиционную форму плача живое личное горе, найти сильные и трогательные слова и мысли (например, ст. 53—55, 58).

Напротив, третья часть с описанием толпы плачущих эротов производит впечатление скорее несколько комическое своей излишней сентиментальностью, и только ст. 95—96 опять восстанавливают впечатление трагического плача.

¹ Миф об Адонисе — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 109.

¹⁹ Ореады — горные нимфы.

²⁴ Адонис назван ассирійцем потому, что его культ имеет восточное происхождение; вернее было бы назвать его «сирийцем». В употребле-

нии этого необычного эпитета отражается типичное для поэта эллинистической эпохи желание показать свою эрудицию в области мифологии.

- 35 См примеч. к «Плачу о Бионе», ст. 5.
- 48 См. XXX идилию Феокрита и прим. к ид. XI, ст. 16.
- 52 *Мрачный злой владыка* — Плутей, царь царства мертвых.
- 60 *Пояс красы* — пояс Афродиты, придающий неотразимое очарование всякой женщине, которая наденет его. Даже царица богов Гера унижается до того, что просит этот пояс у Афродиты, желая возбудить в Зевсе страсть к себе (см. «Илиада», XIV — «Обман Зевса»).
- 77 *Сирийская мазь и миро* — благовонные вещества, которыми умащали тело умерших, чтобы замедлить тление.
- 87 *Гимен, или Гименей* — см. примеч. к XVIII идиллии Феокрита, ст. 58.
- 91 *Хариты* — см. комментарий к XVI идиллии Феокрита.
- 93 Стих плохо сохранился. Диона — мать Афродиты; упоминание ее здесь не вполне понятно: правда, она может разделять горе дочери.
Мойры — см. примеч. к I идиллии Феокрита, ст. 134. Этот стих, возможно, является откликом на 134 стих I ид. Феокрита; там Афродита хотела бы воскресить Дафниса, с которым она враждовала при его жизни, но Мойры уже перерезали нить его жизни. Здесь автор прибегает к гиперболе — даже Мойры, властительницы судьбы, хотели бы вернуть Адониса, но и их заклипания бессильны перед волей Персефоны — Кору, царицы Аида.
- 96 *Кора* — см. примеч. к «Плачу о Бионе», ст. 125.

ЭПИТАЛАМИЙ АХИЛЛА И ДЕЙДАМЕИ

Данный фрагмент, дошедший до нас, является началом эпиаллии на мифологическую тему. По тем немногим стихам, которые у нас есть, видно, что в своем эпиаллии автор разработал древний миф в духе, обычном для эллинистической эпохи; он внес в него сентиментальность, элемент эротики и легкую иронию; все эти моменты уже намечены в вводных стихах.

Миф о юношеской любви Ахилла к дочери Ликомеда, царя острова Скироса, давал весьма подходящий материал для такой трактовки. Содержание мифа само собой наталкивает на мысль о травести, поскольку завязкой его является маскировка: нимфа Фетида, одна из Нереид, была выдана замуж по воле богов за смертного, царя мирмидонян, Пелея, и родила от него Ахилла. При его рождении ей было предсказано, что если сын ее станет воином, то он за-

служит бессмертную славу, но умрет очень молодым; если же он избрет мирную жизнь, то не прославится, но проживет долго. Фетида решила сохранить жизнь сына любыми средствами и поселила его на острове Скиросе среди девушек, окружавших царскую дочь Дейдамею; сам Ахилл долго не знал, что он — мужчина, но природа взяла свое; он влюбился в Дейдамею и от их тайного брака родился Неоптолем.

Данное стихотворение, судя по его названию, кончалось в тот момент, когда молодые люди заключили свой тайный союз. Едва ли автор эпиталамий проследил и дальнейшее развитие мифа — как хитроумный Одиссей, догадавшись о местопребывании Ахилла, проник на Скирос под видом торговца и соблазнил Ахилла красивым оружием, которое он показал ему в то время, когда окружавшие его девушки покупали ткани и украшения.

Своеобразна и притом не очень уместна та буколическая «рамка», в которую вставлен эпиллий: остается неясным, почему история любви Ахилла и Дейдамеи на Скиросе, острове Эгейского моря, названа «сицилийской песней», почему мифологический эпиллий сравнивается с той песней, которую пел влюбленный Киклоп Галатее; кто такие Мирсон и Ликид, носящие типичные заимствованные буколические имена; и почему, если они пастухи, они поют песню на такую небуколическую тему. Ясно, что введение этой якобы буколической рамки — только дань уже прочно установившейся традиции.

«Эпиталамий» не приписывается Биону ни в одной из известных нам рукописей (Аренс поэтому помещает его в «неподлинные» стихотворения). На каком основании он был отнесен к произведениям Биона в издании Орсини 1568 г., в настоящее время сказать нельзя; по всей вероятности, издатель заметил некоторые черты сходства между «Эпиталамием», «Плачем об Адонисе» и отрывками из «Буколик» Биона у Стобея. Черты эти, правда, довольно поверхностны: имена Ликида и Мирсона встречаются в «Эпиталамий» и в стихотворениях VI и XV (см. ниже), Полифема и Галатее — в «Эпиталамий», в стихотворении XIII и в «Плаче о Бионе»; очевидно, Бion имел какое-то отношение к этой теме. Есть некоторые слова и обороты, повторяющиеся и в «Плаче об Адонисе», и в «Эпиталамий». Все это, не давая, конечно, права с уверенностью приписывать «Эпиталамий» Биону, придает тем не менее этой гипотезе известную вероятность.

⁵ Скирос — остров в Эгейском море, на восток от Эвбеи.

⁶ Пелид — Ахилл, сын Пелея.

^{10—11} Пастух — Парис, сын троянского царя Приама, похитивший Елену, жену царя Менелая.

Ида — горный хребет в северной части Малой Азии. Перед рождением Париса его мать видела сон, что она родила огонь, который разгорелся и спалил Трою; поэтому ребенка отдали пастуху и поручили бросить его в лесу на Иде на съедение зверям. Но Париса вскормила медведица и когда тот же пастух через некоторое время нашел его живым, то взял его к себе. Парис стал пасти на Иде стада царя Приама и женился на нимфе Ойноне, дочери речного бога Кебрена. Однажды, когда он пригнал в Трою жертвенных быков, его родители узнали его и приняли к себе во дворец. После похищения Елены он покинул Ойнону.

11—13 *Лакедемон* — другое название Спарты:

Микены — город в Арголиде.

Элида — страна на западном берегу Пелопоннеса.

30 Этот стих сомнителен; в некоторых рукописях есть вариант — «Меня от тебя отлучает злая хитрая Нисея», по-видимому, какая-то надсмотрщица, которая боится оставлять Ахилла наедине с Дейдамейей. В нашем переводе мы придерживаемся варианта, принятого Аренсом, так как он дает вполне ясный смысл.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Семнадцать небольших стихотворений, из которых некоторые состоят только из одного стиха, расцениваются исследователями по-разному: например стихотворение V (по Леграну) разделено у Аренса на два: первые три стиха выделены под отдельным номером. Несколько стихотворений производят впечатление вполне законченных, другие, очевидно, являются афоризмами, извлеченными из более крупных произведений.

Черт буколики в буквальном смысле слова в этих отрывках очень мало: правда, Бюон называет себя пастухом (VII), использует буколические имена Мирсона, Ликида, Галатеи, но преобладающим элементом является либо любовная лирика, очень изящная, окрашенная легкой иронией и несколько поверхностная, либо философские афоризмы, меланхолические, но тоже не слишком глубокие. Образы Эроса и Афродиты трактованы с характерным для эллинизма ироническим оттенком, и жалобы на жестокость их звучат отнюдь не трагично.

III

Не ясно, в каких случаях Феб-Аполлон берет плату за свои песни; французский ученый М. Курби предполагает, что речь идет о дельфийском оракуле, собиравшем с посетителей немало денег; однако никаких указаний на это не имеется.

VIII

Геспер — название планеты Венеры, когда она появляется на закате.

IX

Это стихотворение посвящено прославленным в мифах друзьям — Тесею и Пейрифою, Оресту и Пиладу, Ахиллу и Патроклу. Тема тесной дружбы между товарищами по оружию была одной из любимых тем эпиграмм, декламаций и т. п. См. также XII идиллию Феокрита.

Тесей — сын афинского царя Эгея (см. примеч. к II идилли Феокрита, ст. 46); его друг Пейрифой влюбился в Персефону, хотел похитить ее и погиб. Тесей спустился за ним в Аид, но ему не удалось освободить Пейрифоя; напротив, его самого удерживали в Аиде, пока его не освободил Геракл.

Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, после смерти отца был отправлен своей сестрой Электрой в Фокиду к царю Строфию, женатому на сестре Агамемнона, и воспитан там с сыном Строфия, Пиладом; юноши были связаны тесной дружбой. Когда Орест, отомстивший своей матери за убийство отца, впал в безумие, Пилад сопровождал его всюду; по варианту мифа, переданному Эврипидом в «Ифигении в Тавриде» Оресту было приказано Аполлоном отправиться в Херсонес Таврический и привезти оттуда изображение Артемиды. Пилад сопровождал его и в этом опасном путешествии, которое едва не стоило жизни им обоим.

Ахилл назван Эакидом по Эаку, своему деду со стороны отца. Его друг — Патрокл. Мысль, что Ахилл радовался тому, что и он ненадолго переживет Патрокла, убитого Гектором, связана с стихом «Илиады» (XVIII, 98—99). Ахилл считал себя виновным в смерти друга, так как, будучи в ссоре с Агамемноном, он послал в своем вооружении на бой Патрокла, а не вышел сам. Патрокл должен был только появиться на поле боя и испугать троянцев, которые могли принять его за Ахилла, но он увлекся битвой и пал в неравном бою с Гектором.

XIV

См. примеч. к X идилли Феокрита, ст. 28.

ФИГУРНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Два фигурных стихотворения, перевод которых мы здесь даем, переводятся на русский язык впервые. Оба они находятся в «Палатинской антологии» (XV, 22, 24). Гефестион, грамматик II в. н. э., приписывает их поэту Симию Родосскому, современнику Феокрита.

Первое из них имело форму двойной секиры; стихи, по всей вероятности, были расположены в нем так, что длинные стихи (1—2) шли по лезвиям обеих полукруглых ножей, из которых состояла секира; потом от лезвия к древку, постепенно суживаясь, шли ст. 3—4, 5—6, 7—8, 9—10, и около самого древка находились два самых коротких стиха в три слога.

Второе стихотворение изображает два раскинутых крыла.

СЕКИРА

¹ Эпей, искусный строитель, но неудачливый воин на десятый год осады Трои по совету Афины построил огромного деревянного коня. Скрывшись в этом коне, которого троянцы ввезли в свой город как дар богов, Одиссей и Менелай с несколькими воинами проникли в Трою и открыли ночью ворота крепости; таким образом, Эпей косвенно явился покорителем Трои.

В поэмах Гомера, вопреки утверждению автора «Секиры», Эпей упоминается лишь мимоходом («Одиссея», VIII, 492; XI, 523). Известно, что его «подвиги» были воспеты в «Малой Илиаде», одной из киклических поэм, не дошедшей до нас. К этой поэме примыкает поздняя поэма Трифидора «Взятие Илиона» (V в. н. э.), в которой подробно описано построение деревянного коня.

КРЫЛЬЯ ЭРОСА

В этом стихотворении, в отличие от многих других произведений эпохи эллинизма, Эрос изображен не в виде шаловливого ребенка, а в более древней форме, связанной с «Теогонией» Гесиода (ст. 120), где Эрос является сыном Хаоса и древнейшим из божеств. К этому же пониманию бога любви, как самого мощного божества, первоисточника всей жизни, пришли в дальнейшем последователи мистического учения орфиков, распространившегося в первые века н. э. Такое истолкование образа Эроса носит философский характер.

- ¹ *Уран* — древнее божество, отец Кроноса, дед Зевса.
- ³ *Ана́нкэ* — буквально «необходимость», древнее божество. олицетворение мировых незыблемых законов.
- ^{к—9} По общераспространенному представлению, Эрос был сыном Афродиты, изменившей своему мужу, хромоногому Гефесту, с богом войны Аресом (см. «Одиссея», VIII, 266—366).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Пастух. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала III в. до н. э. Гос. Эрмитаж. (Фронτισпис) .	8
Голова Пана. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала III в. до н. э. Гос. Эрмитаж	12
Геката. Мрамор. Греческая работа конца V начала IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж	16
Пан и сатир. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала II—I вв. до н. э. Гос. Эрмитаж	24
Женская статуя. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала V — начала IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж	40
Мальчик с лирой. Мрамор. Римская работа I в. н. э. Гос. Эрмитаж.	44
Краснофигурный психтер с изображением гетер. Аттический мастер Эвфроний. Начало V в. до н. э. Гос. Эрмитаж	64
Женщины. Глина. III в. до н. э. Гос. Эрмитаж	68
Геракл-младенец. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала III—II вв. до н. э. Гос. Эрмитаж .	108
Геракл, борющийся со львом. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала Лисиппа. Вторая половина IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж	112
Дионис. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала середины IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж	120
Краснофигурная амфора с изображением Европы на быке. Греческая работа начала V в. до н. э. Гос. Эрмитаж	152
Эрот с палицей. Глина. Греческая работа III в. до н. э. Гос. Эрмитаж	176

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

5

ФЕОКРИТ

Идиллия I. Тирсис, или песня	9
Идиллия II. Колдуньи	15
Идиллия III. Козопас, или Амариллис	21
Идиллия IV. Пастухи, или Батт и Коридон	24
Идиллия V. Комат и Лакон	28
Идиллия VI. Пастухи-певцы Дафнис и Дамойт	37
Идиллия VII. Праздник жатвы	39
Идиллия VIII. Пастухи-певцы Дафнис и Меналк .	45
Идиллия IX. Пастухи-певцы Дафнис и Меналк	50
Идиллия X. Работники, или жнецы	52
Идиллия XI. Киклоп	56
Идиллия XII. Влюбленный	59
Идиллия XIII. Гилас	61
Идиллия XIV. Эсхин и Тионих, или любовь Киниски	64
Идиллия XV. Сиракузянки, или женщины на празднике Адониса	68
Идиллия XVI. Хариты, или Гиерон	76
Идиллия XVII. Энкомий Птолемею	80
Идиллия XVIII. Эпиталамий Елены	85
Идиллия XIX. Воришка меда	88
Идиллия XX. Пастушок	89
Идиллия XXI. Рыбаки	91
Идиллия XXII. Диоскуры	94
Идиллия XXIII. Страстно влюбленный	103
Идиллия XXIV. Геракл-младенец	106
Идиллия XXV. Геракл — убийца льва	111
Идиллия XXVI. Вакханки	120
Идиллия XXVII. Любовная болтовня	122
Идиллия XXVIII. Прялка	129
Идиллия XXIX. Любовная песня	131
Идиллия XXX. Любовная песня	133

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Из «Береники» (фрагмент)	137
Эпиграммы, I—XXVI	138
Смерть Адониса	144
Свирель	146

МОСХ

Эрос-беглец	149
Европа . . .	151
Плач о Бионе	157
Мегара	162
Разные стихотворения	167

БИОН

Плач об Адонисе	171
Эпиталамий Ахилла и Дейдамен	175
Разные стихотворения	177

ФИГУРНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Секира .	185
Крылья Эроса	186

ПРИЛОЖЕНИЯ

Буколическая поэзия эллинистической эпохи (М. Е. Грабарь-Пассек)	189
Рукописи и издания Феокрита, Мосха и Биона (М. Е. Грабарь-Пассек)	232
Комментарий (М. Е. Грабарь-Пассек)	243
Список иллюстраций .	324

Феокрит, Мосх, Бион
Идиллии и эпиграммы

*

Утверждено к печати редколлегией серии
«Литературные памятники»

*

Редактор Издательства О. К. Логинова
Технический редактор Е. Н. Симкина

*

РИСО АН СССР № 7—103В. Сдано в набор
9/VII 1957 г. Подп. к печати 8/I 1958 г. Фор-
мат 70 × 92¹/₁₆. 20,5 п. л. + 13 вкл. 15,8 уч.-издат.
л. (15,1 + 0,7 вкл.). Тираж 15000 экз. Изд. № 235†.

Тип. зак. № 231.

Цена 11 р. 80 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград,
В-34, 9 линия, д. 12.

